

Мансуров Андрей

Конан и Пришелец из другого Мира

Приключенческое фэнтези

Андрей Арсланович Мансуров

Конан и Пришелец из другого Мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34463094
SelfPub; 2018*

Аннотация

Конан-киммериец слишком известный герой, чтоб пытаться как-то изменить его классический образ. Поэтому я старался соблюдать традиции: невероятные и опасные приключения, злобные монстры, колдун, интриги, верные друзья, красавица... Всё это здесь есть, и я желаю всем поклонникам походов знаменитого варвара интересного чтения!

– Клянусь кишками Эрлиха, Конан, я видел всё сам – ясно и чётко! Вот, как тебя сейчас вижу! И должен тебе сказать, что страшней *этого* я ещё ничего не видал! – покрасневшее лицо, выпученные глаза, кривящийся и брызжащий каплями слюны рот, порывистое дыхание и сжавшиеся так, что аж побелели, кулаки Велемира, сказали киммерийцу, что его старый товарищ по похождениям на «Вестреле» и правда – верит, что всё, что он успел рассказать – было!

Похоже, что он действительно – видел что-то. Что-то такое, что пробрало его зачерствевшую и не обременённую особым воображением душу до самого дна.

Жаль только, что он не умеет вести рассказ не сбивчиво, перескакивая с события на событие, а так, чтоб можно было увидеть последовательность этих самых событий. И их связь. Да и ладно. Просто, значит, для того, чтоб выяснить то, что сейчас интересует Конана, придётся задавать наводящие вопросы. Но для начала – самое главное: жидкость, придающая лёгкость самому процессу рассказывания.

– Ну и дела, клянусь селезёнкой Неграла... – Конан покачал головой, – Эй, Юркисс! Мардук, что ли, поселился у тебя в погребе, что ты боишься туда лезть?! Почему у нас до сих пор нет свежего вина?! Ну, того, из Коринфских виноградников, а не этой дешёвой подделки из Кофа? Ну-ка, быстро! А то мы сами спустимся, и найдём! Перепробовав, конечно, все бочки, что там у тебя!..

– Сию минуту, Конан! Пожалуйста, прошу тебя: не надо

никуда спускаться и ничего дегустировать! – шустрый трактирщик-зингарец по имени Юркисс на зычный голос варвара прибежал так, словно за ним черти гнались! А ещё бы: однажды, месяца полтора назад, в самом начале их знакомства, когда Конан и правда, спустился в погреб, не вставленные на место затычки, которые варвар просто выбивал, подставляя, чтоб «не заморачиваться» с кружками, под струи «бездонную» глотку, трактирщику этот визит запомнился надолго. Вылившаяся жидкость на три дня превратила тёмное сырое помещение с низким потолком в противно чавкающее под сапогами болото. Спёртый и воняющий кислотой воздух которого от экзекуции над бочками, разумеется, суше и ароматней тоже не стал. – Вот, посмотри: я уже принёс всё, что вам нужно! Коринфское!

Действительно, в обеих руках толстячка было зажато два горлышка вождельных кувшинов изящной пузатенькой формы, приятно ласкающих горящие жаждой взоры Конана и его бывшего напарника.

– Неплохо, а то я уж было...

– Прошу тебя, Конан, не нужно! Это именно оно, то самое вино, которое тебе тогда так понравилось! Клянусь, как ты говоришь, селезёнкой Неграла! – пока Юркисс разливал недогнущей рукой вино по огромным кружкам – скорее уж, целым жбанам – Конан подумал, что если он проведёт в Силенсии, столице небольшого государства Тюринфии, ещё пару месяцев, клясться селезёнкой Неграла начнут вслед за

Юркиссом, его женой, и их многочисленными отпрысками, ещё и годовалые младенцы в колыбелях.

Но в планы киммерийца вовсе не входило задерживаться здесь настолько.

Нет, судьба вольного наёмника полна приключений, и путешествий! Ведь сидя на месте, словно какой-нибудь ремесленник, землешапец, или тот же трактирщик, наёмник-воин работы не найдёт. Значит, он должен сам искать места, где имеется работа именно для него. Работа, которая не по плечу землешапцу, ремесленнику, чиновнику. Ну, или государственному войску.

Так что как только закончатся деньги за очередную, уже сделанную, работу, варвар снова отправится. В путь. Но пока...

Странный рассказ бывшего товарища очень заинтересовал Конана.

Хотя бы тем, что султану того крошечного султаната – Порбессии – на побережье Ритонийского залива, где и пострадал его друг, помощь прожжённого, и ни богов ни демонов, ни тёмного колдовства стигийских магов не боящегося наёмника, уж точно – не помешает! То есть – вот она, буквально сама идёт в руки: новая работа!

Конан поднял кружку:

– За тебя, Велемир! Ты даже не представляешь, как я рад тебя встретить! Давненько, уж почитай, года два, я не видал никого из наших! Хотя знаю, что кое-кто ошивается в пор-

тах поблизости... Хотя, как и я, предпочли уже завязать с плаваниями! А кое-кто так и вообще – «остепенился»! Завёл жену, дом, детишек... Так что повторяю: я рад тебя видеть. И чертовски рад, что ты остался цел, и здоров. Ну, почти. А палец... Палец – тьфу! Такая мелочь при нашей-то работёнке вообще – не в счёт!

– Как это – не в счёт?! – товарищ Конана, поставив локоть на стол, уставился на то место, где у него вместо мизинца на левой руке имелось только наличие полного отсутствия означенной части тела, да и доброй четверти ладони, почти до запястья, и пучились складки и шрамы от кое-как сросшейся кожи, – Я очень любил его. Мой мизинец. Был к нему, можно сказать, трогательно привязан!

Оба сотрапезника некоторое время молчали, уставившись на утратившую столь «любимый» предмет кисть. Затем Конан оглушительно заржал:

– Чтоб мне лопнуть! Отличная шутка! А ты молодец, Велемир – смотрю, чувства юмора не потерял! – после чего хлопнул друга огромной лапой по не менее огромному плечу, и опрокинул в глотку ёмкость с веселящей жидкостью.

Велемир, который и сам ржал так, что с прокопченных бабок потолка старинного, насквозь провонявшего потом, горелым маслом и кислым вином трактира стали отваливаться хлопья прокопчённой насквозь паутины, последовал примеру варвара: осушил свою кружку до дна. Довольно крикнул – похоже, вполне оценил выбор вина.

Тотчас, словно по мановению волшебной палочки, кружки оказались наполненными вновь: правда, на этот раз не лично Юркиссом, а одним из его многочисленных отпрысков, которых он не стеснялся использовать в качестве прислуги и обслуги, до глубокой ночи, и многих из которых Конан уже знал по имени:

– Молодец, Браско! Смотрю, ты малый ловкий и схватываешь на лету! Сбегай-ка, посмотри: не готово ли ещё наше мясо!

Как только спина восьмилетнего пацана скрылась за косяком кухни, Конан взглянул на Велемира. Но теперь в его глазах не было и тени веселья:

– Заинтриговал ты меня, Велемир-коринфиец. Но тут так шумно – боюсь, я прослушал и упустил кое-какие важные детали. Не обидишься, если я попрошу тебя ещё раз рассказать мне про кое-какие моменты из твоего удивительного приключения? – Тут Конан поднялся на ноги, и громко, так, как когда-то раздавал на палубе команды в бурю, сказал:

– Доброго вам вечера, да хранит Мирта Пресветлый всех присутствующих! Уважаемые гости нашего дорогого Юркисса! Прошу вашего драгоценного внимания! Я встретил старого друга. И мы хотели бы поговорить по душам. Могу я попросить вас говорить чуть тише?!

Мгновенно наступившая тишина сказала Велемиру, что за те полтора месяца, что его друг-варвар здесь, уважать его научились все – до последней дворовой собаки! Так что то,

что многонациональная и разномастная толпа примерно из пятидесяти постояльцев, и пары десятков их гостей и знакомых, заполнявшая сейчас огромный общий зал первого этажа трактира, притихла, и никто и не подумал возразить или повысить голос, несколько Велемира не удивило: на то Конан и капитан корсаров, пусть и бывший, чтоб ему подчинялись быстро. И беспрекословно!

– Благодарю, друзья! За ваше здоровье! – Конан поднял кружку, обведя ей и глазами зал, выпил до дна. Ответом на его тост были вполголоса сказанные слова вроде: «И ты будь здоров, Конан-киммериец!», «И тебе того же, Конан!», «Да хранит и вас с другом Мирта Пресветлый!»

Конан сел. Гул, разумеется, возобновился, но теперь это был вот именно – просто гул, не мешавший мирному течению их беседы, а не жуткий рёв и гвалт, что стояли здесь только что. Велемиру бросилась в глаза обеспокоенная и красная от жара печей и плиты физиономия хозяина трактира, высунутая из кухни: его явно насторожила наступившая после оглушительной разноголосой какофонии тишина. Но быстро поняв, в чём дело, физиономия так же быстро скрылась назад. Прочесть, что на ней проступило видимое облегчение, труда не составило.

Велемир, осушив свою кружку, непринуждённо рассмеялся:

– Клянусь красотой Ишшагетт, умеешь ты вызывать к себе уважение, Конан!

– Делаю, что могу. Правда, должен признаться, здесь это не трудно: ведь тут сейчас только торговцы скотом, несколько караванщиков, да простые ремесленники и землешапшцы... Не сезон для купцов с солидной, вооружённой, и тоже любящей почесать кулаки, свитой. И ни единого – ну, кроме нас с тобой! – наёмника! А то бы дело точно кончилось доброй дракой! – Конан мечтательно подвёл глаза к потолку.

– Ну, что касается доброй драки, то вот чего нам всегда хватало на «Вестреле», так это – как раз этого дела! И если б ты... Ты-то почему ушёл от ребят и с корабля?! Ведь отлично же всё было?!

– Ушёл потому что ушёл. Понял, что пресытился я морем. Но не в этом дело, Велемир, – Конан поспешил перевести разговор от неприятной ему темы, – Расскажи лучше, как ты в эту чёртову Порбессию-то попал?

– Как попал, как попал... Будто ты не знаешь, Конан, как наш брат наёмник попадает туда или сюда?! – Конан понимающе кивнул, на что вполне удовлетворённый Велемир всё же нашёл нужным пояснить, – Остался без гроша в кармане, вот и попал. Его идиотское Высочество, Бетани-бек, вазир его Величества Мехмет-оглы Шестого, издал указ. О том, что даже амнистирует тех, кто содержится в тюрьмах султаната, если кто из них согласится вступить в отряд, как он его называл, «освободителей»! И посулил деньжат – ого-го!..

– Хм-м... – Конан, поняв по расстроенному виду напарника, брови которого сошлись на переносице, что тому не

помешало бы усилить желание к рассказу традиционным методом, сделал знак рукой. Не прошло и двух секунд, как ещё один шустрый сынуля Юркисса, на этот раз – одиннадцатилетний Халед, уже наполнял их кружки. Велемир сделал добрый глоток, но продолжить почему-то не торопился, устремив взор куда-то в тёмный угол трактира, очевидно что-то особо страшное и неприятное вспомнив. Конан даже увидел, как напряглись, заходили под кожей, желваки на скулах друга. Варвар спросил:

– Скажи, Велемир... Я вот что-то не пойму: а почему это указ издал не сам султан Мехмет Шестой, а его вазир?

– А-а, ну, с этим-то просто... Сам его Величество тогда лежал с приступом малярии, и вазир просто составил фармон... Ну, указ – по его приказу. И велел огласить на улицах и площадях. А сам султан только подписался под ним.

– Ага, понятно. Впрочем, сути дела это не меняет. И много нашлось из тамошних узников желающих вступить?

– В отряд-то? Ага, нашлось – два раза! Ни одна зар-раза из сидящих в «уютных» и «роскошных» зинданах его Величества не согласилась. К тому времени просто... Все уже, даже узники, были наслышаны. О чёртовом существе. Или маге, Бэл ему в селезёнку. И только такие как я, человек пятнадцать ошивавшихся тогда в городе наёмников, ну, и ещё пара-тройка местных бандитов-головорезов, как бараны – польстились...

– Понятно... Но что же дальше-то было? Ну, после того,

как вы залезли-таки в эту пещеру? Ведь вы – залезли, я правильно подумал?

– Залезли Конан, залезли. Хоть нас и осталось тогда после схватки со стражей входа и отрядом привратников только девять безбашенных дебилов. Уже без polegших в битве местных головорезов, и кое-кого из наших. Ах да – забыл сказать, что уж вазир-то не забыл снабдить наш обоз немалым количеством бурдюков с добрым вином, правда, из местных виноградников – дешёвым. Но на вкус очень даже... Так что вот чего нам всегда хватало – так это подкрепиться добрым глотком взбадривающего и освежающего. Для вящей, так сказать, храбрости!.. Вот и решились. Залезть.

Конан подумал, что этот попутно выяснившийся факт очень сильно снижает ценность и достоверность рассказа, но вслух ничего такого говорить не стал, вместо этого кивнув, и выжидательно глядя в глаза коллеги. Тот, вспомнив, что вино имеется и здесь, и снова отпив для вящего улучшения памяти, опять насупил брови, сердито глядя в столешницу перед собой – будто хотел прожечь в ней дырку. Затем всё же перевёл взор снова на варвара:

– Так вот, полезли, говорю, добив последнюю тварь, и потрубав на всякий случай их чёртовы головы, чтоб больше не воскресали, внутрь пещеры. Вдвпятером. – тут Велемир опять насупился, дёрнул щекой, и даже покусал свои губы – словно снова переживал неприятные и жуткие моменты приключения. – Лаз неширокий, только-только разойтись дво-

им, и жутко вонючий, вёл всё время вниз. Пахло там... Как бы это... Не к столу будь сказано – дерьмом, мертвечиной, и плесенью! Гиблое, как я сразу подумал, место.

Вот идём парами, цепочкой, за нашим главарём, и тут я слышу, как парень, который шёл рядом с ним, как-то странно вскрикнул! Вот, думаю, Мардук его задери, козёл: сейчас выдаст наш подход, и лишит наше нападение внезапности!

Но дело оказалось куда хуже: он так «странно» вскрикнул, оказывается, оттого, что ему в горло под подбородком вонзили наконечник копья, и этот наконечник вышел из шеи прямо у позвоночника! Я ещё подумал: не иначе как сволочь, воткнувший это остриё, притаился за углом, у выхода из тоннеля, и копьё длинное! И точно: остриё почти сразу исчезло: выдернули его! Ну, смотрим, на внезапность больше рассчитывать не приходится, и как ломанули все вперёд! Мечами вращаем, дикие крики издаём – чтоб, значит, напугать! Ага, напугали – чёрта с два!

Там, в огромном зале, почитай, раз в пять большем, чем вот этот чёртов трактир – проклятых тварей видимо-невидимо!.. Хотя, впрочем, нет: там как раз их было не так много – не больше пары дюжин. Обступивших выход из жерла. Ну, этих-то мы поубивали мечами и саблями легко. Потому что копьё было, оказывается, только у одного, с особенно противной рожей, ну, вернее мордой. И его-то я лично зарубил. Первым. Да и ростом ящеры всё-таки оказались пониже, чем те, что встретили нас у входа в пещеру. Те были просто ка-

кие-то отборные: не ящеры, а настоящие крокодилы! Но и эти – тоже живучие оказались, гады! Приходилось буквально располосовать их на куски, чтоб даже частично отрубленные конечности – не прирастали сразу обратно! Или новые взамен отрубленных не вырастали – буквально прямо на глазах!

Дикое, должен сказать, зрелище было... Я только успевал молиться про себя, да рубить, молиться, да рубить... Не хотел бы когда-нибудь снова столкнуться... – Велемир снова стиснул зубы, но взял себя в руки, и продолжил, – Но убили и этих – как и тех, снаружи. Убили, и уже сразу поотрубили головы всем!

Однако недолго нам пришлось наслаждаться своей победой.

Потому что в пещере вдруг раздался громкий голос. Говорил он на местном диалекте – на порбесском варианте туранского, стало быть. А в туранском я до сих пор не слишком силён. Поэтому я не все слова понимал – и, как оказалось, на своё же счастье!

Потому что те, кто понимал, почти сразу позастывали, словно студень в холодце, и так и остались, словно прикованные к полу, где кто стоял – как в трансе! Как будто больше не владеют – ни своим телом, ни своим разумом!

И не прошло и минуты, как попадали из их ослабевших и разжавшихся рук мечи да сабли – теперь я думаю, это тот монстр-маг им приказал бросить оружие... – Велемир, сно-

ва помрачнев, уставился на этот раз на парочку весёлых девиц, подбивавших клинья к подвыпившим загорелым дочерна мужчинам, по виду скотоводам, у соседнего стола, но явно ничего происходящего там не видел. Конан решил всё же вернуть собеседника снова в трактир Юркисса, оторвав от картин, что рисовала его память:

– А как ты там всё окружающее видел? Пещера же? Должно быть темно, как в заднице у Эрлиха!

– Да, точно. Должно было быть. Но я как-то... А, да: вот сейчас, когда ты спросил, я вспомнил, что имелись там на стенах железные держакИ с факелами – света хватало.

– Значит, говоришь, ты не все слова понимал? Ну а всё-таки: хоть что-то понимал?

– Ну... да. – Велемир словно выплыл из пучин океана кошмаров, что рисовала память, снова придя в себя, – Кое-что, конечно, понимал! Так, в самом начале, голос что-то приказал моим напарникам. По-моему, внимательно слушать, и не двигаться. Они и застыли. А потом он наверняка приказал им бросить оружие, и не сопротивляться: здесь, мол, никто им зла не причинит. Наоборот: сейчас они познают райское блаженство, и отправятся прямиком в Царство Вечных Наслаждений! Нужно лишь не противиться, и внимательно слушать! И выполнять всё, как скажет голос. Ну, это я тебе примерный перевод говорю, Конан. Да и то: осознал я смысл сказанного только потом, когда всё уже закончилось. К счастью для меня – благополучно. Ну, почти.

Но – не к счастью для этих семерых оставшихся в живых, и заколдованных голосом, бедолаг!

Тут из кухни вынесли, наконец, и торжественно пронесли по центральному проходу вожделённое блюдо с зажарившимся на вертеле целым барашком, и два улыбающихся во весь рот мальчика, еле дотащившие тяжеленную ношу до стола Конана, вздохнули с облегчением только поставив аппетитно пахнущее и дымящееся кушанье посреди этого стола. Конан почуял, как словно сами по себе жадно зашевелились его ноздри, и потекла слюна в глотку:

– Мардук его задери! Пахнет восхитительно! Спасибо, Халед, Рашид! – он кивнул мальчишкам, после чего сделал приглашающий жест ладонью сотрапезнику, – А ну-ка: Велемир! Попробуем теперь на вкус! Увидишь, прав ли я был насчёт кулинарных способностей нашего радушного хозяина!

Некоторое – довольно продолжительное! – время беседой за их столом и не пахло, хотя остальные посетители трактира даже и не думали снова начать повышать голоса. И пока большая часть кушанья, оказавшегося и правда – на высоте самых изысканных гастрономических критериев, не оказалась уничтожена, никто из напарников и не подумал вернуться к рассказу.

Но вот почти весь молодой барашек, превратившийся в обглоданные кости, перекочевал на специально приготовленное второе блюдо, а Конан и Велемир утирали жир с рук и со ртов заботливо предоставленными в их распоряжение

Юркиссом тряпками. Сам же подбежавший, как только увидел, что Конан с товарищем завершили трапезу, толстенный трактирщик, заискивающе склонился в поклоне:

– Надеюсь, уважаемый Конан-киммериец, и вы, его уважаемый гость, остались довольны тем, как мои помощники нашпиговали салом, инжиром и диким чесноком, и натёрли благовонными травами этого барашка?

– Да. – Конан не счёл нужным скрыть увесистой отрыжки, – Уж если ты и твои помощнички чего и умеете, так это – придать даже обычному жаренному барашку исключительный аромат и привкус! Клянусь селезёнкой Неграла, барашек отменный! Велемир?

– Да, лопни моя печень, если мне доводилось где ещё пробовать столь хорошо пахнущее, нежное, и равномерно жаренное мясо! А сало и дикий чеснок – так и вообще: сказка! М-м!.. Всё так и тает во рту! Само!

– Отлично. Юркисс, сегодня ты – молодец! Не забудь включить в счёт отдельную графу: за чёртов аромат и нежность!

Оба напарника, выделявшиеся яркой колоритной внешностью среди действительно тщедушных и словно пропылённых, рядовых посетителей, как выделяются боевые корабли сатрапа Вездегета среди утлых рыбацких лодок, оглушительно заржали. Юркисс, поинтересовавшись, не нужно ли уважаемым господам ещё чего, и поулыбавшись одними губами, поспешил раскланяться, и удалиться. Конан запро-

кинул голову, влив в глотку очередную добрую порцию вина. Велемир поспешил повторить движение варвара:

– Чтоб мне провалиться, а этот Юркисс... Действительно умеет готовить! Барашек и правда – буквально таял во рту! Так не готовили даже в кабаках Массантии!

– Пожалуй. – Конан скромно улыбнулся, словно в мастерстве приготовления имелась и его заслуга, – Но ты остановился, якорь мне в глотку, на самом интересном месте! Я прямо горю нетерпением узнать – как же ты выжил-то, если всех остальных словно лишило воли и парализовало?

– О-о, это было нетрудно. Только вот мерзко до дрожи. – на чело Велемира снова будто набежала тень, и брови опять сошлись над переносицей, – Моей заслуги, если честно, в этом нет. Мне просто повезло: говорю же – хорошо, что я очень плохо владел местным диалектом. А остальных команды голоса заставляли буквально – становиться безропотными и слепо готовыми на всё рабами! Но не это было самым страшным! А то, что последовало потом – после того, как мои компаньоны замерли, словно живые статуи!

Тут Велемиру пришлось снова промочить горло: не то – для храбрости, не то – для того, чтоб подобрать слова, произносимые уже слегка заплетающимся языком.

– Ну вот, как я и сказал, все мои напарники, побросав сабли и мечи, застыли на месте – словно приросли к полу! – напарник повторялся, но Конан решил не мешать: вдруг вспомнит ещё какие интересные подробности, – А я почему-то ре-

шил, что для меня будет лучше, если я лягу, и отползу назад – в тёмное жерло входного тоннеля. Там мне казалось безопасней. Ну, сам знаешь: есть у нас, настоящих воинов, этакий... внутренний голос!.. Ык!.. – Велемир раскатисто рыгнул, – Который говорит, что лучше сделать. Чтоб лучше выяснить... ситуацию. А уж только потом бросаться в бой! Не безоглядно, а – вот именно! – с пониманием. Ситуации. И подготовленным.

– Точно! Точно, Велемир: без этого инстинкта, без этого внутреннего голоса – мы бы точно не дожили бы... До этого момента! Но прости – я опять перебил тебя!

– А ничего, Конан. Я как раз собирался перевести дух. – как бы в подтверждение этих слов Велемир опрокинул в глотку очередной оказавшийся сам собой вновь наполненным, сосуд с вином. Конан поспешил последовать его примеру.

– Так вот. Застыли, говорю, мои горе-напарнички, словно мухи в янтаре – никто даже пальцем, по-моему, пошевелить не мог, когда наконец появился этот... Владелец этого самого... Голоса. Это... Не знаю, как назвать-то правильно! Нет, он однозначно не был человеком – скорее, человекоподобное существо! Но какое!..

Он показался мне ещё больше, чем те, наружные, стражи – такой, мать его, крокодилище!.. Весь в сверкающей чешуе – словно его намазали маслом. Две руки заменяли две мощные лапы – похожие, конечно, на руки, но куда более силь-

ные и мускулистые! Я бы оценил их толщину с... пожалуй, твою ногу, – Велемир, обводивший пространство трактира ищущим взором, наконец нашёл подходящий пример, ткнув пальцем, – А ноги... Хм-м... Вот сейчас думаю, что ноги были куда короче наших. Но тоже – мускулистые, сильные. словно у медведя из джунглей Пунта! А уж голова...

Голова, собственно, была почти такая же как у нас с тобой – запомнились глаза. Такие, знаешь, умные и пристально глядящие... Осмысленные – а не как у стражей или воинов-ящеров. А вот вместо волос на голове имелись только чешуя да какие-то шипы – кстати, вот поэтому он и похож был на крокодила! Но рот... Скорее – пасть на чуть вытянутой вперёд морде. Да, пасть тоже, пожалуй, напоминала крокодилию – от уха до уха. Как, вот именно – у крокодила. – Велемир запнулся, явно пытаясь подобрать сравнение, – Ну, или как у степного варана: широкая, зубастая. Да, вот: зубы: когда это существо открыло рот и заговорило, я увидел треугольные острейшие резцы: дюйма по два точно! Язык, правда, такой же, как у нас: розовый, небольшой. Не раздвоенный, как это бывает у ящериц или змей. Наверное, это было сделано для того, чтоб эта тварь могла хорошо изъясняться на нашем, человеческом, языке.

Ну, вот она, встав посередине пещеры, и обведя всех «замороженных» таким ликующе-торжествующим взором, и убедившись, что все застыли, сказала:

«Опуститесь на колени, избранные! Сейчас вам предсто-

ит церемония вступления в Братство! Будьте готовы принять этот чудесный дар и возрадуйтесь! Сейчас вам дадут выпить Божественный Нектар Преобразования!» – ну, это я примерно повторяю то, что понял. Может, там упоминался и не нектар, и не божественный, но то, что им дадут сейчас что-то выпить – это точно!

– И... что?

– Да вот – то! Так и произошло. Все мои балбесы, словно овцы на бойне, опустили. На колени. А тварь эта сняла с пояса небольшой кувшин... Нет, пожалуй, правильней сказать – бутылку! Потому что этот сосуд был из стекла, прозрачным, и внутри, я видел, переливался, таким, знаешь, густо-синим цветом, какой-то напиток. Ну вот, тварь подходила к этим идиотам, и требовала от каждого открыть рот, и запрокинуть голову. Те и запрокидывали. А она – вливала. Как мне кажется – не больше, чем по несколько капель. Потому что к тому моменту, как она закончила, жидкости в бутылки почти не убавилось...

Но и того, что попало в рот, и тварь заставляла каждого проглотить его, оказалось достаточно. Потому что вскоре началось...

Вот тут, Конан, пробрало и меня! А ты меня знаешь – я не слишком робкого десятка, и в доброй драке – всегда в первых рядах!.. – напарник чуть задохнулся, и Конан поспешил кивнуть, не отрывая взора от горящих, словно уголья, глаз рассказчика, – Словом, прошибло меня холодным потом, и

волосы на затылке дыбом встали! Потому что началось тут, буквально через несколько минут, такое!..

Конан, уже примерно догадавшийся, о чём пойдёт речь дальше, снова кивнул. Теперь он даже чуть наклонился через стол, потому что чуял: сейчас начнётся главное!

И точно.

– Помнишь, я описывал этих тварей, что охраняли вход в пещеру? Большие, наверное, фунтов под двести. Те, что встретились нам внутри, уже были поменьше – фунтов так на сто пятьдесят, я думаю. Ну а как они получаются такого размера и веса, я узнал не больше, чем через пять минут после того, как эта тварь влила свой тварий напиток в глотки моим горе-напарникам!

Попадали они все на пол, и стали корчиться: словно в предсмертных муках! А уж орали!.. Сохрани меня Мирта Пресветлый ещё когда услышать такие вопли!.. Я было так и подумал вначале: предсмертные! А ещё подумал – вот ведь мразь! Не может даже просто убить пленных по-человечески, а хочет, чтоб люди помучились перед смертью!

Как я ошибся...

Быстрее всех преобразовался Халед – ему, кажется, напиток достался первому, да и полегче он был всех моих сотоварищей по этому делу. Смотрю, разрывает он, корчась и вопя, рубаху на груди, и сапоги у него... Рвутся! Расползаются! Сами! А потом треснули и лопнули в разных местах и штаны! А ногти на руках... Вытянулись, словно стилеты!

И к концу всего этого скотства оказался передо мной точно такой же монстр, как нападали на нас у входа, и внутри: огромные зубы в разверстой пасти, короткие мускулистые ноги, огромные волосатые руки-лапы с трёхдюймовыми когтями... Словом – копия той сволочи, что только что опила их своей дрянью из бутылки, только размером поменьше – как детёныш всегда мельче матери... Пока маленький.

Велемир оторвал фанатично блестящий взор от глаз Конана, но только для того, чтоб найти кружку, которую тут же и опрокинул себе в глотку. Шустрый Браско, неизвестно как сумевший подобраться к ним так, что даже поглощённый рассказом Конан не заметил, тут же наполнил опорожнённую кружку из нового кувшина вновь – доверху. Велемир же вздохнул:

– И угораздило же меня тут заорать, как резанного! Потому что один из тех гадов, которых мы, вроде, добились уже тут, внутри, умудрился подползти, истекая кровью, и пользуясь для ползания обрубком одной лишь передней лапы, и вцепиться мне своими зубищами прямо в кисть! Конечно, я заорал, как резанный – от неожиданности! Да и очень уж очень больно было: не смог удержаться! Тварь, что как раз закончила наблюдать за этим самым с...ным «преображением», вскинулась, заорала:

«Хватайте его! Убейте! Не дайте ему уйти!» – ну, смысл был такой.

И тут все мои бывшие напарнички как кинулись... Прямо

на меня! А уж смотрели... Как стая волков зимой на отбившегося от своих оленёнка!

Правда, вот движения у них были какие-то... Ещё неуверенные! Похоже, не освоились ещё со своим «преображённым», новым, телом! Только это меня, Конан, и спасло! Потому что уже бежали, выскакивая откуда-то из глубины пещеры, другие твари, видимо-невидимо, и если б не мои бывшие, столпившиеся перед жерлом, и затормозившие этих, набежавших, сцапали бы меня как миленького!

Потому что мне пришлось вначале, чтоб избавиться от твари, вцепившейся мне в кисть, рассечь мышцы её проклятушкой челюсти, что в мою руку впиалась мёртвой бульдожьей хваткой, своим верным кинжалом: разжать её зубы я при всём желании не мог! Ну, заодно, как оказалось, отрезал себе и пару фаланг мизинца сгоряча – только позже, уже снаружи, заметил... Но уж больно страшно мне стало, Конан! Ты можешь не поверить, но тебе-то я могу сказать: ты поймёшь! Потому что одно дело, когда в бою против тебя – пусть матросы, пусть воины чёртова Вездигдета, или бедуины-пустынники, или там туранцы какие, но – *люди!*

И совсем другое – когда заколдованные прямо на твоих глазах из людей – твари! Безмозглые, и уже слепо подчиняющиеся Хозяину! И не жалеющие ради него ни своей, ни чужой жизни!

Словом, к тому времени, как я освободил руку, и добил проклятую тварь с обрубком лапы, мои бывшие напарнички

были в двух шагах от меня. И спасло меня тогда только то, что ринулся я к выходу так, как никогда ни до этого, ни после, не бегал!

А, ну, и ещё то, что застряли они в тоннеле, как пробка перегородив его проход для тех, что бежали за ними из глубины, и были куда шустрей! Да и ноги-то у тварей всё-таки покороче, чем мои, и не помогает это им, даже когда они бегут на всех четырёх! – Велемир похлопал себя по ляжкам, Конан поймал себя на том, что и сам хмурит брови. Он поспешил вернуть их в нормальное положение:

– Наверное, твари гнались за тобой и после тоннеля? Пока не потеряли из виду?

– Точно, Конан, гнались! Да и не видя меня, они словно ищейки – шли по следу! И если б я не добежал до того места, где мы оставили лошадей, и не смог вскочить в седло – не беседовали бы мы сейчас с тобой. Хвала Мирте Пресветлому, когда до этого места добежали мои бывшие компаньоны, и те твари, что были с ними, остальных несчастных животных пробрал такой ужас, что посрывались они с привязи, да кинулись врассыпную – твари не смогли поймать ни одной лошади! Вот так и удалось мне... Спаслись.

Да и то сказать: еле перевёл дух, как чую: слабею прямо с каждым вздохом. Я посмотрел: точно! Истекаю кровью – хлещет, проклятая, настоящим фонтаном, и залила уж всю холку моего коня! Чёрная такая!.. Блестит в свете луны. Да что ж, думаю, такое: неужели вот так вся и выльется?! Не-ет,

шалишь: не на такого напали!

Достал я верёвку из седельной сумки, да и перевязал себе туго-туго запястье прямо на всём скаку! Ну, хлестать-то перестало...

Но когда посмотрел, что стало с пальцем – чуть сознание не потерял! Кожа висит лохмотьями, да мясо вылезает наружу! Само! Прямо на глазах! И опухает!

Ну, я долго думать не стал: остановил коня у какого-то пня замшелого, быстро привязал к какому-то сучку, чтоб не остаться без последней своей надежды. Положил руку на пень, размахнулся как следует – благо, секира у меня при себе осталась, я даже не вынул её из седельной сумки, чтоб зря не мешала, когда мы пошли к пещере...

Так, в запале, и отхватил себе чуть не полкисти! Да вон: ты и сам видишь!

Действительно, Конан ещё в первый раз заметил, что мизинец «вырублен» «с корнем» – вместе с частью ладони. Вырублен практически до основания кисти. Зрелище не для слабонервных. Но ни варвар, ни его старый друг таковыми и не были. Велемир, тоже печально глядящий на изуродованную ладонь и палец, а вернее – на то, что от него осталось, вздохнул, словно поняв, что он уже далеко от тех событий, и покачал головой:

– Жутко вспоминать. Но если б не перетянул снова, ещё ту же, верёвкой вот здесь, у локтя, – наёмник потыкал, словно Конан не знал, где полагается перетянуть, чтоб остановить

кровь, – так кровью бы и истёк... Но после того, как слюна чёртовой твари перестала действовать на мою плоть, всё стало мало-помалу затягиваться...

Но обе перетяжки из верёвки пришлось оставить, пока не доскакал до столицы Порбессии, которая, кстати, тоже так и называется – Порбессия. И это хорошо, что правая-то рука, моя рабочая, осталась цела – левой я немного наработал бы да наперевязывал. А потом мне уже в городе знакомый таиб-лекарь зашил всё льняными нитками, и помазал какой-то мазью. Воняла она, конечно, жутко, но кровь действительно – совсем перестала течь. Можно стало наложить обычную повязку, снять жгуты верёвочные, и ждать. Ну, на мне всё заживает (тьфу-тьфу!) быстро. Как на кошке. Правда вот рубцы остались – жуть!.. Уж больно спешил этот таиб. Да и трясся весь от страха. Да ты же видишь!

– Да. Жуть. – Конан снова покивал, – А что – твой наниматель? Ты рассказал ему?

– Ну, нет! Тогда бы пришлось возвращать часть денег, которую нам выдали в качестве аванса! Так что я даже не заехал в свой трактир, где оставил часть снаряжения, про которое думал, что не пригодится в туннелях подземелья. Наплевал на добрый туранский лук, на иранистанский щит, и эти... зингарские вторые сапоги... Ну, те, с сафьяновым шитьём... Прямо от лекаря и двинулся – пока тот не догадался послать слугу к вазиру. Благо, граница этого крохотного госуд-дарства – всего в паре часов езды от Шема. Вот туда,

в Шем, и скрылся. И проживал там этот с-самый аванс, пока не зализал, как говорится, раны: телесные и душевные... Эк! – напарник вновь могуче икнул, – Конан, поверь: ты – первый, кому всё это рассказываю! Потому что уж больно не... Ык! Неприятно мне это... Дело. Получается, я «кинул» нанимателя, а с делом не справился. Такой славы о наёмнике идти не должно!

– Это уж точно! Ну, выпьем за нашу удачу, и за то, что мы живы!

– Хвала Мирте Пресветлому! Согласен – Эк! – за эт-то стоит в-выпить!..

В комнате, куда Конан перетащил практически уже бесчувственного от выпитого вина напарника, расположиться с «удобствами» не удалось: лежак, заменявший кровать, имелся только один, да и тот узкий, как и в комнате самого киммерийца. Варвар, долго не думая, прошёл в свою комнату, и вернулся, волоча меч, походную суму, и свои тюфяк и матрац, набитые относительно свежим сеном. Он кинул их прямо на пол, расположившись по походному: просто, и без «излишеств цивилизации» в виде кровати.

Ночью он два раза просыпался – кое-какие части тела требовали опорожнения от излишне обильных возлияний, и тогда отмечал, что храп Велемира слышно, наверное, в трёх кварталах, а то – и на окраинах крохотного городка, где их свела судьба. Однако кое-кто из его временных парт-

нёрш, профессиональных проституток, имевшихся в Тюрингии вообще и Силенсии в частности, в ничуть не меньшем количестве, чем в других городах, где Конан побывал, уверяли его, что он сам храпит ничуть не слабее. Вставал ли для тех же целей Велемир, Конан не знал, потому что периоды между собственными вставаниями для него превращались просто в некую чёрную молчаливую пучину, в которую он проваливался в полном беспомоществе.

Разбудило Конана солнце. И ещё кряхтение: это напарник попытался сесть на своём лежаке. С третьей попытки ему это удалось.

– Привет, Конан. А ты... Спал здесь, со мной?..

– Привет, Велемир. Да, я спал прямо здесь. Потому что двери у чёртова Юркисса снабжены такими отвратительными засовами, что их может открыть куском проволоки любая шлюха! Или ещё какая шустрая сволочь. Ну а поскольку мы с тобой вчера... Не выставили караула, я и перешёл сюда, к тебе – вдвоём-то оно как-то спокойней! Нам ведь совсем не нужно, чтоб нас обчистили. И утащили всё, нажитое непосильным трудом.

Велемир некоторое время смотрел на Конана, моргая заплаканными покрасневшими глазами, но потом до него дошло: он закудахтал, схватившись за живот:

– Конан! «Нажитое непосильным...» Не смейся. А то сейчас лопну...

Тут Велемир, который, как и варвар, спал, не снимая по-

ходной одежды, сумел-таки подняться, и отправиться по известному адресу, чтоб действительно – не лопнуть. Конан, усмехнувшись в усы, встал с матраца. Подошёл к окну, выходящему на внутренний двор трактира, второй этаж которого традиционно для такого рода заведений служил гостиницей.

А ничего нового. Солнце, уже поднявшееся над крышей восточного крыла шестиугольной конструкции, светило прямо в глаза, не особенно хорошо, однако, рассеивая полумрак, царивший в узком колодце двора. Мокро блестела брусчатка, которой был выложен сам двор, и висели на натянутых вдоль и поперёк верёвках чьи-то рубашки, штаны и плащи – очевидно кто-то из постояльцев захотел, чтоб жена Юркисса, она же по совместительству и главная прачка, постирала эти предметы туалета. Для чего это нужно, Конан уже не понимал: его вещи после стирки заметно чище не стали, но того факта, что их помочили в воде – отрицать не приходилось.

Вернулся Велемир. Выглядел он странно. Словно ветеран сотен сражений и приключений... Смущён.

– Конан... Слушай, я тебе вчера никаких глупостей не рассказывал?

– Хм-м... Смотря что называть глупостями. Например, рассказ о том, как вы втроём с Нозимом и Рахимом выловили Мессинскую Гидру, мне глупостью не показался. Второй был, если не ошибаюсь, о том, как ты лично «разобрался» с Дондерским разбойником – получеловеком-полубы-

ком. Этот тоже – нормально прошёл. А вот третий, где ты рассказал о том, как потерял мизинец...

– Да? Я всё-таки рассказал?! Мардук его раздери... Конан, слушай, по старой дружбе! Прошу тебя – никому этого не пересказывай, и не говори, ладно?

– А что? Что-то там было не так, как ты мне?..

– Нет. И за палец меня укусили, и заразой какой-то зубы у этого гада оказались заражены, и людей эта, главная, тварь превращала запросто в монстров... Да уж больно мне... Неудобно, что сбежал оттуда, словно за мной миллион демонов преисподней гонятся! Не должен наёмник бегать от своей работы!

– Расслабься, Велемир. Раз ты просишь – вот тебе слово Конана: никому и никогда! И можешь быть уверенным: я во все не посчитал, что ты испугался какой-то не то ящерицы – не то – крокодилоподобной магической твари и её прислужников. Нам, наёмникам, работающим на свой страх и риск, так и так приходится рассчитывать только на себя! А если все твои напарники превратились в твоих врагов – так это же совсем другой расклад сил! Не за это вам вообще и тебе в частности выплатили аванс. В такой ситуации, когда остался совершенно один, да ещё ранен, вполне разумно отступить. Временно. Чтоб выработать новый план. Чтоб хотя бы сравнять баланс сил – например, пригласив кого-нибудь себе в напарники.

Кстати – как насчёт этого?

– Чего, Конан? – с утра Велемир явно соображал хуже, чем в обычном состоянии. Впрочем, и сам Конан чувствовал, как у него после вчерашнего кружится голова. Слегка.

– Как – чего? Работа, говорю, не сделана. Точнее – недоделана. Как насчёт этого? Возьмёшь меня в партнёры?

– Конан! Ты это – серьёзно?! Хочешь полезть *туда*?! Ну, нет! В таком случае – уж извини. Ни с тобой, ни без тебя! При всём моём уважении! Я в эту дыру за все сокровища мира больше не сунусь! Жить-то – хочется! Да и хуже, чем смерть, это, это... «Преображение!»

– Вот как. – варвар почесал заросший затылок, подумав кстати, что надо бы избавиться от лишней шевелюры в какой-нибудь местной цирюльне, – Понятно. Но... Ты не будешь сильно возражать, если я тогда один попробую наняться к этому... Мехмету Шестому?

– Нет, Конан, не вздумай! Я и тебя хотел бы удержать от такого... э-э... необдуманного шага! Потому что Конан – ты же самый закоренелый реалист! И понимаешь куда лучше любого воина – против чёрного стигийского колдовства то, чем мы сильны – наши мускулы да мечи! – абсолютно бесполезно! Против магии даже лучшая аквилонская, – Велемир похлопал себя по ножнам кинжала на поясе, – сталь – не страшной зубочистки!

Подумав, что напарник удержал рвущееся на язык слово «глупого», заменив на чуть более нейтральный эпитет, Конан притворно сокрушённо вздохнул:

– Ладно-ладно. При всём моём реализме, и до дрожи обожая себя, любимого, я всё же хочу попробовать. А то деньги кончились – ну, почти! А жить-то – надо!

– Конан! Умоляю! Неужели нельзя найти чего попроще?! Ведь такой прославленный, здоровый и крепкий воин всегда может... ну... Например, наняться сотником к султану того же Кофа! Или пойти в войско эмира Офирского! Да армий только на побережье моря Вилайет – с десятков! И все – сам знаешь: никуда даже против нашего берегового Братства! А ты...

– А я, как ты успел, наверное, заметить, никогда незнакомой и интересной работой не пренебрегал! Особенно, если её считают и сложной... И опасной!

Такая – дороже!

– Ну, это-то на всём побережьи, действительно, не знает только совсем уж тупой и глухой: что ты не боишься... Ничего! Но, ради тебя, Конан! Ведь – колдовство же!..

– А ничего, Велемир. Не хочу хвастать, ну уж в чём я за последние пару-тройку лет поднаторел – ну, вот так уж получилось! – так это в борьбе с чёрным и подлым стигийским колдовством. И, как видишь, жив!

Чего нельзя сказать о тех придурках-магах, что имели глупость связаться с Конаном-киммерийцем! – Конан гордо ударил могучим кулаком в загудевшую, словно бочка, обнажённую грудь.

Велемир покачал головой. Затем широко ухмыльнулся:

– Вот чего никому и никогда не удастся – так это отговорить тебя, Конан-варвар, от мысли, которая запала тебе в голову!.. И как это я об этом... Словом: делай, что считаешь нужным.

Но уж извини: в этот раз я тебе – не напарник!

Короткая дорога, ведущая в сторону Порбессии, как её описал Велемир, живописностью или разнообразием впечатлений не отличалась. После того, как она четыре дня назад отделилась от общего тракта, ведущего к городам Кушанистана, её и дорогой-то стыдно было называть. Скорее, узкая тропа, натопанная копытами редких верблюдов да коней путников-одинок, вроде него – не боящихся ни бога ни чёрта.

Голая степь с редкими кустиками саксаула и верблюжьей колючки напоминала, скорее, пустыню, если б не была покрыта пожухлой жёлтой травкой, которая по весне наверняка цвела разноцветными цветочками, и радовала глаз свежей зеленью. Сейчас же, в разгар лета, могла только напомнить о том, что всё земное – лишь тлен и суета.

Не смущаясь такими мыслями, Конан особо не спешил, и вёл своего могучего коня мерным шагом, чтоб не заставлять спокойное животное напрасно потеть, и таким образом тратить лишнюю драгоценную влагу – везти немаленькое тело варвара само по себе достаточно трудное занятие. Бурдюков с водой Конан нагрузил в седельные сумки тоже с запа-

сом: все вместе они весили, пожалуй, лишь чуть-чуть меньше, чем сам варвар. А ведь был ещё и овёс, и оружие, и еда для самого Конана. Так что киммериец ехал спокойно, рано останавливаясь на ночлег, и довольно поздно пускаясь в путь: ему сейчас важна не скорость, а кое-что другое.

Вся же дорога заняла у него всё-таки немного больше того времени, что он планировал: ведь ему пришлось сделать крюк, чтоб заехать в порт Марлезан, и провести там целую неделю, улаживая кое-какие дела. Но теперь дела улажены, и нужно только время, чтоб кое-какие обстоятельства, обусловленные этими делами, пришли в надлежащее... Состояние.

Попутчиков у Конана, к сожалению, не было. Потому что ну вот как-то так получилось, что желающих ехать в Порбессию, или даже просто – в том направлении, не нашлось. Однако Конана это не расстроило: он сам себе и приятный собеседник, и напарник, и бдительный сторож.

Впрочем, за все семь дней, что он, отбив из Марлезана, провёл на большом тракте, и те четыре, что ехал уже по этой дороге, никто и не подумал на него напасть – ни разбойников, ни придорожных трактиров после того, как он свернул с большой дороги, не попадалось. Впрочем, как и селений. Да и правильно: люди селятся там, где есть вот именно – дороги. И вода. И можно или торговать, или «доить» путешественников и караваны, предоставляя услуги и пищу с ночлегом. Ну, или хотя бы чего-нибудь выращивать. Или добывать –

например, медь, серебро, или уголь.

А тут даже колодцев не имелось – песок и песок. Какой смысл селиться?!

Так что деньги, оставшиеся от предыдущей миссии, и после улаживания дел в Марлезане – целых четыре золотых дерхема! – мирно покоились где-то на дне его сильно отощавшего кошелька. Конан не унывал по этому поводу: он вообще не видел нужды развеивать скуку дракой, беседой, или ночёвкой в очередном питейно-постельном заведении. Что же до женского общества, то ему пока вполне хватало тех воспоминаний, которые осталось после знакомства с профессионалками Силенсии.

Очередную ночёвку киммериец решил устроить недалеко от той отвратительно – а точнее сказать – вообще не наезженной! – тропы, что гордо именовалась дорогой, и которой, судя по следам, пользовались последний раз не меньше пары недель назад. Собственно, как раз об этом его Велемир и предупреждал: пусть этот путь и кратчайший, но из-за отсутствия вот именно – воды и трактиров, ни один уважающий себя купец или путешественник им не пользуется. Большим караванам именно это и нужно в первую очередь: вода, доступная каждый день, чтоб везти на телегах не её, а всё-таки – товар, и удобный и сытный ночлег... Ну, и безопасность. Пусть дорога через Шем и Коф, хоть и занимает на неделю больше – зато она даёт всё это. И безопасна. Сравнительно.

Раскидистый куст саксаула, на который Конан набросил

свой плащ, так, чтоб ветер не накидал песка и пыли в его скромный ужин, послужил ему в полной мере: Конан наломал с той его стороны, что уже иссохла, веток для костерка. И сейчас ждал, когда сваренная в небольшом походном котелке, на очаге, сложенном из трёх камней, каша, остынет. Потрескивание веток в костре и стрёкот вездесущих цикад и сверчков не мешали ему чутко вслушиваться в завывания ветра и странные шумы и шорохи летней ночи.

Впрочем, поев и помыв котелок, он вполне мирно, как могло бы показаться стороннему наблюдателю, позволил костру угаснуть, а сам прилёг на расстеленное тут же, под кустом, походное одеяло.

Но ни один, даже самый искущённый, наблюдатель не заметил бы, как Конан одел на себя, закутавшись предварительно в плащ, широкий пояс с десятком метательных кинжалов. И пристроил под изголовье верный Хайбарский меч.

Нападение состоялось спустя два часа после того, как богатырский храп начал оглашать степь-пустыню. Такая отсрочка варвара не удивила: похоже, негодяи, подбиравшиеся к нему под покровом темноты, хотели, чтоб он заснул крепче!

Однако те, кто посчитал, что беспечный путник, завернувшийся в плащ и мирно храпящий, абсолютно не готов к встрече с ночными визитёрами, сильно ошиблись. Впрочем, возможно их могло бы утешить то соображение, что они были отнюдь не первыми, купившимися на эту непритязатель-

ную хитрость.

Первых двух нападавших, бесплотными серо-чёрными тенями приблизившихся на десяток шагов, сразило будто невидимой рукой: коротко вскрикнув, они вдруг отлетели назад, грохнувшись навзничь, словно опрокинутые толчком чудовищной силы! Только ну очень внимательный наблюдатель мог бы сказать, что как раз перед этим два блеснувших в свете половинки луны острых стальных зуба вонзились каждому из отлетевших в грудь! Ну а догадаться, что это были кинжалы, одновременно брошенными двумя умелыми и тренированными сильными руками, смог бы только уж совсем опытный профессионал. Которых, как понял Конан, среди ночных посетителей не было.

Поэтому он вскочил, уже не опасаясь стрелы из лука какого-нибудь прикрывающего, или пущенного чьей-то умелой рукой копья, и бросился бесшумной неуловимой молнией вперёд: нападавшие оказались настолько глупы, (Или – свехосторожны!) что даже не атаковали его с разных сторон. Очевидно боялись, что хруст веток, наваленных Конаном как бы невзначай со стороны холма во время сбора валежника для костра, у которого варвар расположился, может их выдать. Вот и пёрли, словно стадо баранов, со стороны, где проход был более-менее чист и свободен: от дороги!

Разобраться с оставшимися бандитами удалось быстро: разящий, словно молния, мощный меч легко перерубил лезвия дохленьких шемитских сабель, и вот уже их обладатели

лежат в лужах собственных кишок и крови, вереща и ругаясь по-турански так, что теперь только глухой не догадался бы, что в дело вступил лучший воин Ойкумены. Впрочем, вой и стоны быстро стихли: Конан сразу рубил так, чтоб второй раз к этим поражённым не возвращаться.

Коренастого крепыща с булавой, молча приготовившегося огреть его с мощного замаха, Конан обезвредил просто: левой рукой метнул в него очередной стальной зуб из тех, что торчали из пояса у него на чреслах! Наконец последнего из нападавших, проявившего недюжинную смекалку, и пустившегося со всех ног наутёк, вихляясь, словно заяц, варвар «достал» тоже просто: кинул очередной кинжал, но уже правой рукой. И – так, чтобы попасть не остриём, а рукоятью.

Ну вот не хотелось Конану бегать по ночной степи! Мало ли: вдруг нога попадёт в какую-нибудь норку тушканчика, или суслика. Или о невидимый в тени холма корень споткнёшься: лечи тогда вывих!

Бросок оказался точен, и удар в затылок напрочь вырубил наивного бедолагу, заставив коротко вскрикнуть, и нырнуть головой вперёд – так, что не будь там, как знал Конан, травы, а случись камень, раскололся бы этот самый череп, словно гнилой орех!

Решив, что этот уже точно пока не убежит, Конан обошёл поле боя, проверяя и обыскивая на всякий случай остальных бандитов, и собирая свои замечательно полезные кинжалы. Те, в кого он попал первыми, оказались мертвей мёртвого.

Негодяи, что пытались наброситься на него с саблями, тоже уже не дышали, и не подавали никаких признаков жизни.

Ничего «ценного» или полезного Конан не нашёл: не было даже обычных в таких случаях мелочей, вроде фляг с водой, кошельков или талисманов-оберегов. Этот факт сказал Конану о том, что банда явно какая-то местная. И прибыла из какого-то селенья, находящегося рядом – там и остались их пожитки, или кони.

Тех, кого он поразил кинжалами первыми, Конан не потрудился даже осмотреть, чтоб проверить дыхание или пульс: знал, что обеим попал прямёхонько в сердце!

Киммериец не торопясь выдернул из тел своё оружие, и отёр об одежду мертвецов: им уже не нужно заботиться об её «аккуратном» виде.

Он оттащил трупы всех четверых подальше – за гребень холма, и сбросил в имевшийся там небольшой лог. Похоронами убитых он заниматься не собирался: пусть гнусных и нападающих исподтишка, словно шакалы, бандитов, и «хоронят» эти самые шакалы. И вороны.

Коренастый крепыш, пытающийся сфокусировать глаза на лице киммерийца, испустил последний вздох прямо на руках Конана: варвар даже не разобрал, что тот хотел и пытался прошептать ему, когда нагнулся, приблизив своё лицо к невысокому телу, опустившись на колени. Собственно, Конан не сильно расстроился: вряд ли грабитель собирался сообщить ему что-то действительно полезное или ценное, ско-

рее просто хотел «осчастливить» на прощанье парой проклятий или ругательств.

Пришлось извлечь свой кинжал, да переправить и этого почившего, пусть и не совсем в мире, бандита к остальным, в любимую яму.

Бэл его раздери, теперь и расспросить-то некого!.. Ну, кроме оглушённого бедолаги. Ладно, в ситуации есть и плюсы: не нужно беспокоиться о тылах, и никого связывать, а затем и конвоировать к местным властям – чтоб всё было, как положено у порядочных наёмников, по Законам. Местным и общечеловеческим.

Конан подошёл к последнему из нападавших, подобрал валявшийся рядом с телом кинжал, и сунул его в ножны. Постоял над лежавшим. Нет, человек не умер, как он было испугался: слабое дыхание вполне явственно слышится. Ну-ка...

Конан пощупал затылок: точно! Шишка на затылке очень даже приличная. А вот подозрительно густые волосы, оказавшиеся под чем-то вроде тюрбана или чалмы из тонкой материи, кровью не пропитались. Значит, защитила от открытой раны эта самая материя. Да и от более серьёзных последствий броска предоохранила. Вот и хорошо.

Конан нацепил тюрбан обратно на голову человека, так и не пришедшего в себя, после чего схватил нападавшего, оказавшегося невысоким, и на удивление лёгким, прямо за широкий и расшитый узорами туранский кушак, и, словно те-

рьер крысу, перетащил к очагу. Сухие дрова, чтоб подкинуть в догорающие угли, у него уже были приготовлены. Осталось положить их на дымящуюся золу, и пару раз могуче дунуть.

Теперь можно было получше рассмотреть и ночного гостя и его странную одежду.

Чёрные очень широкие штаны, чёрная свободная рубашка, словно балахон, мешковато окутывали небольшое тело. Решив, что хуже не будет, варвар снова снял тюрбан, и подложил его под голову женщины. Правда, он не стал прикрывать небольшой рот с губами, изогнутыми изящным луком, полосой материи от этого самого тюрбана, как было сделано до этого.

Не сказать, что он оказался сильно удивлён открывшимся зрелищем: и густые пышные волосы цвета воронова крыла, и высокий и нелепо мелодичный в такой ситуации звук вскрика, и лёгкость миниатюрного тела с очень характерными широкими по контрасту с талией бёдрами и без этого подтверждения сказали ему, что перед ним – женщина.

Осталось привести её в чувство да допросить. Но перед этим...

Связанная по всем правилам бандитка очнулась всё же лишь после того, как Конан во второй раз фукнул ей в лицо водой изо рта.

Оказалось, что ругаться женщина предпочитает на туранском, шемитском и зингарском. Конан послушал, послушал,

как его костерят на все корки, и... рассмеялся. Сказал на пуштунском:

– Зря расточаешь перлы своего красноречия.

– Ты что, не понимаешь эти языки? – на пушту она говорила, конечно, с акцентом туранки, но понять можно было свободно.

– Отлично понимаю. – Конан теперь перешёл на туранский, – Просто такими примитивными и наивными ругательствами и проклятьями меня не пронять.

– Ты что – бессмертный бог?

– Бери выше. Я – Конан-киммериец.

Некоторое время царило молчание – но по на мгновение расширившимся, а затем сощурившимся в щёлочки глазам Конан понял, что о нём слышали. Впрочем, женщина оказалась реалисткой:

– Ты прав. Если то, что про тебя рассказывал – правда, (А я смотрю – так оно и есть!) тебя словами не пронять. Тут помогло бы дюймов десять стали, вонзённые тебе в живот! И чтоб ещё попроворачивать их там! А ещё лучше – чтоб тебя посадили на кол! Или сожгли на костре! Или четвертовали – как предателя! Или...

– Не нужно женщине, – перебив, Конан выделил это слово, – быть столь кровожадной. Ведь единственное, что вы умеете делать более-менее хорошо – это рожать детей. Нечего было лезть в мужское дело, вот и не встретились бы. А если среди этих уродов, которые, словно подлые трусы, испод-

тишка нападают на несчастных путников, были твои родные или близкие – тем хуже для них. Коварных негодяев и бандитов я никогда не жаловал. Просто пятью мерзавцами на свете стало меньше. А путь в Порбессию – безопасней.

Женщина вызверилась, да так, что изо рта полетели брызги слюны:

– Кто бы говорил тут про мерзавцев!.. Это ты – гнусная тварь! Монстр! Волосатая обезьяна! Чудовище, убивающее всех без разбора! Твои руки по локоть в крови! Убийца! Бандит! Проклятый наёмник! – тут она сделала паузу, чтоб перевести дух, а заодно и плюнула Конану в лицо, – Будь ты проклят! Да чтоб тебя Мардук!.. – в этом месте Конан, логично посчитавший, что выслушивать однообразный и не несущий никакой полезной информации трёп, смысла нет, воткнул в попытавшийся укусить его за пальцы рот, кляп. Который закрепил той самой полосой материи, отрезав её от чалмы-тюרבана, и стянув двойным узлом. После чего вытер как ни в чём ни бывало брызги её слюны с лица и пальцев, об одежду самой женщины. На лице он старался сохранять равнодушно-спокойное выражение. Но смеяться хотелось очень.

Некоторое время кроме неразборчивого, но очень активного прерывистого мычания и приглушённого рёва ничего слышно не было. Однако убедившись, что на лёгшего вновь на своё одеяло и отвернувшегося Конана оно никакого впечатления не производит, женщина сменила тактику.

Теперь из-под кляпа слышались ну очень убедительные и жалобные рыдания.

Однако ещё через пять минут, поняв, что «волосатой обезьяне» и на них наплевать, женщина просто замолчала. Похоже, пыталась понять, как же ей заставить чёртова беспринципного и жестокого «монстра» вынуть ей кляп изо рта – чтоб можно было хотя бы попытаться «заговорить ему зубы».

Конан, прекрасно осведомлённый о такой стратегии, свойственной, что бы они о себе там ни мнили, буквально всем существам, носящим юбки, позволил себе ехидно усмехнуться: лицо было отвёрнуто от пленницы, и он знал, что она не увидит этой ухмылки.

Но ещё через пять минут, поняв по чуть слышному кряхтению и подозрительным скрипам, что происходит что-то странное, он развернулся. И вовремя. Потому что женщине ещё не удалось разрезать до конца верёвку на руках, связанных за спиной, крохотным кривым ножичком, неизвестно откуда ей выуженным.

Вздохнув, Конан кинжальчик отобрал, после чего, уже не стесняясь, женщину тщательно обыскал: новых сюрпризов ему не хотелось. Связанная свирепо рычала, явно ругалась, дёргаясь всем телом, которое Конан теперь упаковал надёжней, привязав ещё и её ноги к кистям рук. Женщина наверняка снова осыпала его отнюдь не комплиментами, которых Конан, и без того не страдавший излишним тщеславием,

к счастью, не разобрал. Покачав головой, он сказал:

– Зарекался ведь. Обыскивать вашего брата – вернее, вашу сестру! – невзирая на вашу «природную стыдливость», приличия, и прочие нормы общечеловеческой, так сказать, морали. Ну вот теперь могу в очередной раз попенять себе, от природы очень стыдливому и целомудренному. И порадоваться: ни заколка с шипом, ни игла с ядом, ни второй ножичек мне больше не страшны. Не без удовлетворения могу сделать тебе комплимент: тело у тебя на редкость стройное. Я бы даже сказал – несколько *излишне* стройное. Голодали вы с подельниками, что ли?

Ответом его не удостоили, если только не считать за таковой оскорблённое фырканье. С новыми силами женщина упорно сверлила его очередным «огненным» взглядом, словно собиралась и правда – прожечь в варваре дырку. На что Конан отреагировал традиционно – снова лёг, поёрзал, устраиваясь поудобней, и отвернулся.

Буквально через минуту женщина начала жалобно подвывать, и поскуливать – как больная или побитая собака. Конан вновь повернулся к ней:

– Если обещаешь не отнимать моё время сна бессмысленными выражениями и проклятьями, могу вынуть тебе кляп. Но! Только если ответишь мне на кое-какие вопросы.

Женщина вновь озверело зарычала, отрицательно мотая головой – а больше ничем она пошевелить и не могла: Конан к делу «упаковывания» подошёл капитально. Киммери-

еще пожал плечами:

– Ну, как знаешь. Мне твой скулёж спать не помешает.

С минуту было тихо. Очевидно, женщина оценивала серьёзность угрозы. Потом, похоже, поняв, что именно так всё и произойдёт, а спящего здоровым и крепким сном северного гиганта она уже точно не добудится, промычала что-то вроде «Угу!»

Конан вновь встал, и подошёл. На этот раз при его приближении женщина не заёрзала, пытаясь дёргаться, как в прошлый раз, а просто лежала, молча и вполне спокойно глядя ему в глаза. Но Конана это обмануть не могло: уж он-то о женском коварстве знал не понаслышке... Поэтому вынимая кляп, он опять, как и при вставлении, аккуратно придерживал её голову за шикарный хвост волос: чтоб не укусила!

Но женщина повела себя вовсе не так, как он ожидал: она усмехнулась:

– Сволочь. – и, увидев, что он собирается вставить только что вынутый ком материи назад, поспешила поправиться, – Нет-нет, это – не ругательство. Это просто констатация факта. Ты – коварный, безжалостный, беспринципный реалист. Смотрю, с женщинами, в том числе и с женщинами-воинками, уже встречался. Иначе – точно удалось бы тебя цапнуть! Или надурить.

– Ты права. – эта часть воспоминаний Конана отнюдь не радовала, – Встречался я и с амазонками Таврии, и с ведьмами Иглстаза. – про свою первую, и самую светлую любовь к

мужественной Валерии он предпочитал не упоминать, – Не говоря уж о других «приятных» встречах. Хотел бы забыть – да себе дороже выйдет. А так – всё-таки – бесценный опыт. Порадовать, правда, не могу: тебе до них далеко.

– Да и ладно – я, собственно, и не претендую. Но поражает меня другое.

– Да? И что же это? – варвар заинтриговался.

– Я-то думала, ты меня сразу изнасилуешь! Раз уж связал.

И защитить меня некому.

Конан рассмеялся, негромко, и от души:

– Извини. Опростоволочился, да. И как же это я о *таком* забыл... Бонус, так сказать, моей умопомрачительной победы. Приз за доблесть. Нет, не то, чтоб мне прямо вот позарез было надо, но если ты *очень* попросишь... – Конан сделал вид, что приподнимается с песка, и даже показал, будто собирается расстегнуть ремень штанов. Женщина снова усмехнулась:

– Ладно уж, кобель хренов, доблестный жеребец-производитель, сиди себе. Кого ты обмануть собираешься? Тебе, как вижу, на самом деле это сейчас нужно точно так же, как и мне. То есть – никак.

Конан снова рассмеялся, покачав головой:

– Ты, смотрю, тоже – реалистка. Твоя правда – у меня сейчас другие приоритеты.

– Вот как? У тебя есть и «приоритеты»? И какие же это, интересно узнать?

– В первую очередь я собирался выяснить, нужны ли ещё многомудрому султану Мехмету Шестому и его верноподданнейшему вазиру Бетани-беку, наёмники, или они уже и сами разобрались с не то – монстром, не то – магом из-под горы.

– А-а, так вот зачем ты здесь... – разочарования в тоне не уловили бы только цикады, так и не утихомирившие своего ночного треска-сверчания, – Ну правильно. Слава о тебе обгоняет даже песчаные бури. Да, *такой* как ты, мог бы, вот именно, попытаться.

– В-смысле – такой как я?

– Самоуверенный. Здоровый. Избалованный собственными победами, и поэтому свято верящий в свою непобедимость. Словом – тупой, но сильный баран!

– Ты обещала.

– Извини – вырвалось! Больше ругаться не буду. Собственно, я о тебе забочусь – пытаюсь тебе, горилла ты перекачанная, доказать, что деньги трупы ни к чему.

Конан позволил себе ещё поухмыляться с долей самоиронии:

– Я не качался. Это, – он поиграл мышцами могучей груди, – получилось само по себе. Оно – просто следствие того образа жизни, который я веду.

– Ах, вот как. – она даже не давала себе труда скрыть иронию в тоне, – А остепениться ты не пробовал? Жениться, там, на какой-нибудь царице. Принцессе... Ну, или дочери

богатого купца? Были же, насколько я слышала, возможности?

– Были. Всё верно. – Конан почувал, как невольно заиграли снова под кожей щёк желваки, – Но – это было бы... скучно. Слишком постно. Пресно. Словом – не для меня!

– А-а, так ты – любитель внести в свою жизнь «перчика» приключений?

– Точно. И – не забывай! – кровавых схваток не на жизнь, а на смерть. И путешествий. И знакомств с новыми людьми. Не назову, конечно, вот конкретно наше – оригинальным, но – тоже годится. В качестве очередного дорожного «приключения». Впрочем – малоприятного. И ничем особо интересным не выделившимся. Разве что – задушевной беседой. Впрочем, я обратил внимание, и вполне заценил твою попытку уйти от темы.

Так – что? Убит уже колдун-монстр?

– Нет.

– И... Много уже жертв среди «мирного населения», а проще говоря – народа?

– Много. – чёрные глаза почему-то стали ещё черней, и выражение иронии и презрения из них почему-то пропало, как и из голоса, – Погибло не меньше тысячи человек. И ещё – более семиста мужчин из разных сёл и деревень утащено монстрами вниз, на «преображение». И это – только за последние три месяца. Твари не щадят при набеге на поселения ни женщин ни детей – их они убивают прямо на месте.

Даже маленьких мальчиков не оставляют в живых, хотя... Я слышала, что некоторых убитых женщин и детей тоже... Забирают. А вообще их интересуют только юноши, да мужчины: взрослые, и крепкие. Те, из которых прямо сейчас получатся уже взрослые и крепкие воины-ящеры. Таких только в нашей деревне набралось не меньше тридцати!..

– Так твою деревню...

– Да. Да... – тут, как ни странно, в глазах столь мужественной и воинственной женщины проступили слёзы, ярко заблестевшие в огне костерка, куда Конан снова подбросил дров, и она даже отвернулась, очевидно устыдившись такого проявления чувств.

– У тебя... Убили кого-то из близких. – Конан сразу понял это, – Семью?

– Да. Семью. Всех. Мать, её сестру – мою тётку. Отца – он оказался на взгляд тварей слишком старым и хилым! Двух моих сестёр, младшего брата... Старшего забрали – во-всяком случае я, когда вернулась из города, его труп не нашла.

– А что ты делала в городе?

– Ха! Что делала... – женщина криво усмехнулась, – Мы со старейшинами пытались воззвать, так сказать, к совести и чести нашего любимого Мехмета Шестого, и вымолить у него отряд воинов. Чтоб не дать тварям снова отравить наши поля, и повыкорчёвывать уже до конца остатки наших плодовых деревьев: абрикосов, персиков, яблок, миндаля... Ведь если всё это пропало бы, нам попросту нечего стало бы

есть! И мы все должны были бы или умереть... Или обратиться к чёртовой матери с насиженного места. А наше селение – наша родина!

– Прости. Жаль твоих родных. Но ведь погибли, наверное, не только они?

– Нет, конечно. Во всей нашей деревне не осталось ни единого живого человека. Мужчин забрали, остальных, с точки зрения их главаря не представляющих ценности – даже грудных детей в люльках! – просто убили. Я... – тут женщина прикусила губу, и ей удалось сдержать рыдание, но слёзы так и побежали по загоревшим щекам, прокладывая две блестящие в свете костра дорожки. Конан, внешне оставаясь всё так же спокоен, спросил:

– Но кто же тогда эти люди, что сейчас были с тобой?

– А, это... Это те, кто ездил со мной к султану. Делегация, так сказать. Старейшины. Хоким – ну, глава нашей деревни. Ну, и я – старейшины и жители посчитали, что у меня достаточно... красивая внешность, и меня, с разрешения родителей... – женщина замолчала, опять кусая губы. Но Конан и так всё понял:

– Они хотели предложить тебя, как дар, или взятку, в гарем султана. В обмен на войско?

– Да. – а вот теперь женщина не сдерживала громких рыданий, и не играла. Похоже, к горю за убитых родных добавилась и горечь от уязвлённого самолюбия – что не «произвела», так сказать... Слушать было тяжело.

Конан вздохнул. Но слёз и всхлипов женщины прерывать не торопился. И только когда рыдания стихли, сказал:

– Я – ты права! – беспринципный и циничный наёмник. Прожжённый прагматик и реалист. Но ещё я сейчас – самый, наверное, востребованный, и умелый воин на всю Ойкумену. Я не привык скромничать. И если я говорю, что если кто и справится с вашим монстром-магом, так это я, то, значит, скорее всего, так оно и есть. То есть, по-идее, вам с вашими старейшинами нужно было не нападать на меня, а наоборот – всячески способствовать. Успеху моей миссии. Какого же... э-э... Неграла?!

– Но Конан! Мы же не знали, что это – ты! Мы думали – обычный путник.

– А за каким, Бэл его задери, чёртом, вам нападать на «обычных путников»?

– Ну как – за каким?! Во-первых, отобрать его припасы. А во-вторых, привлечь хоть так внимание сволоча Мехмета к нашей деревне! Ведь мы собирались, как уже делали, оставить такие следы, будто тебя растерзали порасплодившиеся и поразбежавшиеся на всю округу – твари-ящеры!

– То есть, вы наивно полагали, что ваш Мехмет Шестой заморочится уничтожением тварей лишь для того, чтоб поддержать свой «международный авторитет» и добрососедские отношения с купечеством других стран, о безопасности которых он якобы таким способом заботится?

– Ну... Да! А как бы мы ещё могли убедить его в том, что

убить расплодившихся тварей необходимо?! – сейчас, когда она вновь пришла в возбуждение, Конан отметил, что она и правда недурна собой. И даже – весьма недурна. Только вот завзятая очень. И злая на весь свет. Впрочем, это, похоже, не её вина.

Вместо ответа Конан просто вздохнул. Но всё же счёл нужным пояснить:

– Раз ты слышала обо мне, кое о чём должна знать. Разумеется, в силу специфики своей работы я встречался и с султанами, и с падишахами, и с царями, и королями, и со всей прочей кликой высокородных правителей и их чиновников. Поверь: я неплохо знаю эту братию. В какой бы стране это не происходило, система везде одна и та же. Если что и интересует правителя в первую очередь – так это своя жизнь, и жизнь родных и близких. Наследников. Чтоб всем они были обеспечены. Ну, ещё сооружение помпезных личных дворцов – для престижа. И крепостной стены столицы – для безопасности.

А что беспокоит таких правителей в последнюю очередь – так это жизнь и интересы народа их страны. То есть, тех, кто по-сути кормит и обеспечивает так сказать, материальные блага и самому правителю, и его родным и наследникам. Печально, но это почти повсеместно так. Я, конечно, не рад такому положению дел. Но делать в этом смысле ничего не могу, да и не собираюсь. Я простой наёмник. Солдат удачи, а не вот именно – Бог, чтоб вразумлять, или «восстанавливать

справедливость»! Но!

Приятные на ощупь и на зуб круглые золотые блестяшки, на которые я могу вести весёлое и приятное существование, водятся, к сожалению, только у тех, кто тем или иным способом обобрал свой – или чужой, если речь о каком-нибудь сатрапе! – народ.

Извини. Призвать к порядку местных султанов и бюрократов – не моя проблема.

– Понятно. Собственно, я и не претендовала. А что тогда – твоя проблема?

– Сейчас – выспаться. А дальше – то есть, завтра – продолжить своё путешествие во дворец султана Мехмета Шастого. И предложить там свои услуги. Ему, или вашему деловому вазирю, если его Величество опять окажется... Болен. Или недееспособен.

– Да, ты прав. Султан наш в последнее время... Сдал. Если можно так сказать. Ну, или попросту спился и превратился в маразматика-импотента, если верить грязным сплетням, что распускают про него слуги этого самого вазира. Не без умысла, как я полагаю. И прогулок по стране его Величество больше не делает – из-за опасности, которую, якобы, представляет для него «свежий воздух»! Малярии он боится. Но вот насчёт того, что делать всё это, то есть – изолировать султана, и клеветать на него придумал сам вазир... Ха!

Скорее, его любовница, про которую чуть ли не открыто говорят все – любимая жёнушка нашего Мехмета!.. Сука,

кстати, редкостная! Это она меня и... – женщина прикусила язычок и замолчала.

– Знаешь что... Закулисные интриги, борьба за власть, свержение существующего султана, или помощь в усаживании на ваш трон, и, соответственно, на ваши, народа, шеи, нового нахлебника или нахлебницы – тоже не моя задача. Моя задача – сделать работу, и получить за неё деньги. И свалить отсюда туда, где я смогу их спокойно прогулять. Всё.

– Циник. И прагматик.

– В твоих устах это звучит как комплимент. Ладно. Заболтались мы что-то – а мне нужно выспаться. А то уже три часа как зашло солнце, а я из-за вас глаз не сомкнул. Это не способствует. Моему товарному виду. И боевой форме. Так что если обещаешь не мешать, и не пытаться прикончить меня, могу снова отвязать тебе руки от ног, чтоб могла улечься поудобней. И даже кляп вставлять не буду. Так как?

– А как насчёт – совсем развязать? А то у меня руки уже затекли.

– Ага, смешно. – Конан для виду покудахтал, изображая смех.

– Скотина бессердечная.

Ну, тут уж Конан захохотал в голос. Женщина буркнула:

– Ладно уж. Обещаю.

– Я рад. Но – не устраивает. В таком виде. Как насчёт клятвы? С упоминанием имени кого положено при клятве? – Конана так просто было не поймать.

– Клянусь именем Мирты Пресветлого не пытаться тебя убить. И не шуметь.

– Хорошо. – варвар неторопливо разрезал верёвки, стягивающие в узел гибкое тоненькое тело. Пленница с видимым облегчением распрямила туловище, покряхтев, и подвигав им по песку. На лице уже не было ни злости, ни горечи. Конан сказал:

– Спокойной ночи. Как, кстати, тебя зовут-то?

– Резеда.

– Ну, значит, спокойной ночи Резеда.

– Спокойной ночи Конан-киммериец.

Разбудило Конана снова солнце – он обнаружил, что оно умудрилось уже подняться над невысокими холмами степи-пустыни, и теперь светит ему прямо в глаз.

Поморгав, он сел. Огляделся. Странно, но тело его пленницы очень даже мирно лежало на том самом месте, где он его оставил, и даже действительно молчало. Хотя чёрные миндалевидные глаза уже моргали на него. Выражения их, однако, Конан не понял. Как и странных ноток в интонации голоса, когда её ярко-алые губы вдруг раскрылись:

– Доброе утро, Конан-киммериец.

– Доброе утро, Резеда. Знаешь, я привык, чтоб меня называли просто – Конан. Да так и проще и быстрее.

– Хорошо. Тогда и я буду тебя так называть.

– Недолго, надеюсь. Потому что по здравом размышле-

нии я решил отпустить тебя. Да и что бы я стал с тобой делать? Продал бы какому-нибудь караван-баши, или торговцу, в рабство? Ха!

– Смотрю, ты уже всё обдумал и решил. А меня ты не забыл спросить?

– И о чём же это я должен был *у тебя* спросить?! – Конан решил проблему недоумения традиционно – почесав в затылке.

– Как – о чём?! Захочу ли я оставить тебя, и свалить куда-то во мглу преданий. А я вот – не захочу!

– То есть? – теперь Конан и правда был удивлён не на шутку.

– То есть, я остаюсь с тобой, мой сильный, большой, но непонятливый друг. Собственно, это ты вынуждаешь меня принять такое решение!

– Я?!

– А кто же?! Лишил меня последних возможностей к добыванию пропитания, убил тех, кто меня защищал, и отлично знаешь теперь, что податься-то мне – не к кому! Вот и получается, что теперь *ты* должен обо мне заботиться, и я теперь – твоя новая напарница!

Конан покудахтал, изображая в очередной раз смех, хотя ему сейчас было вовсе не смешно. Однако он вынужден был изобразить ироничное веселье, потому что нужно же хоть как-то сохранить лицо. А тяжело его сохранить, когда тебя словно ударили трухлявым бревном по голове. А ещё

он предвидел новые трудности. Но где-то она...

Бэл его задери! Верно: в какой-то степени эта Резеда права! Она осталась абсолютно одна на белом свете, деревня разгромлена монстрами, султан оказался равнодушной и трусливой сволочью, да ещё и подкаблучником, и кроме как действительно попасть в рабыни, или наложницы чьего-нибудь гарема, ничего Резеде не светит.

Но с другой стороны – вешать на себя такую обузу! Да ещё без работы!..

Конан, уже сердясь, что на него пытаются надавить, фыркнул:

– Уже всё распланировала, да? А если я вот прямо сейчас встану, соберусь, да уеду, оставив тебя связанной на песке?

– Не верю! Кто угодно мог бы так поступить, но не ты, Конан-киммериец! Ты – человек чести. Ты не убиваешь женщин и детей! Да и сейчас не допустишь, чтоб из-за тебя погибла беспомощная и беззащитная женщина!

Конан не придумал ничего лучше, как невесело рассмеяться:

– Это ты, что ли, тут – беззащитная женщина?

Резеда смутилась:

– Ну, не совсем, конечно, беззащитная... Но хочешь верь – хочешь, не верь – а я к тебе прониклась.

– Чем же это, интересно?

– Уважением. И благодарностью.

– А это-то – за что?

– Ну – как! Ты и правда – не изнасиловал меня. А мог бы – я-то почуяла, как воспряло, пока ты меня обыскивал, твоё естество! И участилось дыхание. Значит, я тебе всё-таки не совсем безразлична!

На это Конан не нашёлся, что ответить, и только пооткрывал-позакрывал рот, словно выброшенная на берег рыба. Потом, тяжело вздохнув, подошёл, и действительно разрезал верёвки, стягивающие тонкие запястья и лодыжки.

Вот ведь странные существа эти женщины!

Гори огнём весь мир, погибни деревни и города, а их в первую очередь будет интересовать только одно: вызывают ли их «прелести» ответную «реакцию» у мужчины!..

Завтракали тем, что имелось у Конана в походной суме. А имелось у него как всегда только то, что не весило много, не портилось от солнца и времени, и было очень питательно, хоть и не всегда вкусно: солонина, сушёные фрукты, да сухари из лепёшек. Запивали всё ключевой водой из горного ручья, пара бурдюков с которой ещё оставалась у варвара в седельных сумках.

Резеда ела, словно птичка: отщипывала от лепёшки и сушёных абрикосов и чернослива крохотные кусочки, по ягодке брала кишмиш, и запивала маленькими глоточками из пиалы, которую Конан, как истый рыцарь, отдал ей, сам отхлёбывая при необходимости прямо из горловины. Во время еды они не разговаривали, но уж переглядывались: Конан с

сомнением и вопросительно, Резеда – с вожделием, словно кошка на сметану.

Когда с завтраком было покончено, и Конан убрал остатки продуктов и недопитый бурдюк в свою необъятную суму, Резеда не удержалась:

– Не понимаю.

– Чего же?

– Про вас, наёмников, буквально все талдычат, что вы всё свободное время, да и на «работе», пьёте, дерётесь, и занимаетесь... Распутством. А у тебя даже нет с собой вина!

– А-а, вон ты о чём... Нет, правильно все талдычат. Всё это правда. После завершения – успешного завершения! – очередной миссии мы, те кто выжил, обычно именно так себя и ведём. Радует. Именно тому, что выжили. Пока не кончатся все – ну, вернее, почти все! – деньги. А новую работу мы начинаем искать только для того, чтоб заработать на новый период весёлого времяпрепровождения. Ну и понеслась по-новой. Работу нашли, аванс получили, экипировались – вперёд! Поработали, деньги забрали, и...

– Хватит! Гони кому другому! А то я не поняла, что ты на самом деле вовсе не такой. И сейчас вон: снова пытаешься спрятаться за маской тупорылого пофигиста!

– Ах, скажите пожалуйста, какие мы умные, и как тонко понимаем подлинную сущность другого человека! Особенно после восьми часов знакомства (если за таковое считать сон по разные стороны костра) и получасового разговора!

Резеда дёрнула тощеньким плечиком:

– Да вот – понимаем! Я, если хочешь знать, вовсе не так юна и глупа, чтоб не понять, что вся твоя сдержанность и равнодушие к смерти – просто маска. Да и не может быть по-другому! Тот, кто таков на самом деле, никогда бы *так* себя с захваченной в плен женщиной, пытавшейся его убить, не повёл бы. Уж он постарался бы своего не упустить – потому что считал бы, что во-первых, имеет полное моральное право отомстить, а во-вторых... Во-вторых он прекрасно понимал бы, даже своими крохотными пропитыми остатками мозгов, что «завтра» для него может не наступить. И нужно прямо сейчас брать, или использовать всё, до чего могут достать загребушие ручонки! И другие места.

– А быстро ты вычислила. Тонкости работы наёмников. Только вот должен тебя огорчить: ни в пираты, ни в наёмники не идут те, кто реально дорожит своей жизнью. Такие идут в землепашцы и скотоводы. Если они из простого народа. Ну, или уж в казначеи или вазирь султана – если родовитые. Или в торговцы – если папа, или там – дядя, был таковым. А простолюдины вроде меня, но – с определённым складом характера, да ещё и в силу жизненных обстоятельств лишившиеся семьи, и овладевшие кое-какими боевыми навыками, могут зарабатывать, лишь продавая эти самые навыки. Так что выбор невелик – или в пираты, бандиты и грабители... Или – в наёмники! Впрочем, разница принципиальна. И простому человеку часто незаметна – при слу-

чае ни те, ни те не упускают вот именно – возможности.

– Пограбить! – она возвела очи горе, и вздохнула, – Ладно, твоя правда. Неправильно, наверное, судить о вас, солдатах удачи, только по слухам, сплетням, да тебе.

Конан, во время их разговора успевший скатать одеяла, и собрать и навьючить на своего коня всё остальное добро, и собиравшийся уже сесть в седло, кинул на неё взор через плечо:

– Хе-хе. Я заценил юмор. Ладно, мы будем разговаривать, или всё-таки двинемся?

– Двинемся, конечно! Но... Разве мы не похороним тех, кого ты убил?

– Почему – похороним? Я лично никого хоронить не собираюсь. А ты, если хочешь – копай себе, я никого не держу. Правда, меч не дам. А больше копать нечем. Разве что их же зубочистками-кинжалами. Так что? Остаёшься?

– Н-нет... Нет. Но Конан... Разреши, я хотя бы схожу – попрощаюсь!

– Сходи. Пять минут нам погоды не сделают.

Спустя действительно пять минут его новая напарница вернулась. Серое лицо и трясущиеся губы сказали варвару о том, что женщина и правда – понимает, что отрезана от корней. И никого из близких у неё на этом свете не осталось. И во всей её деревне теперь пусто, как в ласточкином гнезде зимой. И так же тихо. Правда, варвар почувал, что грусти-

ла она всё-таки не об этом. Не о том, что очень скоро соломенные крыши сгниют, глинобитные мазанки оплывут без надлежащего ухода, превратятся в глинистые холмики на поверхности земли, а чуть погода дожди да ветры сотрут и эти следы человеческого поселения.

А о тех, к кому была привязана, и кого знала всю жизнь...

Но в тоне, когда женщина заговорила, звучала только равнодушная деловитость:

– Ну что, поехали?

– Поехали-то мы – поехали... Только вот интересно, куда это ты собираешься ехать в таком наряде?

– Бэл его раздери! Твоя правда: в такой одежде на меня только слепые не будут показывать пальцем!

– У тебя нормальная-то, женская, или походная, одежда есть?

– Есть, конечно. Потому что вот чего твари в отличии от банд разбойников не делают, так это – не грабят подчистую всё добро из домов. Им это добро...

– Не нужно. – закончил её немудрёную мысль варвар, – Я уже понял. Кстати, хотел спросить на досуге. Вы почему обосновались на этой дороге, а не на главной? Вот там-то вы уж точно могли бы «привлечь внимание путешественников»! И султанов.

– Мы... – она вновь покусала тонкие губы, – Сам видел: нас оставалось всего пятеро. Ну, мужчин. У нас не было достаточно сил, чтоб нападать там! Потому что не путешеству-

ют сейчас к нам в Порбессию купцы без солидного отряда охраны. Вот именно – наёмников. Ну, или своих вооружённых слуг. Почти профессионалов. А самое главное – тогда нам негде было бы жить. Потому что наша деревня... Наша бывшая деревня – всего в двух часах ходьбы быстрым шагом. А на коне – час.

– Ладно. Залезай. – Конан, уже сидевший в седле, подал руку, – Поедешь спереди. Чтоб лучше указывать дорогу.

– Ага, хи-итрый, да? Думаешь, если буду сидеть спереди, я, чтоб не оборачиваться каждый раз, буду меньше говорить?!

Конан, не думавший, что его маленькую невинную хитрость раскусят так быстро, усмехнулся:

– Похоже, сработаемся. Ладно, давай руку.

Через примерно полчаса езды то ли жаркое летнее солнце, то ли усталость, то ли ровный и неторопливый шаг коня подействовали на Резеду усыпляющее. Она, вначале ёрзавшая, и ворчащая то на «неудобное седло», то на слепящее солнце, то на жар от груди варвара, теперь мирно откинулась на эту самую грудь, и нагло пользуясь тем, что руки Конана, держащие поводья, одновременно удерживали и её хрупкое тело, словно в коконе, расслабилась, будто и правда – спала в привычной с детства, и мягкой, постели. Нижняя челюсть трогательно отключилась, и женщина даже похрапывала, а туловище чуть прогибалось в такт шагам коня. Миниатюр-

ная головка, повернутая чуть боком, и покоящаяся сейчас как раз между грудных мышц Конана, тоже слегка раскачивалась – в такт шагам. Было и правда похоже, что Резеда доверяет киммерийцу.

А ведь только вчера хотела убить!

Ох, женщины...

Конан понимал, конечно, что чем дольше они будут общаться, тем больше проблем у него может возникнуть позже. Уже после завершения этой «миссии».

Потому что он волей-неволей привыкнет к женщине. И она и её дальнейшая судьба станут ему небезразличны.

Он не слишком любил такие взаимоотношения.

Наёмник должен быть свободен!

Если у него есть какие-то привязанности, связи, или родственники и близкие – он сильно рискует. Что в критический момент этих самых родственников, или близких людей враги могут взять, например, в заложники. И использовать в нужный момент как весьма весомый аргумент. Заставив колебаться. Сомневаться. Бояться за чужие жизни, вместо того, чтоб рубиться без оглядки!

А колеблющийся или сомневающийся воин – мёртвый воин.

Киммерийцу вовсе не улыбалось, чтоб у кого бы то ни было появилось орудие, с помощью которого можно было бы влиять на его поступки и решения. Правда, он пока не сомневался, что женщина просто хочет привязать его к себе –

для себя.

Потому что думает, как обычно, с чисто женским коварством и нелогичностью: «Ага! Если эта волосатая обезьяна влюбится в меня, я смогу его заставить отомстить за моих родных и земляков даже если чёртов султан не захочет заплатить столько, сколько этот наглый сволочь заломит!»

Разумеется, в таких раскладках есть и доля истины: Конан привык исполнять дело, за которое ему – не важно, заплатили, или нет, но – которое он обещал исполнить. И исполнить с максимальной точностью. И ответственностью. Иначе кто бы доверял ему?!

И – главное! – платил?!

Он действительно не сомневался: его репутация сейчас работает на него! И раз молва о нём дошла и сюда, значит, не зря он старался. И такая слава наверняка позволит...

Хорошо поторговаться!

Деревню Резеды варвар увидал с холма.

В том, что она или покинута, или вот именно – вырезана до последнего человека, усомниться было невозможно. Потому что запустение и атмосфера безлюдности проступали во всём: тут не нужны были наблюдательность Конана, и его внимание к деталям.

Проезжая по чуть видной тропке к крайним домам, Конан успел рассмотреть всё.

Действительно, тут когда-то росли неплохие сады, от ко-

торых сейчас остались только брёвна корявых стволов с обломанной кроной и остатками бурых комьев на корявых, беспомощно лежащих на поверхности, корнях. Кто-то явно не поленился вырвать из земли все эти старые, и наверняка неплохо плодоносившие фруктовые деревья, да так, чтоб они уж наверняка погибли. А для гарантии пообрубали с них всю крону. Которую, похоже, сожгли – Конан видел несколько пепелищ больших костров на пустырях у окраин.

Окна домиков, словно бельмами, смотрели на главную улицу пустотой маленьких квадратов и прямоугольников – похоже, зимой здесь холодно, и тогда их, как и на родине варвара, просто затыкают пробками-затычками из тряпья... На дороге между домами валялись какие-то тряпки – вещи и их обрывки, осколки битой посуды, части сбруи и разных хозяйственных вещей и предметов: похоже, грабежом тут не пахло, а вот ожесточённым, но неравным сопротивлением...

Садики и огородики у домиков выглядели ничуть не лучше: даже бурьян, которым заросло всё то, что было высажено на грядках, пожелтел и сморщился – да оно и понятно: без постоянного полива тут наверняка ничего расти и не могло. Нужно будет спросить Резеду, откуда бралась вода – ни арыков, ни родников Конан в округе не видел.

Впрочем, откуда вода, он догадался быстро: в центре посёлка, куда он вскоре прибыл, имелся колодец. Вернее, то, что когда-то было овальной формы колодцем: кладка из неотёсанных каменных блоков, когда-то скреплённых изве-

стью, была разбита, и осколки и обломки явно сброшены вниз.

– Резеда. Резеда, говорю! Проснись. Приехали.

Женщина у него на груди вскинулась было, но быстро оглядевшись, почему-то не поспешила слезть, а снова кинулась на эту самую грудь, разрыдавшись уже в голос, и причитая:

– Мама! Мама... Отец... Гульсина, Матлюба... Тётя Зульфийя. Дядя Ривкат...

Конан молчал. Его руки, как бы действуя сами по-себе, мягко охватили тоненькие трясущиеся плечики, и придерживали, пока слёзы не иссякли, и женщина не вздохнула:

– Ну вот. Мне и легче. Теперь понятно, чего мне всё это время не хватало: выплакаться всласть на чьей-нибудь могучей груди... Спасибо, Конан.

– Не за что, Резеда.

– Ладно, давай-ка я слезу. Да пойду соберусь.

– Ага. Кстати: ваш колодец – засыпан?

– Да. Оба ворота сброшены вниз, камни кладки тоже. Да и земли твари насыпали... Он ещё и отравлен. Во-всяком случае, наш Бобомурод, когда попробовал воду из той дыры, что нам удалось расчистить, умер в страшных муках. Всего за полчаса.

– Откуда же вы берёте теперь...

– Воду? Из подземных кувшинов-адобов. Ну, глиняные кувшины, обожжённые в наших огромных печах, каждый –

ведёр на десять. В таких и вода всегда прохладная. Наша семья как раз и занималась... Мы – гончары. Ну, были... Так вот: у нас на всякий случай в каждом дворе было несколько таких, закопанных в землю до горловины, кувшинов. На всякий случай. Да и чтоб не ходить каждый раз к колодцу, и не крутить ворот, поднимая ведро с пятидесяти футов...

– Разумная предосторожность. А они – не?..

– Нет. Мы проверяли. Да твари, как мне кажется, и не искали их. А то бы нашли.

– Понятно. Ну, веди.

Дом Резеды стоял ближе к дальнему концу селенья. Ничем особым он не выделялся: мазанка и мазанка из кирпича-сырца, крытая поверху перекрытиями из корявых и прогнувшихся стволов, и увязанной тюками соломы из стеблей камыша, присыпанных почти футовым слоем самой обычной земли. Очень даже практичное строение. Зимой в таких домах тепло, летом – прохладно. Резеда, шедшая впереди, обернулась, махнула Конану:

– Привяжи коня вон к той изгороди. Заходи.

Киммериец привязал коня к тому, чему явно польстились, назвав изгородью: трём жердинам на трёх же столбах. Похоже, скота родные Резеды не держали: тут не было даже хлева. Зато имелось несколько вот именно – печей для обжига. Двор оказался, правда, настолько хорошо утопанным, что сорняки до сих пор тут не проросли. Правда, они наверстывали своё в так называемом огороде: крохотной делянке раз-

мером всего с несколько комнат. Конан мысленно усмехнулся: морковь, лук, укроп, кинза, душистый перчик, шафран, мята...

Только для себя – никакой продажей тут близко не пахло. Он вошёл в дом. Его делила примерно посередине тощенькая и повывавшая виды перегородка из ткани: передняя и задняя комнаты. Ну правильно: мужская и женская «половины». Чисто условные: всё равно почти всё происходящее за тряпочкой слышно...

В доме оказалось прохладно и темно: свет проникал внутрь лишь через вход и два квадратных окошка, площадью не больше, чем хорошее блюдо. Зимой, похоже, их затыкали всё-таки не тряпками, а крышками, как от бочек: те стояли на полу у проёмов. Но сейчас по дому гуляли сквозняки, а из мебели ему на глаза попался лишь длинный и широкий восточный столик-дастархан, за которым обычно нужно сидеть на карачках, или сложив ноги так, как делают вендийские йоги. Располагался столик на невысоком досчатом помосте-айване, занимавшем почти полкомнаты. Конан сталкивался: под таким айваном обычно хранилось всё добро семьи, если таковое удавалось нажить, а ночью помост превращался в спальное место.

– Заходи, Конан. Я уже переделалась. И собралась.

Конан прошёл во вторую комнатку. Она оказалась ещё меньше: узкая и совсем уж тёмная пещера. Тоже разделённая напололам помостом-айваном. Похоже, женским. Но тут

имелись хотя бы подобия полок на стенах: на них лежали свёрнутые курпачи – восточные тоненькие матрацы, на которых, похоже, и спало всё семейство.

Сейчас посередине комнатки стояла небольшая сума – обычная походная котомка, размером намного меньше, чем у самого варвара, а над ней – Резеда.

– И это – всё?

– Да. Немного, да?

– Да. – Конан много чего подумал о тщете всего сущего в общем, и нищенском существовании аграрных поселений в частности, но больше ничего не сказал, подхватив суму с полу, и выйдя. Резеда молча последовала за ним, на прощанье даже не оглянувшись.

Конечно, широкие походные шальвары, хеджаб, чадра и плащ куда больше подходили для имиджа чисто восточной женщины. Резеда даже сняла пояс с ножнами – похоже, оставила там, в хижине, за ненадобностью. А зря. Впрочем, зная женщин...

– Кинжал оставила? – Конан не столько спрашивал, сколько утверждал.

– Да. Спрятала только туда. Вниз. – женщина похлопала себя по талии, которую теперь прикрывала накидка-хеджаб.

– Молодец.

Больше никто из них ничего не сказал, пока Конан запихивал немудреные пожитки в освободившуюся седельную суму, бурдюки из которой он уже выкинул за пятнадцать

предыдущих дней пути, и забрался в седло. Молча он снова подал женщине руку.

– Мы... Не будем разве брать воду на дорогу? – она запрыгнула уже довольно легко, словно всю жизнь этим занималась. Впрочем, кто знает – может так и было?

– Сколько дней пути осталось до Порбессии?

– Нисколько. К завтрашнему утру приедем даже на такой медлительной кляче, как у тебя.

– Красавчик вовсе не медлительный. Он – опытный. И напрасно нестись вперёд сломя голову не привык. Впрочем, как и я.

– Ну я рада. За вас обеих. Значит, я – в надёжных руках. И копытах.

Конан усмехнулся:

– Дай-ка кое-что я уточню. Ты что – думаешь, что мы будем ехать всю ночь?

– Ну да, я так и думала.

– Неправильно ты думала. Мы не будем торопиться, и сделаем ещё одну ночёвку. На пару дней моей воды и еды должно хватить даже нам обеим. И коню. А там – разживёмся в столице и пищей и водой. Надеюсь, там-то какая-нибудь река есть?

– Есть, конечно... Река довольно большая – Дорсай. По ней от моря даже заходят корабли. Правда, небольшие. И плоскодонные. И – весной. Сейчас-то река обмелела...

– Всё понятно с вашей «большой рекой».

Теперь за реку обиделась, как до этого Конан – за коня, Резеда:

– Ой, скажите пожалуйста, какие мы «виды выдавшие». Уже нам и река в пятьдесят шагов – ручей недоделанный!

– Да нет, река как река. А ты других не видала?

– Н-нет.

– Да и ладно. Все они устроены одинаково. Текут себе и текут. Главное, чтоб воду можно было пить.

– Из Дорсая – можно. Но... А какие *ты* видел реки?

Конан не видел проблемы в том, чтоб поговорить. Ведь за спокойной ни к чему не обязывающей беседой время летит словно быстрее, а дорога несложная: после того, как её показала Резеда, и рука варвара направила Красавчика туда, конь Конана и сам прекрасно двигался по утоптанной, но не разбитой колеями телег, тропе, шириной даже чуть больше, чем та, на которой Конан встретил оставшихся в живых «горе-делегатов»:

– Разные. В Аквилонии, например – Акшерон. У устья делится на восемнадцать рукавов. Каждый – шагов по сто в ширину. А там, где стоит столица – ширина шагов в восемьсот. И порт там огромный – у причалов можно разместить до ста двадцати больших морских галер. Ну, или вот, скажем, Гинга – в Вендии. У города Каликутт его ширина даже больше, чем у Акшерона. Но воду из Гинга пить нельзя: после того, как он выходит из гор, он протекает по глинистым равнинам, и несёт очень много глины. Поэтому мутный и жёл-

тый в нижнем течении. А на вкус... Словно пьёшь вот именно – глину.

Видал я и Понт Эвгсинский. Тот славится ну очень быстрым течением, и неширок – всего-то сто пятьдесят шагов! – но уж такой холодный и глубокий! Ни один нормальный человек не сможет переплыть – ему сведёт судорогой руку или ногу, и – прости-прощай, глупый бедолага!

– А ты-то откуда знаешь? Переплывал, что ли?

– Пришлось однажды. Вон: видишь, дырка в плече? – Конан продемонстрировал затянувшийся, но всё ещё отлично различимый шрам, – тугарская стрела! Чтоб вынуть, пришлось потом переломить. Так что – нырял. Правда, под водой даже я не могу проплыть без дыхания больше пятидесяти шагов. Но меткий стрелок у них, к счастью, нашёлся только один. А то не смог бы переплыть и я.

– А ты не боишься ледяной воды?

– Нет. Я же – киммериец. У нас других рек или родников и ручьёв и не бывает. Те, кто с детства не привык, говорят, что от нашей воды у них зубы ломит.

– Надо же... А в каких ещё странах ты был?

Конан, усмехаясь про себя, неторопливо рассказал про Куш и Стигию. Про Гирканию и Замору. Резеда, вначале несмело, но потом всё чаще и с нескрываемым любопытством спрашивала про всё: людей, города, одежду, обычаи и обряды...

Так, за неспешным рассказом, они и добрались к вечеру

до места, которое, как посчитал варвар, подходит для ночёвки: несколько кустов всё того же саксаула, и – голая степь вокруг. Резеда оглядывалась вокруг, пока ещё с седла, с явным подозрением:

– А почему ты считаешь, что здесь остановиться лучше, чем, скажем, возле вон того дерева?

– Объясняю. – Конан уже привык, что тем, кто не владеет такими инстинктами воина, как он, то есть – обычным людям, нужно всё объяснять, – Дерево – живое. Значит – рядом есть вода, и ветки с него бесполезны как топливо. Кроме того, рядом с ним имеются подозрительно выглядящие камни – за такими очень удобно подкрадываться. Ну а главное – в камышах, что виднеются чуть левее – да, вон там! – наверняка скрыто что-нибудь вроде болотца. Воду оттуда пить наверняка нельзя, она солоноватая и затхлая, заросшая какой-нибудь ряской и кишмя кишит личинками комаров и лягушками. А если б вода была проточная и чистая, рос бы не камыш, а что-то другое, вроде платанов, диких яблок, или урюка. Ну, на худой конец – ивы. Ну а вот змей там – наверняка полно.

– Храни нас Мирта Пресветлый! – Резеда передёрнула плечами, – Может, тогда нам стоит отъехать чуть назад?

– Нет, назад – тоже смысла нет. Уж больно много там вдоль песчаных сопок понарыто нор: наверняка в таких живут и мыши и тарантулы.

– Бэл! Когда ты так говоришь, мне вообще не хочется сле-

зять с твоего Красавчика!

– Ерунда. У меня есть верёвка из овечьей шерсти. Размотаем вокруг одеяла, и ни один тарантул не сунется. Они овец боятся пуще, чем огня.

– Я смотрю, ты и правда много чего знаешь. И подготовился... Основательно.

– Да. Но – давно. Эту суму я собрал в первый раз лет этак пять назад, когда бросил корсарство, да подался в наёмники. (Пресытился я морем.) Да так с тех пор и не расстаюсь. Только меняю в ней то, что использовал или израсходовал. И докладываю – то, что может пригодиться в тех или иных условиях. Для работы. Ладно, хватит прохлаждаться. Вон – подходящие кусты. Ты – туда, я – направо.

Справив нужду, Конан начал распаковывать вещи, и обустроить лагерь, вскоре появилась и Резеда. Она как-то подозрительно ёрзала. Конан не удержался:

– Укусы комаров на мягком месте лучше не расчёсывать. Лучше не станет, а вот какую-нибудь чесотку подцепить в таких малярийных местах можно запросто.

– Вот уж спасибо так спасибо! За предупреждение. Правда, запоздавшее на пяток минут. А раньше не мог сказать: так мол и так! Там наверняка полно комаров! Покусают!

– Мог. Но думал, ты и сама всё понимаешь. Или у вас в селении комаров не было?

– Были, конечно... Но эти – просто зверюги какие-то! Уж так накинулись – словно недели три голодали!

– Возможно, кстати, что так оно и было. По вашей дороге больше месяца действительно никто не ездил.

– Ха! Да кто бы по ней ездил, кроме нас?! А мы... Говорю же: окончилось полным крахом наше посольство! – Резеда опять помрачнела, и поспешила отвернуться.

– Не расстраивайся. Если ваш султанишка, или, что вероятней, его главный вазир с его главной советчицей раскошелятся – я постараюсь отомстить. За ваших. Ну, и за всех остальных.

– Ох... – Резеда только вздохнула, затем закусила губы, – Конан! Ты, конечно, бугай здоровый и много знающий. Опытный воин. Профессионал. Но против магии...

– Резеда. Если не хочешь, чтоб я тебя отшлёпал, лучше замолчи. Незачем сеять панику в наших доблестных рядах!

Пужинали тем же, чем и завтракали. Правда, на этот раз Резеда ела побольше, и даже причмокивала, когда попадался особо сочный кусочек сухофруктов:

– Хорошая у тебя курага! И миндаль. И сушёные фиги.

– Горные. Из Зингарских провинций Кошт и Рогон.

– А что – есть разница?

– Конечно. Нет, кто не знает – тому и правда – нет. А так, именно тамошние сухофрукты стоят на базарах всего средиземья вдвое-втрое по сравнению с местными... Но зато уж хранятся без потери вкуса, и плесени, пять-семь лет!

– Ух ты... Не знала.

– Да и ладно. Не заморачивайся зря. Вряд ли пригодится. Обычно вы, женщины, такой информацией стараетесь голову не засорять. Вам бы – побольше бытовых моментов. Скажем, где чего подешевле найти на продуктовом базаре. Или шмотки на вещевом – тоже подешевле, да помодней. И чтоб потом ещё постоять с соседками потреться, обсудить покупки, да перемыть кости подругам. И родственничкам. И прочее такое.

– Ах, вот значит, как ты думаешь о нас, женщинах?! Теперь понятно, почему ты до сих пор не женат!

Конан позволил себе поухмыляться:

– Да, подловила ты меня... Невысокого я мнения о женщинах.

– Хам. Ну а о ком ты высокого мнения?

– Ну... О себе. О наиболее выдающихся коллегах по ремеслу. О сильных воинах. Тут, понимаешь ли, такая проблема. Те, кто силушкой не вышел, обычно стараются пролезть в какие-нибудь руководители. Или в крайнем случае – прихлебатели руководителей. То есть – стараются хитрить, и готовы на подлости, интриги, подсиживания. Словом, пойдут по головам, а если надо – и по трупам. Ну а уж те, кто по сильнее да поздоровей, и не слишком заботится о целостности и неповрежденности своей шкуры, идут в такие как я. И начальники лезут редко – разве что совсем уж амбициозны. Или – чувят, что так будет лучше для дела. Вот и получается, что я уважаю простых, но здоровых. А не хитро...опых с...

анных интриганов-проныр.

– То есть – среди твоих предпочтений тупые но здоровые качки?

– Ну ты заладила... Говорю же – мы не качаемся. Это – следствие нашего образа жизни. И работы. Но, в-принципе, так оно и есть. Кстати, вот тебе назад все твои причиндалы и кинжал: попрячь в... э-э... те места, откуда я их вчера вынул. И приготовься.

Сейчас начнётся.

– Что – начнётся?

– Да то, что уже началось. Встаём. Спина к спине!

К счастью, Конану не пришлось повторять, потому что теперь Резеда и сама увидела и услышала их: со всех сторон к ним неслись, пока бесшумно, и на всех четырёх лапах, несколько десятков тех, кого Конан уже отлично знал по описанию Велемира, а Резеда, похоже, видела: во-всяком случае, она не завопила: «мамочки!», или не кинулась наземь, закрыв голову руками, а с большим удовольствием схватила во вторую руку протянутый Конаном огромный, и похожий скорее на полсабли, кинжал. И вовремя!

Конан успел только крикнуть: «Не позволяй им себя уку-сать!», как вся стая накинута на них с громким визгом и рёвом, и расслышать уже так и так ничего бы не удалось!

Первых нападавших, которые за десять шагов от них всё-таки вскочили на ноги, и теперь двигались медленней, что, очевидно должно было как-то компенсироваться удобством

в обращении с впечатляющими длиной и остротой когтищами передних лап, и зубастых морд, Конан встретил традиционно: кинжалами.

Оставшиеся у него девять стальных зубьев очень быстро, так, что Резеда даже не успевала следить, нашли себе цели. девять монстров, ростом с неё, словно от ударов кувалды отлетали назад, и теперь громко верещали, дёргаясь в судорогах предсмертной агонии. Похоже, рука её напарника была отлично натренирована: все кинжалы вонзались точно в центр груди, наверняка пронзая чёрные сердца!

Но радоваться тому, что число нападавших сократилось на добрую треть, явно было рано: остальные, словно не замечая жертв среди своих, наступали на них плотным кольцом, вереща и рыча точно так же!

Конан вдруг нагнулся, и выхватил головню из костра. Проорал:

– Держи лучше это! Вначале тыкай в морду! Старайся попасть в глаза!

Сам он, судя по всему, в головне для дополнительного освещения в наступивших сумерках не нуждался: метнувшись словно молния к ближайшему нападавшему, варвар напроць снёс тому голову с одного удара. Но киммериец не остановился, и обежал весь круг тварей, сомкнувшийся во круг костра, рубя, коля, и щедро раздавая пинки и проклятья!

Резеда действительно тыкала своей веткой во все прибли-

жившиеся к ней морды, с кровожадным удовлетворением отмечая, что тварям это явно не нравится, если сказать мягко: они, шипя и тряся головами, отскакивали от пламени, иногда даже начиная протирать полуослеплённые-полуобожжённые глаза!

Будучи реалисткой, женщина понимала: варвар прав! Воин или рубака из неё – аховый. Поэтому хорошо, что он дал ей оружие, действующее с достаточно длинной дистанции, а то точно – покусали бы. Или поцарапали! Подумав, она даже сунула за пояс оба кинжала – свой и Конановский, и схватила во вторую руку ещё одну ветку-факел!

Это сработало: тварей отгонять стало легче. Правда, так они не убивались, но Резеда уже поняла, кто здесь будет монстров убивать.

Конан между тем, даже не остановившись, начал второй круг: за его спиной верещали, пытаясь приладить назад отрубленные конечности, или затолкать обратно во вспоротое брюхо вывалившиеся кишки, раненные монстры. Как вскоре поняла Резеда, киммериец вовсе не ставил себе целью убивать сразу, и приканчивать во что бы то ни стало. Нет – он хотел пока хотя бы временно обездвигить как можно больше нападавших, и лишить их таким образом возможности драться. И сделать это он старался как можно быстрее: меч в одной и кинжал в другой руке буквально сливались в какие-то подобия сверкающих в отблесках костра полукружия и зигзаги, а враги падали как подкошенные чуть ли не охап-

ками: словно какой-то гигантский косарь косил сено!.. Причём косил очень быстро.

Не прошло и минуты, как стоящих на ногах, а точнее – задних лапах, не осталось. Но Конан вовсе не утихомирился, как наивно посчитала было Резеда: он всё так же стремительно зашёл на третий круг, теперь уже – вот именно безжалостно добивая ползавших в своих кишках и лужах крови, монстров.

Как поняла женщина, киммериец старался действовать максимально надёжно и эффективно: только когда последняя из сорока с лишним голов оказалась отрубленной, он позволил себе остановиться. Внимательно осмотрелся. Доотрубил голову, что ещё болталась на обрывках кожи и мышц шеи. Вытер со лба пот, и блеснул оскалом белых зубов:

– Вроде, все! Меня... Не ранили. Ты – как?

– Нормально. Цела.

– Хорошо. Ну, как тебе «работа» наёмника? Привлекательна?

– Не знаю, что и сказать.

– Да ладно уж – я привык к твоим ругательствам.

– Ну тогда вопрос: обязательно было изображать передо мной гнусную мразь, и добивать беспомощных и уже не могущих сражаться?

– Мне ни перед кем никого изображать не надо – запомни это, наивная и милосердная женщина. Я действую только на

основе моего личного опыта. И знаний.

– Оп-па! Оказывается, ты знаешь про этих тварей что-то такое, чего не знаем даже мы, жители Порбессии?!

– Ну... Можно и так сказать. Правда, не надейся, что я раскрою тебе свой источник информации. Но! Я точно знаю, что если не отрубить голову – чудища могут воскресать. И восстанавливаться. Например, полуотрубленная конечность очень даже запросто прирастает назад. Или вместо даже полностью отрубленной просто отрастает новая. И разрезанный живот, если впихнуть обратно кишки – тоже заживает. Словом, способности к самовосстановлению у этих тварей – потрясающие. Сравнить могу только с теми же ящерицами: ну, помнишь же, наверное, что если тем оторвать хвост, или лапу – через какое-то время просто вырастут новые.

Резеда какое-то время молчала, переваривая. Затем спросила:

– Сколько их было?

– Сорок три. Нападавших. И ещё двое, поменьше, – наблюдатели. Но они сейчас уже слишком далеко, чтоб преследовать их. И наверняка скрылись в какой-то подземной дыре: вон, я же тебе эти камни показывал. Но туда я ночью, да ещё один, точно не полезу!

– Вот это да! А как ты увидел их, этих наблюдателей?!

– Да очень просто. Обратила внимание, что я даже когда разжигал наш костерок, да и потом, старался на него не смотреть?

– Да. – Резеда и правда, поймала себя на том, что сама-то паялилась в пламя во все глаза, надеясь, что оно – их спасенье от монстров, и кошмаров ночной темноты.

– Ну вот и заметил. Потому что зрение не притупилось, как у тебя.

– А почему...

– Привычка. Даже если бы от нас там, снаружи, никто не прятался, и никто бы на нас не напал, осмотреться нужно было. С другой стороны, останавливаясь так близко к логову врага, мы так и так не должны были беззаботно дрыхнуть. Нет: мы должны были бы караулить. По очереди. Вот сейчас, например, после ужина – твоя вахта первая.

– Конан! Уж не хочешь ли ты сказать, что мы прямо вот здесь и останемся ночевать?! Среди всех этих трупов и кровищи?!

– А что тебя так напрягает? Мёртвые же не кусаются?

– Конан! Не изображай мне тут бесчувственную и циничную скотину! Ты – не моральный урод! И должен понимать...

– Что у такой исключительно тонкой и чувствительной натуры ещё имеются какие-то пережитки от старой, впитанной, так сказать, с молоком матери, морали. И та дурацкая штука, что зовётся в просторечии совестью. Понимаю.

– Ну, и?!..

– Ну и только поддавшись на очарование твоих горящих неподдельным возмущением, но ещё и невысказанной моль-

бой, лучистых глаз, я соглашусь. Перенести лагерь.

Однако! Я посажу тебя на Красавчика, и уезжайте. Он сам остановится там, где будет безопасно. Инстинкт животного, он, знаешь, никогда не подводит. Я догоню вас.

– Конан. Что ты собираешься?..

– Поверь: ты не захочешь этого знать.

Новый лагерь они разбили, вернувшись по своим же следам на пару миль назад. Именно там остановился Красавчик, показав всем видом Резеде, что дальше он двигаться не намерен. Резеда, вспоминая, что как раз отсюда на пути к первому лагерю животное начало выказывать признаки опасения и нежелания ехать вперёд, со вздохом слезла, и принялась вновь распаковываться. Это не заняло много времени, и вскоре она уже лежала на одеяле варвара, напряжённо прислушиваясь к шумам ночи, и вглядываясь в темноту.

Конана она всё равно не услышала: он просто возник из тьмы ночи, оказавшись сразу в зареве маленького костерка, что она разожгла для того, чтоб напарник смог легко её найти. Впрочем, как она прекрасно понимала, он нашёл бы их с конём и в кромешной тьме – просто по следам.

За плечами варвара имелся полный мешок с чем-то достаточно тяжёлым и мокрым: пятна какой-то жидкости на ткани глянцево отблескивали в свете костерка. Резеда, с губ которой так и рвался вопрос, тем не менее удержалась.

Ведь он ясно сказал, что она не захочет чего-то «этого»

знать!

Костёр между тем быстро прогорел до угольков: веточки у них оставались только самые тонкие. Так что вновь укладываться на постель пришлось уже в полной темноте, в которой тем не менее варвар, как поняла Резеда, видел не хуже камышового кота. А поскольку с ужином уже было, к счастью, покончено, они позволили себе вполне мирно разлечься на Конановском одеяле, действительно обложившись для страховки верёвкой из овечьей шерсти.

Резеда некоторое время лежала молча, на спине, всматриваясь в огромные восточные звёзды, и кусая губы. Конан своё воображение видами ночной степи или романтикой звёздного неба не утруждал: он, поёрзав, улёгся, наконец, так, как хотел. Буркнул:

– Проклятье. Бэл его задери, вторую ночь выспаться по-человечески не дают. И почему это все эти долбанные «приключения», которые я «жутко» люблю, так и сыплются мне на голову? Ведь я такой мирный и хороший – сам первый никогда никого не трогаю!

Резеда вдруг оказалась прямо у него на груди, нечто мягкое и тёплое приятно прижалось к животу варвара, и расширившиеся до невероятных пределов глазищи женщины с почерневшими зрачками буквально впились в глаза варвара:

– Насчёт – хороший, я бы так смело не сказала! Сейчас проверим, если будет, конечно, на то твоё желание, о великий Конан, как ты относишься к приключениям на разные

другие места!

И сможешь ли ты утешить несчастную беззащитную де-вушку в её печалях?! – её шаловливые пальчики скользну-ли туда, где у Конана действительно – всё для утешения уже было готово!

Конан моргнул. Затем, поняв, что чего хочет Женщина – хочет Бог, улыбнулся:

– Ну... Постараюсь!

Конан действительно «постарался».

Он вёл себя, как позже оценила Резеда, очень нежно и за-ботливо.

Не накинулся на неё со всей силой животной похоти, а ласкал мягко и бережно: словно хрустальную вазу!

И это сработало. Жаркие поцелуи и мягкие касания, ка-залось, вновь напомнили Резеде, что она – женщина. А не боевая машина, или предмет для торга.

И что любить и дарить Любовь – её первейшее желание и назначение!..

Когда Конан наконец вошёл в неё, Резеда поняла, чего ей так не хватало все эти напряжённые и трагические дни!

Мужчины!

Соратника. Отца. Мужа. Любовника. Защитника...

И вот – всё это у неё здесь, придавило её к земле, муску-листым, огромным и надёжным, телом, словно щитом огора-живая её от всех проблем и опасностей окружающего Мира!

Воплощённая мечта любой женщины!

Сейчас старающаяся по её просьбе утешить эту самую женщину единственно надёжным способом...

Она не рыдала, но чувствовала, как слёзы ручьями текут из глаз, возможно, говоря её партнёру, что она думает сейчас не столько о наслаждении, сколько о своей незавидной судьбе, но киммериец проявил себя так, как нужно: он мягко, но нежно, всё усиливал и усиливал напор. От его объятий и горячих губ, ласкавших и покрывавших огненными поцелуями её шею, плечи и грудь, исходил такой животный магнетизм, что этот вихрь всё-таки как-то незаметно увлёк её туда, где нет земных неприятностей и проблем...

Когда он проник чуть глубже, она поняла, что противиться своему естеству больше не сможет. Пусть разум и полон горя, и озабочен, и ещё пытается что-то вспомнить, и рассуждать о разных вещах... Но тело её, презрев требования разума контролировать сознание, больше не принадлежит ей, и жаждет только одного: чтоб *это* длилось ещё и ещё!..

Она забилась, закричала, царапая его мускулистую спину крохотными коготочками, затем застонала, изогнув стан, и полностью отрешившись, пусть лишь на сладостные мгновения экстаза, от мирских забот, в пучине нечеловеческого наслаждения!..

Когда содрогания её тела прекратились, варвар так же мягко, как начинал, отстранился и вышел из неё. Резеда снова застонала, открыла глаза. Глубоко вздохнула. Сморгнула

с ресницы последнюю слезу. Но слёзы словно сами вновь вернулись на глаза:

– Конан! Я...

– Не нужно. – он осторожно положил свои сильные пальцы ей на коралловые губки, покрытые на коротеньких светлых усиках из мягкого пушка влагой сладостной испарины, – Ничего не говори. Просто расслабься. И спи. Я покараулю.

Разбудило Резеду солнце. Оно слепило глаза и грело лицо.

Раскрыв же полностью почему-то слегка затёкшие очи, она обнаружила, что солнце встало уже достаточно высоко. Поэтому и преодолело, обойдя сверху, тот предмет, что явно поставил её напарник, чтоб не дать светилу разбудить её: свою огромную суму.

– Доброе утро! – она села, поправляя волосы, и массируя щёки, чтоб её лицо не выглядело помявшимся о складки куртки варвара, которую тот, оказывается, подложил ей под голову, – Спасибо за подушку!

– Не за что. Завтракать будешь?

– Буду.

– Тогда садись. – сам Конан, оказывается, уже и поел и собрал почти все их вещи.

С едой Резеда разобралась быстро, хоть и чувствовала буквально волчий голод: похоже, вчерашнее напряжение сил и волнения выпили до дна всю энергию, что имелась в её тоненьком и хрупком теле. Поэтому она не пренебрегла сего-

дня и солониной.

Киммериец тем временем скатал и спрятал одеяло и верёвку. Мешок с чем-то мокрым оказался приторочен вместо одной из седельных сумок, саму опустошённую сумку варвар, похоже, просто затолкал в другую, тоже уже полупустую. Вскоре туда же отправился и кусок материи, служивший им скатертью. Резеда спросила:

– Мы... Как поедем?

– Прямо. Днём, я думаю, нам ничто не грозит. Особенно после того урока, который этот гарнизон получил.

– Какой гарнизон?

Конан хмыкнул:

– Обычный. Гарнизон сторожевого поста. Чего непонятно? Ваш монстр-маг устроил себе у вас в Порбессии вроде как государство в государстве. И его границы охраняются. Так, как положено охраняться границам. То есть – имеются дозоры и секретные посты. Сменяемая стража наблюдает за подозрительными и опасными гостями. И, конечно, разведка выискивает тех, кого можно было бы приобщить. К населению ящерокоролевства.

С помощью «преображения».

После чего, уловив подходящий момент, на жертв набрасывается «группа захвата».

– Звучит пугающе.

– А ещё бы. Думаю, от расширения своих границ до границ собственно Порбессии это самое ящерокоролевство сей-

час сдерживает лишь отсутствие достаточного количества верноподданных. А точнее – слуг-воинов. Адептов. Рабов.

Но это число будет расти. По мере того, как королю-магу будут приволакивать всё новых и новых захваченных рабов-мужчин. Меня, собственно, удивляет другое.

– Да-а?! И что же это?

– Вопрос, почему это маг-ящер не берёт в плен женщин, и не преобразовывает их. Ведь тогда число его подданных росло бы куда быстрее, естественным, так сказать, путём. Потому что ящерицы плодятся очень быстро! Им же не нужно кормить детей молоком, учить, воспитывать... После того, как маленький ящерёнок вылупляется из своего яйца, он и так уже всё знает и умеет!

– Бэл! Вот о чем я ещё не думала... Но хвала Мирте Пресветлому, что эти твари пока *так* вроде, не плодятся! Хотя... Но их и так достаточно много! Правда, думаю, теперь осталось сотен восемь. Ну, с учётом того числа, что мы вчера...

– Мы?

– Ну, вернее, конечно – ты! Но я же тоже помогала!

– Ага. Бодрым видом, ярким светом, и верой в нашу победу.

Тут Конан получил весьма ощутимый тычок остреньким локтём прямо под рёбра, но только покурахтал, словно бы изображая смех:

– Ладно, напарница. Будем считать, что ты свои обязанности по уничтожению проклятых тварей вчера полностью

выполнила.

– Хам! Незачем мне напоминать о моей минутной сла...

– Никто никому ничего не напоминает. Расслабься, и получи удовольствие от интересного разговора и красивых окрестностей. Сейчас, кстати, мы должны проехать мимо кое-чего интересного.

– И чего же это?

– А ты осмотрись повнимательней.

Резеда, за внутренними переживаниями и разговором совсем не следившая за дорогой, даже чуть привстала, чтоб теперь осмотреться. И точно! Красавчик как раз привёз их туда, откуда они вчера...

– Это же место нашей первой стоянки! Но...

– Вот именно.

– Но Конан! Кто же и когда убрал все эти трупы?!

– Думаю, ответ прост. Как всё простое. Трупы убрали «коллеги» наших монстров – другие монстры. Убрали ночью.

– Проклятье! Получается, и следов-то не осталось! Теперь мы даже не сможем доказать, что они на нас нападали! Никто не поверит!

– Сможем. – Конан зачем-то похлопал по мешку у ноги, – Уж я позаботился.

О доказательствах.

Как ни протестовала Резеда, пришлось ей остаться в её

комнате в караван-сараяе, куда они прибыли после полудня. Конан с Красавчиком, оставив Резеде на попечение наиболее тяжёлую и ненужную сейчас поклажу, двинулись во дворец.

Как ни странно, стража, узнав о цели визита могучего северянина (Можно подумать, кто-то сомневался, что такой здоровый и отменно вооружённый амбал хочет чего-то другого кроме денег!) довольно легко пропустила киммерийца в Приёмный покой, ограничившись тем, что туда его сопровождало с десятков самого угрюмого вида воинов. Правда, выглядели они не блестяще: тощенькие, невысокие, чёрные от солнца, и какие-то словно потерянные... Варвар прикинул про себя, что если б возникла нужда, он раскидал бы такую стражу одной рукой.

Дежурный приближённый служитель, узнав, что сам великий Конан прибыл к его Величеству султану Мехмету Шестому по наиважнейшему и сверхсрочному делу, кинулся на доклад почти бегом.

Похоже, Конана уже ждали. Хотя он не представлял, (А вернее – как раз представлял!) кто мог бы доложить, или, скорее, распустить слухи о его намерении продать свои услуги: служитель прибежал буквально через две минуты. Отбил низжайший поклон, громко, и весьма подобострастным тоном, сказал:

– Его Величество просит уважаемого Конана-киммерийца проследовать в Зал для приёмов! – и, когда бравое воинство сунулось было следом, добавил, уже весьма грозно, и

тоном, не терпящим возражений, – Одного!

Зал для приёмов Конана не поразил: видал он ковры и по-больше и попушистей, и гобелены – поизысканней. Окон в стенах не имелось, зато вверху имелся фонарь-плафон над куполообразным сводом потолка, откуда просачивалось через цветные стёкла мозаики с каким-то сложным восточным орнаментом, еле заметное сияние послеобеденного солнца. Но темно в Зале не было: везде стояли канделябры из золочёной меди, освещавшие весьма большую комнату четырьмя десятками свечей. Впрочем, они тоже не впечатлили: не чистое же золото! Хотя смотрятся, конечно, солидно. Чего, к сожалению, нельзя было сказать о самом султানে Мехмете Шестом.

Скрюченный не то радикулитом, не то – подагрой старичок, сидящий на помпезно украшенном троне под роскошным балдахином, с морщинистым, похожим на запечённое в печи яблоко, лицом, не произвёл на киммерийца впечатления. Уж слишком немощным и безразличным ко всему он казался. Впрочем, теперь варвару стало понятно, почему прелести Резеды остались невостребованными: мужчине за просто можно было бы дать больше шестидесяти пяти! Однако приличия есть приличия: Конан приблизился на дозволенные чертой на полу десять шагов, и поклонился:

– Ваше Величество, глубокоуважаемый Мехмет Шестой! Да хранит вас и не оставит своими милостями Мирта Пресветлый! Я, Конан-киммериец, приветствую вас, и желаю

долгих лет, и всяческих благ и процветания, вам, и вашим многочисленным отпрыскам, родным, и близким! Да будет мирным небо над вашей головой и землями султаната, да будет мудрым и справедливым ваше правление!

– Здравствуй, Конан-киммериец. Благодарю за приветливые слова и пожелания. В свою очередь хочу пожелать столь именитому и прославленному воину всего самого наилучшего. И, разумеется, хочу поинтересоваться, что привело столь востребованного в более крупных и процветающих странах героя в наши захолустные края.

Конан подавил желание почесать в затылке. Он и правда – недоумевал: ну вот не положено на Востоке вот так, сходу, переходить к делу! Они должны были, словно мячами, поперебрасываться ещё с добрых пять минут ничего не значащими комплиментами и пожеланиями «всего наилучшего» друг другу, поминая всех родных до пятого колена, и изречь прочую массу ничего не значащих дежурных банальностей, а тут...

Похоже, султана и правда – подпёрло!

Ну и отлично. Проще будет торговаться. Но вначале...

– Не могу не удивиться: а где же уважаемый Бетани-бек, правая рука, и наимудрейший советник и помощник Вашего Величества, которому я тоже хотел бы выразить своё почтение, и поприветствовать этого во всех отношениях достойнейшего вельможу? Слухи о его деловой хватке и хитроумии дошли даже до тех краев, где я был в последние месяцы!

– К сожалению, наш многомудрый и достойный только самых лестных похвал советник, вазир Бетани-бек, сейчас в отъезде. Сегодня с восходом ему пришлось отправиться в порт Эрук, вниз по течению Дорсая, чтобы лично проследить за разгрузкой партии ценного Лаванского кедра, предназначенного для строительства новой мечети – как ты без сомнения знаешь, Конан, большие корабли с глубокой осадкой не могут, к сожалению, подняться по руслу нашей реки прямо до самой Порбессии. Но к ужину, надеюсь, он вернётся. И ты сможешь засвидетельствовать и ему своё почтение, мой северный гость.

Итак, что привело тебя сюда, о Конан?

– Ваше Величество! Пусть кто-нибудь уберёт этот прекрасный ковёр – не хочу его напрасно пачкать. Зато когда его уберут, я смогу показать, *что* привело меня сюда.

Его Величество хлопнул в ладоши два раза. Прибежал всё тот же служитель, метнулся, с тремя земными поклонами, к подножью трона. Султан нагнулся к подставленному уху, что-то прошептал, позыркивая уже не сонным, а весьма грозным оком на киммерийца. Конан, поняв, что чуть было не купился, и что на самом деле султан вовсе не потерял трезвого ума и хитроумия, молча ждал. Лицо сделал нарочито равнодушным.

Служка убежал, но через ровно десять секунд в зале оказалось восемь бравого и крепкого вида молодцев – явно жителей чёрных королевств, с завидной мускулатурой, ещё и

подчёркнутой тем, что мускулистые чёрно-эбеновые торсы, обнажённые по пояс, ещё и были намазаны маслом.

Не прошло и ещё десяти секунд, как роскошный ковёр добрых восьми шагов в ширину – от стены до стены приёмного Зала! – оказался скатан.

Конан не торопясь вышел на середину расчищенного пространства мраморного пола. Снял со спины мешок. Горловину он развязал заранее, поэтому ничто не помешало потоку из скользких окровавленных предметов вылиться из неё прямо под ноги варвару.

Некоторое время царила тишина, прерываемая лишь учащённым дыханием служки и сопением султана. Затем его Величество изволил-таки разлепить сжатый в узкую ниточку рот, и подрагивающий хриплый голос, исходящий из пересохшего горла, произнёс:

– Сколько их, Конан?

– Здесь ровно сорок три языка, Ваше Величество. Как вы наверняка уже догадались, вырезал я их из уже отрубленных голов. Со стороны шеи – чтоб не оцарапаться о ядовитые зубы.

– Хм-м... Я впечатлён. Слава о твоей хитрости, предусмотрительности, доблести и навыках умелого воина вполне соответствует. Действительности. Вижу, что и об основной головной боли «моего» Величества, и всей Порбессии, ты уже знаешь. Поэтому говори ты.

– Слушаю, Ваше Величество. Но... Вы не находите, что

взаимоприятную и полезную беседу лучше и удобней вести на свежем воздухе? Например, во внутреннем саду дворца Вашего Величества?

Его Величество криво усмехнулся, оглядываясь на шикарные гобелены на стенах, за которыми, как знал по личному опыту Конан, свободно могли скрываться как дыры – для ушей, так и в неприметном простенке пара отделений опытных стрелков-воинов с луками – для усмирения слишком уж разошедшихся посетителей-гостей:

– Нахожу. – снова хлопки в ладоши, и тихий шёпот слуге. И, чуть погодя, султан, получив на ушко отчёт, сверкнул хитрыми глазками уже киммерийцу, – Идём, Конан.

Во внутреннем саду дворца Мехмета Шестого оказалось вполне уютно и мило.

Мирно журчал маленький фонтан, мелодично чирикали какие-то экзотические птички с ярким оперением, сидящие в весьма большом количестве на ветвях гнущихся под тяжестью спелых плодов фруктовых деревьев. Клумбы приятно пахнущих ярких цветов были натканы везде. Но дорожки между ними имелись, и даже были выложены тщательно подобранными по цвету аккуратными гладкими камушками.

Конан, прогуливающийся теперь по этим дорожкам под сенью деревьев бок о бок с Мехметом Шестым, не удержался:

– Простите за неуместное любопытство, Ваше Величе-

ство. Но прежде, чем мы перейдём к делу. Где же ваш... э-э... Гарем?

Мехмет Шестой позволил себе невесело похихикать:

– Твоя правда: если не контролировать – женские уши будут расти даже из клумб с нарциссами. Не сомневаюсь, Конан, что ты уже угадал. А так-то – конечно, это – в основном их территория. И сейчас мои евнухи загнали всех моих драгоценных жёнушек и наложниц на их половину, – султан махнул рукой в сторону изящной резной дверцы в торце одного из строений, окружавших сад, – И все доступные для глаз отверстия и щели заняты.

Угадал ты и с другим. Гарем как таковой мне уже... Без надобности. И сейчас я просто вынужден закрывать глаза на то, что эта сволочь, Бетани-бек, регулярно, как на работу, ныряет туда, и строит козни против меня с моей «любимой» первой женой – Кумрани-хоним. (Говорил мне папа, да упокоит Мирта Пресветлый его душу, что нельзя делать главной женщину моложе себя почти вдвое!) И терплю я всё это во-все не потому, что уже совсем выжил из ума, или не знаю об этом.

Не-ет, я просто использовал рвение своего первого вазира во благо государства: пусть его хлопочет. Но! До поры до времени, Конан, до поры до времени... И время это настало. Правда, понял я это, уже заплатив цену. Пожалуй, слишком высокую.

Я уверен, что ты неспроста спросил меня об этом. Так

вот: не беспокойся об оплате. Если мы договоримся, ты получишь её полностью. Из моих рук. И ещё кое-что. Если твоя миссия будет успешной, я больше не буду нуждаться в назойливых и тягостных услугах своего первого вазира. И приплачу за это – отдельно!

– То есть, Ваше Величество хочет, чтоб я... – на чело варвара набежала тень. Он, конечно, наёмник, но... Вовсе не наёмный убийца!

– Нет-нет, Конан. Сейчас ты *неправильно* меня понял. Или, скорее, это я не совсем удачно выразился. От услуг Бетани-бека я избавлюсь и сам. Но! Только после того, как мне станет доподлинно известно, что с монстром-магом покончено. И покончено окончательно. Это – неременное условие нашей сделки.

– Надеюсь в этом вопросе полностью удовлетворить желания Вашего Величества. Только... Мне кое-что понадобится.

– Вот как? Впрочем, понимаю. Такой опытный и хитрый воин, наёмник, и корсар-профессионал, несомненно обладает и выдающимися организаторскими способностями. И понимает, что в одиночку не справится. Говори, Конан. Только...

На моё войско уже не рассчитывай.

Оно практически полностью уничтожено. И осталась лишь моя личная стража. Ну, ты видел...

– Да, Ваше Величество. Собственно, я не о людях для под-

держки хотел вас, Ваше Величество, попросить. А о кое-чём другом. Что вполне в вашей власти.

– Вот как? Заинтриговал. Говори, Конан!

Назад в караван-сарай Конан прибыл только затемно.

Резеда ждала его в своей комнате. Когда Конан постучал, несколько порывистых шагов за дверью показали, что женщина буквально кинулась открывать. Певучий голосок немного нервно спросил:

– Кто там?

– Конан.

– Минуту. Сейчас... – загремел засов, дверь распахнулась.

Резеда выглядела в свете лампадки, которую она зажгла с наступлением темноты, весьма впечатляюще. Разметавшиеся пышные волосы, огромные, в поллица, глазищи, приоткрытые полные и чувственные губки и за ними – мелкие, но очень ровные белые зубы. Конан вошёл, улыбнулся:

– Неплохо выглядишь.

– Ты мне зубы не заговаривай! Договорился о... Работе?

– Договорился, деловая моя напарница. Всё в порядке.

Можно хоть сейчас отправляться.

– Куда это?!

– Ну – так!.. Работать.

– А... э-э... Никак нельзя подождать с этим до утра? А то я надеялась... – недвусмысленный горящий взор сказали варвару и без слов, на что именно его пылкая напарница на-

деялась.

– Можно. Это я просто так выразился – немного неправильно. Работа, собственно, началась уже давно. Кое-что уже сделано, а кое-что ещё будет делаться. Без нашего, так сказать, участия. Без надлежащей подготовки ни один наёмник в дело не вступит. Чего бы там ты ни слышала о нашем брате, безоглядное махание мечами и саблями – завершающий этап. Этой самой, тщательной, и кропотливой, подготовки...

– Если честно, не представляю, что за «подготовка» может быть в *таком* деле. Ты говоришь загадками. Объясни!

– Пока не буду. Нет, не потому, что не хочу – а потому, что ты кое-чего не учитываешь, – Конан показал глазами на стены, потолок, и дверь, которую уже закрыл снова на щеколду, – В частности – некие особые обстоятельства данного места.

– А, вон ты о чём... – Резеда не успела сказать, что хотела, так как Конан осторожно положил ей руку на ротик, и приложил палец к уже своим губам. После чего вдруг выпустил женщину из объятий, и метнулся к столу, стоявшему в центре небольшой комнаты.

Стол тут же оказался в одном из углов комнаты, Конан – на нём. После чего киммериец толкнул потолок в месте, которое, как казалось Резеде, ничем не выделялось среди прочих. Огромный, почти три на три фута, кусок потолка, вместе с побелкой и всем тем, чему полагалось быть под ней, свободно откинулся туда, где полагалось быть чердаку!

Чердак там и правда имелся. И по нему сейчас, прямо над головой Резеды, протопали чьи-то быстрые и мелкие шаги. Варвар благодаря своему росту в это время как раз оказался почти до пояса внутри тёмного пространства. Правда, он даже меча не вынул, очевидно полностью удовлетворённый открывшейся картиной. Не стал он заморачиваться и преследованием сбежавшего. Только удовлетворённо крикнул, и проворчал, спрыгнув на пол, и ухмыляясь, словно чего-то именно такого и ждал:

– Хозяйский.

– Кто – хозяйский?!

– Сынок. Похоже, средний – Лейссан. Я их тут уже всех разглядел, днём.

– Ах, вот почему ты так долго отирался в кухне, и конюшне, и сараях!

– Во-первых, не отирался, а знакомился. Люблю, чтоб я всё знал про все возможные пути – как нашего отступления, так и нападения на нас. Врагов. А во-вторых, всегда интересно, какими приправами пользуются местные повара и их жёны.

– Да-а?! Так ты ещё и кулинар?! Хм-м... И какими же?

– Зра. Кинза. Корица. Мята. Шафран. Душица. А всего пара дюжин знакомых мне, и даже три незнакомых. Но вот что интересно...

– Да? – Резеда напряглась, так как по нарочито небрежному тону Конана поняла, что что-то он сейчас скажет. Важное.

– Приправы развешаны по всей кухне. В виде сушёных букетов, или веников. На потолочных балках. А та, что меня интересовала больше всего, уже оказалась в нашем котле. Помнишь, я заказывал нам на ужин тушёную баранину с диким чесноком и специями? – Резеда кивнула. Брови её теперь почти сошлись на переносице от нехороших предчувствий, Конан же наоборот: словно испытывал её терпение нарочито неторопливым и ироничным рассказом, – Баранина была бы отличная. Мы бы все пальчики облизали. Но вот потом...

Уснули бы, как убитые. Впрочем, нет – это-то предстояло попозже. Уже когда бы нас прикончили. И мы бы заснули уже беспробудным сном.

– Конан! Ты меня пугаешь! Говори уже!

Киммериец подмигнул, и нагнулся к самому уху своей собеседницы:

– К счастью, я хорошо знаю эту уловку. В тушёное мясо, или плов, или бешбармак, добавляется буквально щепотка сушёного и толчёного сока головок фиолетового мака. Так называемый кукнар. На вкус и запах кушанье почти не отличается от обычного. Но!

Вот именно – но! Поев такой пищи человек, или даже целый отряд могучих воинов, испытывает непреодолимую сонливость. С которой действительно невозможно бороться. И человек проваливается в глубокий сон, больше похожий на обморок. И тогда можно спокойно вязать уснувших, чтоб

они стали уж абсолютно беспомощны – как куры на базаре!
Ну а потом – допрашивать, или...

Вот именно – или!

– А почему ты...

– Потому, что просто учуял. Я же – варвар. И нюх у меня
– куда там ищейкам!

– И ты думаешь...

– Я думаю, что прежде всего нам нужно свалить отсюда к
чертям собачьим, и уж только тогда спокойно разговаривать.
Не говоря уж о – переночевать!

Ночевать нам теперь уж точно не светит.

Настало время для действий!

Внизу, в общем обеденном зале, было шумно, людно и пахло дымом кальянов, дешёвым вином, калённым маслом, и вкусной едой, которой, как поняла Резеда, насладиться им теперь тоже «не светит».

Ужин проходил традиционно для подобных заведений – все сидящие за обеденными столами на длинных деревянных скамьях гости и жильцы говорили, перебивая друг друга, и ещё при этом успевали поглощать свежеприготовленную пищу, запивая неимоверным количеством веселящей жидкости: те, кто победнее – из местных виноградников, а кто посостоятельней – из Кофских, или Коринфских. Конан еле заметно кивнул какому-то мужчине в одежде обычного скотовода, и, проходя мимо стола, за которым тот сидел

в окружении троих таких же ничем не приметных мужчин, мирно трапезничавших жарким из барашка, и лепёшками, что-то буркнул. Резеда смогла разобрать только слово «... сегодня!», после чего киммериец проследовал дальше, даже не глянув на мужчину, а тот и не подумал что-либо ответить, или даже сделать вид, что понял, или знает Конана.

Отбытие из караван-сарая прошло тихо и спокойно.

Ни спросить, ни протестовать из-за не съеденного и не оплаченного ужина, хозяин, вечно шурящийся с хитрым видом и поэтому узкоглазый, и почти коричневый от загара пожилой шемит по имени Мессей, не пытался. Но они могли ещё долго наблюдать его привычно сгорбленную в раболепном полупоклоне фигуру, пока ехали по центральной улице Порбессии, ведущей на юг, прочь от караван-сарая и дворца. Вернее, наблюдала-то эту зловещую фигуру лишь Резеда, поминутно оглядывавшаяся, а Конан, неторопливым шагом ведущий Красавчика по булыжнику мостовой, заваленной разным мусором и залитой помоями, иногда комментировал это, даже не делая попыток оглянуться:

– Сейчас, думаю, Мессей кусает губы и кривит голову на бок. Чешет лысину. А сейчас повернулся к двери и что-то кому-то говорит. А сейчас вытирает руки о фартук.

– Конан! Ты меня дуришь! У тебя есть глаза на затылке!

Конан беззаботно и весело рассмеялся:

– Нет. Хотя разыграть тебя было весело. Вон: посмотри. У меня просто кусок полированной плоской поверхности на

лезвии кинжала. И чуть вынув его, я могу всё, что происходит сзади, отлично видеть. Это очень полезный приём, особенно, когда тебя преследуют. Или пытаются следить. Ладно, от слежки мы постараемся оторваться. Пока другой сынуля нашего шустрого Мессея не успел добежать туда, куда его послали.

Конан, воспользовавшись тем, что караван-сарай скрылся за поворотом дороги, перевёл Красавчика в галоп. После чего направлял его несколько раз, без всякой системы, в переулки то справа, то слева, пока они не выбрались к Западным воротам защитной стены Порбессии. Конан, осадив коня, поприветствовал стражников странно:

– Во имя Мирты Пресветлого! Повелением Властелина! Я – Конан-киммериец.

Начальник стражи, подозрительно глядящий на странную парочку, галопом подлетевшую к его посту, после этих странных слов вроде как вздохнул с облегчением:

– Во имя Мирты Пресветлого, Конан-киммериец! Повелением Властелина! К твоим услугам! Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтоб вы открыли ворота, выпустили нас, снова ворота закрыли, и внезапно... Забыли об этом странном ночном событии! – Резеда успела заметить, как Конан подмигнул, а затем нагнулся к шее коня, и произнёс полушёпотом ещё несколько слов, махнув рукой назад. Начальник караула расплылся в улыбке, в свою очередь подмигнув:

– Всё сделаем. Не беспокойся. И... А ничего, собственно,

тут у нас и не происходило, и никого и не было! И не будет. Так что не понимаю, о чём вообще речь!

Когда ворота за ними закрылись, и заклацала массивная щеколда-бревно, проходя через пазы-держаки, Резеда надулась:

– Уж мне-то мог бы сказать, что тебя тут каждая собака знает!

– Не знает, Резеда, не знает. И никого я тут не подкупал, и заранее ни с кем не договаривался. Ну, кроме его Величества Мехмета Шестого. Но, как видишь, и этого хватило. И могу тебя кое в чём разубедить: не такой уж он старый и глупый, как ты, да и большинство ваших сограждан, благодаря стараниям высокопоставленных клеветников и их шпионов и слуг, считает.

– Хм... Ну и о чём же, если не секрет, ты ещё договорился? С нашим «неглупым» и «нестарым» султаном?

– О-о! О многом. Дело ведь в том, что сейчас у меня нет в подчинении команды корсаров. Или войска зуагиров. Или отряда кочевников-туарегов. Или вообще – хоть кого-то. Султан в таком же положении. Он сейчас практически лишился всего своего войска – как он рассказал, эта гнида, его вазир, фактически вынудил его послать на последнее задание все боеспособные части, по якобы просьбе делегации от очередной пострадавшей деревни. И их ждала якобы весьма быстрая и лёгкая победа.

Но всё это оказалось хитро подстроеной ловушкой.

Когда войско проходило по узкой лощине, на него напали – напали из засады, со всех сторон. Воины были не готовы, их застали врасплох. Ящеры убили всех. Это сильно пугает всех жителей. И столица, да и окрестности, буквально бурлит. Люди не знают: то ли срочно бежать, спасая свои шкуры, то ли – срочно менять султана. Чтоб уже новый – кого-то нанял. Ну, войско для защиты от... Сама знаешь. Проще говоря, бунт назрел. А точнее – его очень грамотно подготовили к созреванию.

– Но если, как ты сказал, султан отправил войско по предложению главного вазира...

– Это ничего не значит. Ты уже догадалась. С вазира взятки гладки. Фармон-то подписал – не он! И сейчас весь народ Порбессии обвиняет, пока между собой, но скоро начнёт и вслух, на всех базарах, площадях, и в домах, старого и глупого Мехмета Шестого в том, что он старый и глупый. И не может ни обеспечить охрану своего государства, ни даже войско кому-то на подмогу подготовленным послать. И что лучше бы, пока не поздно, сместить старика, да посадить на его трон того, кто молод, силён и умён. Хваток. Владеет всеми тонкостями управления страной. Кто доказал. И словом и делом. Что блюдёт интересы и народа и государства.

– Так получается, этот главный вазир намечает...

– Правильно. Дворцовый переворот. Якобы для удовлетворения чаяний народа.

Ненавижу такие дела. Политика, интриги – всё это не для

меня. Правители, Неграл раздери их разжиревшие задницы! – у Конана дёрнулась щека, и тон стал злым и хриплым, – Ладно бы, грызлись за власть, когда люди одеты и сыты, и в безопасности от внешнего врага, а тут!..

Тут, получается, проклятый монстр-маг создал невыносимую обстановку, провоцирующую попытку дворцового переворота. А хитро...опый вазир нагло плетёт интриги за его спиной, договорившись с первой женой султана, и, вероятно, пообещав той приличный (Если – не главный!) ломоть этого вожделённого пирога – Власти! Политика, будь она проклята!..

Сколько раз уж я зарекался – не лезть в такие дела! Но дело-то в том, что они вот как-то сами, ну почти как приключения и проблемы – сыплются на мою голову. Ну, или не голову. – Конан выразительно бросил взгляд на то место, которым сидел на седле.

– Плохо. – Резеда выразила озабоченность традиционно: покачав головкой, и похмурившись, – Но... Что мы теперь делать-то будем?! Да и куда мы сейчас едем?

– Едем мы, как ни странно, к единственной дороге, что соединяет столицу и ту деревню, куда ушло войско. В той же стороне, кстати, находится и логово нашего друга мага. Думаю, доберёмся до нужного нам – Ну, вернее, мне! – места за час, или чуть больше. Его Величество описал мне это место достаточно подробно.

– И что мы там будем делать?!

– Ждать. Ну, вернее, это я буду ждать. А ты – просто ляжешь спать.

– Вот ещё! Я должна сама всё увидеть! Тут какие-то странные дела происходят, все друг друга подсаживают, пытаются скинуть, обмануть, убить, а я буду спать?! Ну уж нет!

– Будешь, будешь, милая. – Конан посмотрел на неё вроде спокойным взглядом, но Резеде сразу расхотелось выдрючиться и качать права, – Дело в том, что ты должна выспаться. Чтоб потом, когда спать буду я, ты могла меня, да и себя, покарать. А доверять здесь, как ты правильно вычислила, можно только тому, в ком уверен.

То есть – ты мне. А я – тебе!

Резеда никак не могла уснуть, хотя ей, вроде, было и мягко и удобно на Конановском одеяле. Да и вид варвара, мирно сидевшего на траве, по-восточному скрестив ноги, с огромным туранским луком в руках, очень даже способствовал умиротворению и спокойствию за свои тылы – уж такой профессионал не пропустит ни подозрительной тени, ни шороха, ни даже писка полевой мыши! Стреноженный Красавчик мирно подрёмывал, оставленный на поляне в доброй сотне шагов от того места, которое киммериец выбрал для засады – вот уж кого страсти, бушующие сейчас в сердце Резеды, не волновали.

Половинка, оставшаяся от убывающей луны, серебрила деревья, листья и траву загадочным пепельно-алмазным от-

светом, но Резеде было не до красот. Вокруг чуть слышно шумел под редкими порывами ночного ветерка редкий пока ещё лес, сквозь который проходила дорога, и стрекотали извечные цикады и сверчки. Резеда порадовалась, что они пока не стали углубляться в самые недра Чернодольской чащобы – источника самых страшных, мрачных и зловещих сплетен и легенд, издревле рассказываемых непослушным детям жителями Порбессии. А сейчас вдруг оказавшегося лишь жалким прологом, как бы прихожей, расположенной перед источником уже подлинного ужаса – логова мага.

Однако постепенно сон-таки сморил задумавшуюся женщину – веки потяжелели и смежились, и треск сверчков словно начал отдаляться и затихать, став совершенно неслышимым. Резеда провалилась в странную бездну, наполненную мрачными шорохами и словно капелью – так могло бы капать с крон деревьев, если бы прошёл многоводный весенний ливень. И вот она уже словно двигается среди звенящей гулкими каплями гнетущей тишины, и недоумевает: ведь вокруг ничего нет, что же это капает?! И куда?!

Но вот впереди медленно посветлело, словно из-за горизонта всходило солнце, но проникнуть сквозь плотную завесу иссиня-чёрных туч никак не могло! Мрачный тёмно-серый цвет неба сказал бы Резеде, что она попала в не слишком приятное место, даже если б под ногами не было всё так же черным-черно, и не похрустывало при каждом шаге.

Переведя взгляд вниз, она вдруг обнаружила, что идёт

буквально по скелетам!

Полуистлевшим, лежащим в самых ужасных позах, словно перед смертью испытывали дикие муки. И облачённым в какие-то сгнившие тряпки и проржавевшие до дыр доспехи: кирасы, кольчуги... У некоторых из груди или спины торчали мечи или копья, некоторые тела были буквально истыканы стрелами – словно подушечки для булавок... На некоторых же трупах следов от орудий убийства почему-то не было видно. Ну, или Резеда просто не могла их найти по причине того, что сами тела давно сгнили.

Рты большинства черепов таких неповреждённых внешне скелетов оскалились, словно в предсмертных криках, и некоторые держали кости, имевшиеся теперь вместо рук, на своём горле: словно пытались помешать кому-то задушить себя! Или наоборот: как раз пытались вот именно – задушить сами себя... Подняв взгляд, и обведя им вокруг себя, Резеда обнаружила, что всё пространство впереди, по бокам, и сзади завалено такими же старыми останками. Поле битвы? Похоже.

Почему же до сих пор никто не предал земле, или не убрал отсюда всех этих убитых?!

Впрочем, откуда – «отсюда»?! Где это она?! Ведь она, вроде, только что была в лесу? И легла спать? Или...

Она вновь огляделась, теперь уже гораздо внимательней, и взобравшись на какой-то небольшой бугор. Ого! Сзади, там, откуда она пришла, вздымался какой-то грозный чёрно-се-

рый вал! И он неумолимо, с еле слышным вначале, но всё нараставшим, и вскоре уже больно бьющим по ушам чудовищным грохотом, надвигался на неё, становясь всё выше и черней! Это, это...

Не-ет, это – не волна наводнения! Потому что не бывает такой странной, пугающей своей грозной медлительностью и тягучестью, словно у сиропа, и окрашенной в невозможный цвет, воды! Потому что чем ближе вал становился, тем отчётливей было видно, что он – не чёрно-серый, а тёмно-бордовый! А там, где слой жидкости был потоньше и словно просвечивал – ярко-алый!

Кровь!!!

И сейчас вся эта многометровая толща крови обрушится прямо на её голову!

Она закричала, кинулась прочь: мозг понимал, что ей не уйти от грозно ревущего, и быстрого, словно табун диких лошадей, вала, но тело хотело жить! И оно влекло её вперёд: прочь от этой дикой и смертельной опасности, готовой опрокинуться на неё всей своей чудовищной массой!..

Но бежать не получалось: проклятые скелеты, словно понимая, что она пытается спастись, словно нарочно будто бы сами лезли ей под ноги, заставляя спотыкаться, и застревать, и мешали выдёргивать ступни из своих проломленных грудных клеток, или проржавевших кольчуг-панцирей...

Наконец, когда одну ногу совсем уж прочно прихватило, она посмотрела вниз попристальной, и словно ледяная рука

сдавила её крошечное сердечко: за лодыжку её держал труп! Он ехидно скалил безгубый рот в дьявольской ухмылке, и она вдруг кристально ясно поняла: это – наводнение для них, для трупов! И сейчас их полуразложившиеся тела вновь оденутся, облекутся живой плотью! И армия мертвецов воспрянет к какому-то мерзкому и богопротивному делу!.. Но...

– Тебе не спастись! – несмотря на то, что разобрать в нарастающем гуле и грохоте, что говорят шамкающие дёсны оказалось почти невозможно, она не столько услышала, сколько поняла по движениям челюстей, что говорит ей ухмыляющаяся полумумия, – Весь мир будет принадлежать нам! Присоединяйся добровольно, пока это возможно! Или твой прах будет развеян над нашими владениями!

– НЕТ!!! НИКОГДА!!! – она забилась, словно в истерике, и внезапно в голову её пришла отчаянная мысль! Второй ногой она со всех сил ударила руку трупа по запястью! Чудо сотворилось: сгнившая кость рассыпалась в труху, её нога освободилась!

Но уже лезли, напирая друг на друга, со всех сторон всё новые и новые скелеты, сжимая вокруг неё смертельное кольцо, кто – ползком, кто на коленях, а кто и хромя на обеих ногах!

– Смерть! Смерть! Смерть ей! Смерть непокорным! Убить её! – слышалось со всех сторон ропотом, словно от штормящего океана, и вот уже к ней тянутся мёртвые скрюченные пальцы...

Дико закричав, она вдруг словно взлетела, как птица, оставив поле, вал и скелеты там, внизу... Вселенная раскололась и снова соединилась.

Резеда открыла глаза.

И поняла, что это был просто кошмар. Впрочем – просто ли?!..

В такой момент *такое* просто так уж точно не приснится! Но...

Но не помешала ли она своим криком варвару – ведь он сидел в засаде, кого-то ожидая! А что, если она спугнула этого кого-то, или выдала их планы?!

Однако, привстав, она обнаружила, что кем бы ни был тот, кого ожидал Конан, спугнуть его не удастся. Правда, и рассказать он уже ничего не сможет.

Под деревом возле того места, где располагался киммериец, лежал труп мужчины. Сам варвар стоял над ним, покачивая головой.

– Прости! Я... громко кричала?

– Громко. Но это уже не имеет значения. Этот идиот умудрился сломать шею, падая с лошади. – Конан махнул рукой, и Резеда обнаружила шагах в ста настороженно ржущее мечущееся животное, которое явно не могло решить, что ему делать: то ли бежать со всех копыт прочь, то ли всё-таки вернуться к упавшему хозяину. Наконец, похоже, сыграли роль природные инстинкты, и ощущающее смерть создание умчалось назад по дороге, по которой явно и прибыл его хозяин.

– Прости, Конан, ещё раз. Мне... Приснился кошмар.

– Вот как? Хм-м... Это интересно. Особенно в такое время и в таком месте. А поскольку как источник информации этот бедолага нам уже не поможет, попробуем что-нибудь выудить из твоего... Подсознания. Ты и представить себе не можешь, как иногда бывают полезны...

Предчувствия!

Ну-ка, рассказывай!

Пока Резеда, вначале сбивчиво, а затем подробно и чётко, рассказывала, киммериец времени не терял: его ловкие и сильные пальцы тщательно проверяли всю одежду мужчины, и тело. Вот кое-что заинтересовало варвара в куртке умершего, и он, особо не церемонясь, вывернул труп из неё. Прощупал прокладку. Хмыкнул. Достал один из своих кинжалов, и принялся подпарывать.

Резеда было замолчала.

Конан буркнул:

– Продолжай. Ты мне не мешаешь. И я тебя слушаю очень внимательно.

Резеда поняла, что он и правда может и слушать её и заниматься своим делом. Но рассказ вскоре закончился, и Конан разложил и расправил в свете луны на своей могучей ляжке тот документ, что оказался зашит в подкладке куртки посыльного.

– Ну? Что там?

– Посмотри сама.

– Конан! Я не... – Резеда сконфужено потупилась.

– Не умеешь читать? Жаль. Я в начале своей карьеры, если можно так сказать, вольного стрелка, пирата, а затем и воина-наёмника, тоже не умел. Считал это излишней вознёй, опасной, чуть ли не колдовской, крамолой, и вообще – ниже достоинства нормального киммерийца. Но жизнь меня очень быстро переубедила. Потому что кто предупреждён – тот вооружён. И я научился. И языкам, и письму.

Впрочем, даже умей ты читать на десятке языков и говорить на трёх десятках, как я, тебе бы это послание немного дало. Оно зашифровано.

– Как это?!

– Ну – шифр. Что, никогда не сталкивалась? – Резеда недоумённо покачала головой, – Ну слышать-то хоть – слышала?

– Ну... Слышала. Такой специальный магический алфавит, читать на котором могут только посвящённые. Или маги.

– Хм-м... Интересная трактовка. Хотя, в-принципе, близко к действительности. Читать действительно могут только посвящённые. Или имеющие ключ. Ключа у нас нет, но попытаться разобраться можно. Потому что ничего «магического» в шифрах нет. Да и вычислить их, особенно, если они просты, и мы знаем, на каком языке это написано, а именно, на туранском, обычно достаточно просто. Ну, для стал-

кивавшегося и имеющего кое-какой опыт. – варвар скромно похлопал себя по могучей груди. Резеда фыркнула, дёрнув плечиком:

– Хвастун!

– Ничего подобного. Вот: смотри. Первая строчка – короткая. Последняя – тоже. А в середине – всего четыре строки. Будем рассуждать логически. – Резеда снова фыркнула, смерив огромную фигуру ироничным взором, но Конана было так просто не пронять, – Если принять за то, что в начале каждого письма обычно идёт обращение к адресату... Причём – почтительное, если это твой Хозяин... Или наниматель.

Давай предположим, что здесь написано: «Мой повелитель!» Для «господина», или «царя» букв-значков недостаточно. Тогда вот этот значок – «м». А этот – «о». Ну-ка... – Конан ладонью разровнял пыль прямо на дороге, к которой поднёс письмо, чтоб читать его в свете луны, и выписал палочкой первую закорючку, нарисовав напротив неё чёрточку, и ничего не говоривший Резеде знак: очевидно, понятной варвару буквы из алфавита на уже известном ему языке.

К первой строчке добавилась вторая, третья, и так далее – всего четырнадцать. Именно столько букв-закорючек, или иероглифов, оказалось в первой строке послания.

Конан удовлетворённо хмыкнул:

– Видишь, как хорошо получилось? Потому что если подставим эти загогулины и кренделя в последнюю строку, где

обычно бывает подпись отправителя, получим:

«В.. ве...й ... , .ет..и-.е.»

Что нетрудно дополнить нужными недостающими буквами. И прочтём:

«Ваш верный раб, Бетани-бек». Ну-ка, продолжим реконструкцию, – к четырнадцати строчкам добавились новые, – Ну вот. Если мы и с этими буквами не сможем расшифровать и прочесть то, что тут накорябано, не называй меня больше Конаном – а только тупорылым варваром!

– А хорошо, что ты умеешь читать!

– Да. А ещё лучше, что мы вчера поговорили по душам с Мехметом Шестым. Так вот, повторю: он – вовсе не марзматишный полуживой старикашка. Его ум так же ясен, как лунная ночь, а хитростью он вполне мог бы поспорить... Со мной! Может, поэтому мы и нашли столь быстро общий язык. И, может, именно поэтому я сразу понял, от кого и кому может быть это послание.

– То есть, ты хочешь сказать?!..

– Да, именно так. Я уже знал, кто мог написать это, и вот: всё блестяще подтвердилось. Именно поэтому я так быстро эти строчки и расшифровал – знал имя.

Продался ваш чёртов первый вазир с потрохами!

Похоже, проклятый монстр-маг кое-что посулил ему.

Например, место у новой кормушки.

Послание действительно прочли – ну, вернее, это Конан

его прочёл! – без проблем.

«Мой повелитель!

Вероятно, ваши дозорные и слуги уже доложили Вам, что над нашим планом нависла страшная угроза! Наёмник-варвар Конан-киммериец убил сорок три Преображённых, и принёс их отрезанные языки султану, чтоб, как я понял, заломить за свои услуги цену побольше. Он и правда представляет куда более серьёзную угрозу для Вас, чем любой другой смертный человек. Султан нанял его. И сейчас Конан, по сведениям моих шпионов, движется туда, где полегла наша доблестная армия. Прошу Ваше Величество оказать ему там достойный приём.

Ваш верный раб, Бетани-бек.»

– Сволочь продажная! – глаза Резеды буквально метали искры.

– Насчёт продажная – всё верно. А насчёт сволочи...

Скорее – крыса. Это же они первыми бегут с тонущего корабля. – Конан, не торопясь и очень аккуратно, сложил письмо, и спрятал в подобие кошелька на поясе, – Жаль, что этот хиляк, которого почтенный Бетани-бек отправил с письмом, умер. А то бы мы вытрясли из него, когда и как его хозяин узнал, что мы с султаном... Договорились. Впрочем, об этом и догадаться было нетрудно. Раз мы с его Величеством беседовали так долго, и расставались, пожимая руки и улыбаясь...

– А как получилось, что этот посланец сломал шею?

– Да не учёл я, что он такой старый и тощий – не иначе, как доверенный евнух. Со стажем. То есть – служивший ещё отцу, если не деду, нашего дорогого Бетани-бека. Словом, человек, которому его господин может *полностью* доверять. А я выстрелил в него стрелой с камнем-глушилкой на конце, – Конан показал стрелу, смертоносная сталь наконечника которой была заменена тупым и плоским на конце грушеподобным грузилом, – Его буквально выбило из седла, и он неудачно упал: прямо головой вниз. Обычно такого не бывает.

Резеда предпочла промолчать, и не выяснять, с кем и когда Конан «такое» проверял. А именно – как «обычно» должна действовать такая стрела «с камнем-глушилкой».

Конан между тем подошёл к одеялу, и принялся спокойно сворачивать его:

– Ладно. Поспать сегодня, похоже, всё равно не удастся. Собирайся и едем.

Ехать по тёмной лесной дороге, скорее, тропе, всё время петляющей, и ведущей в самую глубину того места, которое народная молва наградила всеми самыми мерзкими признаками, и населила самыми ужасными чудовищами, Резеде не нравилось. Это если сказать мягко. А если так, как положено – то её била мелкая дрожь от со всех сторон нависающего мрака, и гнетущего чувства ужаса, и ей казалось, что за каждым старым и скрюченным стволом их поджидают убийцы,

а в зарослях кустов и подлеска засели и готовятся к прыжку кровожадные, зубастые и когтистые, порождения кошмаров... А сверху, на ветвях, притаились, и только и ждут приказа наброситься, какие-нибудь гигантские нетопыри. Или гарпии.

Конан предпочитал помалкивать. И о том, что он не дремлет, расслабившись в седле, женщине говорило только мерное дыхание его могучей груди, на которую она опиралась, вжимаясь в неё невольно всё плотней своей худенькой спиной, да то, что она чувствовала, как напрягаются его стальные мышцы, когда он вертит головой.

– Ну хватит. Перестань трястись, словно у тебя лихорадка. – Конан говорил негромко и в тоне слышалось сочувствие и ирония, – Поверь мне: кошмар и тёмная дорога – не причины для страха.

– Да?! – понимая, что шуметь не время, она старалась говорить шёпотом, но получалось, скорее, похоже на шипение рассерженной змеи, – Тебе легко говорить! Ты-то прошёл. Как говорится, огонь, воду и медные трубы. А я... Я – простая дочь горшечника, и отродясь дальше соседнего селения... Ну, и один раз – Столицы, не ездила! И страшней этих монстров-ящериц никого не видала!

– Вот и хорошо. Потому что лучше и правда – никогда не встречаться, и не видеть всех тех магов, уродов и чудовищ, что приходилось встречать мне. И убивать. С другой стороны, если б я боялся их до дрожи, – Конан снова хмыкнул, –

давно бы уже отправился в чертоги отца моего небесного – Крома. Но!

Если б не боялся совсем – отправился бы туда ещё раньше!

– Как это?! – Резеда даже оглянулась через плечо, – Ты – боишься?!

– Разумеется. Впрочем, нет: боюсь – это неправильное слово. Я опасаюсь. И – всегда настороже. Но я знаю, что попадают среди воинов и наёмников, даже профессиональных, идиоты, которые, чтоб заглушить вполне естественное чувство страха перед врагом, магом, или чудовищем, глушат свой мозг вином, или снадобьями какими – чтоб почувствовать себя сильным, смелым, и могучим. Чтоб море, как говорится, было по колено.

Вот такие-то и гибнут обычно в первую очередь. Потому что все эти средства, оно и верно, страх снимают. Но! (Видишь – везде есть эти самые «но!») Одновременно и туманят, оглушают разум. И замедляют реакцию.

А плохо соображающий и медленно движущийся воин – мёртвый воин!

– Хм. Наверное, ты прав.

– *Разумеется*, я прав. Я потому и жив до сих пор, что долго и тщательно изучал и осмысливал опыт. Свой и чужой. И от фактов не отмахивался, а мотал на ус.

– А почему тогда мы смело, зная, что факты говорят о том, что впереди – логово мага, без всякой разведки и осторож-

ного бесшумного подхода, прём вперёд, словно дуболомы, не стесняясь того, что копыта Красавчика топают, словно тут проходит целый отряд солдат?!

– А потому, что раз хозяин Бетани-бека не получил его послания, и, соответственно, не подготовил нам «достойной встречи», нам пока нечего опасаться. Ну, вернее, почти нечего. Разве что постов, выставленных тут на всякий случай. Впрочем, к счастью для нас этот лес имеет у местного населения столь дурную славу, что думаю, чёrtов монстр-маг не станет утруждаться даже этим. Посчитав, как и я сам вначале, что уж ночью-то мы – ну, вернее – я! – будем отсыпаться. Потому что в темноте плохо видно всё окружающее даже кошкам.

– Ну а тебе?

– Что – мне?

– Видно – как? – в тоне Резеде чувствовалось неистребимое, чисто женское, любопытство.

– Мне видно нормально. Я же – не кошка!

Подумав, что Конан-таки не ответил прямо на её вопрос, и что на самом деле это может означать как то, что варвар видит лучше, так и то, что – хуже, Резеда на секунду прикусила язычок. Но не удержалась:

– Ты знаешь об этом маге больше, чем хочешь показать! Ты... С ним уже встречался? А когда? И как?

Конан усмехнулся:

– Ох уж эти женщины! Никогда-то они не дадут ответить.

Если б подождала, не пришлось бы задавать второй и третий вопросы. Так вот: не встречался.

– Но... Что же тогда получается – мы лезем в самое логово врага, без разведки, без подготовки, вдвоём (Ну, троём, если считать твоего коня! Который из нас сейчас, как мне кажется, самый умный!) И собираемся убить все восемьсот или сколько их там осталось, тварей, что маг успел себе наколдовать?!

– Во-первых – уже не восемьсот. Потому что во время битвы с доблестным войском Мехмета Шестого часть тварей непременно должна была быть убита. Причём – так, чтоб уже не воскреснуть. Поскольку Мехмет Шестой, а, значит, и его воины, знали про необходимость добивать тварей, отсекая головы. Во-вторых – не наколдовать.

Маг, насколько я знаю, не колдует. Он пользуется неким зельем. И зельем этим, по моим сведениям, он очень дорожит. Из чего я делаю вывод, что он или не умеет, или больше не может изготовить себе ещё такого зелья. И это зелье – действительно! – волшебное.

Именно оно, само, без заклинаний и ритуалов, и прочей столь обычной для всей этой магической братии колдунов, тряхомудии, превращает людей – в тварей-ящеров. Так что думаю, если разбить, сжечь, или ещё каким-нибудь способом уничтожить сосуд с этим чёртовым зельем, никого больше наш маг в ящериц не превратит.

Ну и в-третьих – мы «лезем» вовсе не без разведки. Раз-

ведку уже провели. До нас, и за нас. Правда, вот сказать, кто и когда, я не имею права – я обещал.

– Ух ты!.. Значит, был некто, кто уже всё про этого мага выяснил, и при этом остался жив! И рассказал тебе! – это был не вопрос, а утверждение.

Конан фыркнул:

– Снова – поспешный вывод. И ещё более поспешное заявление.

– А тогда – как?! Откуда ты узнал?!..

– Хватит. Чш-ш, говорю. – Конан чуть сжал локтями разошедшуюся настолько, что она уже и забыла, что должна бояться, Резеду, – Тише! Мы уже должны подъезжать. Не думаю, что тут остались живые, или стоят сторожа-дозорные, но мало ли... Так что старайся говорить поменьше. А лучше – просто молчать.

Негоже тревожить покой павших.

Конан оказался прав: на небольшой вытянутой прогалине-поляне лежали павшие.

Картина до дрожи напоминала ту, что Резеда всего каких-то пару часов назад видела во сне! Только тут море трупов не простиралось до горизонта, а занимало как бы пространство, где не было деревьев, по середине которого и проходила дорога.

Но уж на её бугристом и покрытом травой пространстве тела лежали везде.

Разумеется, больше всего было мертвецов в кольчугах и панцирях в форме солдат войска Мехмета Шестого. Но попадались и трупы лошадей, и даже растерзанные и обезглавленные тела тварей-ящериц. Конан стал оглядываться ещё внимательней, и даже привставать на стременах. Резеда старалась дышать поменьше, и даже зажимала ноздри пальчиками: воняло омерзительно! Конан никак не показывал, что запах чует. Резеда притихла, и втянула голову в плечи: ей казалось, что так она словно бы станет меньше и незаметней для поджидающих там, в дальнем конце прогалины, за завалом из стволов, врагов.

Но когда Красавчик довёз их до этого самого дальнего конца, оказалось, что никто их не ждёт, и не прячется ни в кустах подлеска, ни за брёвнами. Конан буркнул:

– Надо же. Этот, не то маг, не то – монстр, или очень глуп и самоуверен, или...

– Ну, договаривай – что – «или»?!

– Неважно. – Конан не стал объяснять, но Резеда и сама догадалась, что он имеет в виду: маг, похоже, что-то коварное задумал, и просто заманивает их, играя, словно кошка с мышкой! – Ну-ка, слезай.

Опущенная наземь могучей рукой, женщина, нервно и опасно оглядываясь, крепко прижалась спиной к мощному брюху коня у седла, словно оно, это брюхо – неколебимый утёс в штормящем океане, и её последняя надежда! Однако киммериец, спустившийся с другой стороны, уже привязы-

вал повод к какому-то сучку. Но вот он и обошёл Красавчика, и на долю секунды прижал Резеду к своей широкой груди – теперь уже приобняв как положено – за спину и талию. Затем мягко и осторожно поднял её головку к своему лицу огромной ладонью, в которой это лицо свободно уместилось бы:

– Послушай меня. Я понимаю, то, что нам придётся сделать – противно и страшно. Но – надо! Выяснить. Поэтому смотри: слева от дороги – твоя зона. Справа и на самой дороге – моя. Иди, и тщательно пересчитывай всех убитых тварей! *Только* тварей.

Резеда кивнула, но обнаружила, что прошедшая, вроде, дрожь, снова вернулась. Конан вздохнул:

– Бойся. Но – умеренно. Если б здесь остался кто-то опасный, почуял бы Красавчик. (Он в этом плане незаменим!) Или заметил я. Здесь лишь мёртвые. Потому что раненных, тех, кого ещё можно как-то вернуть в строй, маг наверняка забрал. На «лечение». Он, как я понял, вроде меня – рационалист.

Но всё равно – вокруг посматривай, конечно. Главное – считай.

Ты считать-то умеешь?

Возмущённая, Резеда вскинулась было, но быстро поняла: киммериец хочет просто отвлечь её от страхов и мрачных мыслей, пусть даже и вызвав гнев! Она проворчала:

– Да. До пяти.

Конановская рука двинулась было к затылку, а рот раскрылся. Но Резеда не выдержала и сама:

– Шутка. Прости – наверное, неудачная.

– Да нет. В самую точку. Подловила-таки меня, юмористка этакая... И момент-то подобрала! Молодец. Будем считать – один-один.

Ну, двинули.

Идти по не слишком ровному пространству прогалины было нетрудно. Вернее – было бы, если б буквально на каждом шагу не лежали тела, издающие омерзительное зловоение. Похоже, дневное солнце не пощадило их, и многие трупы уже осели, словно бы расплылись, по земле. Резеду теперь ещё и подташнивало. (Вот повезло, получается, что не поужинали!) Хорошо было и то, что она была в сапогах на толстой подошве, иначе ноги до колен оказались бы покрыты коркой из полузастывшей, и иногда мерзко хлюпавшей под ногами, грязи, замешанной на крови... Жуть!

Но считать она не забывала. Конан тоже считал, ещё и перетаскивая трупы, что занимали центр так называемой «дороги», на обочину. Не забывал он и перемещаться к стволам, окружавшим прогалину, и смотреть и за ними, и Резеда видела, что взгляд его и цепок и сосредоточен.

Через минут пять они с варваром встретились в дальнем конце прогалины. Резеда закусывала губы, и вздыхала, но сдерживала слёзы и рвущиеся с уст слова. Конан сказал:

– Несчастных подловили здесь. Видишь: вон те брёвна, там, впереди? Их сбросили поперёк дороги как раз перед первым рядом войска. А после этого им уже бежать было некуда: везде подготовленные завалы и густой подлесок. Бедолагам оставалось или бежать назад... (Но похоже, и пути назад уже перекрыли!) Или сражаться до последнего!

А твари прыгали на них с деревьев и лезли из приготовленных ям-окопов. Ничего не скажешь: очень грамотно. Тут явно поработал неплохой организатор. Опытный командир. Словом – профессионал.

Киммериец вздохнул. После чего добавил уже совсем другим тоном:

– Ладно. Упокой Мирта Пресветлый их души. Сколько насчитала?

– Восемьдесят шесть... С половиной.

– Это как?

– Ну... Один монстр был с отрезанной передней частью – на месте остались только хвост и ноги. Вернее – лапы. Задние. Словом, я не уверена, что передняя половинка, ну, которая с головой, куда-то в кусты не заползла, затаившись... Я её не нашла.

– Понятно. Да, зная живучесть чёртовых ящериц, думаю, эта тварь могла и выжить. Да и ладно. Одним больше, одним – меньше, не столь существенно. Я насчитал сто восемнадцать. С твоими – за двести. Это получается, что раз войско султана насчитывало пятьсот человек, (Собственно, ар-

мия совсем крошечная, как раз – только для такого маленького государства, как ваша Порбессия!) чтоб гарантированно убить шестьсот оставшихся в живых тварей, людей должно быть хотя бы втрое больше.

– Конан! Но это же получается – тысячи две?!

– Если прикинуть, что у мага осталось примерно шестьсот монстров, то – да.

– И... Где же мы их возьмём?!

– Здесь. Я же у тебя – один стою целой армии.

Резеда невесело хмыкнула:

– Вот в чём в чём, а в скромности тебя упрекнуть трудно.

– Да уж. Чего нет, того нет. Да и зачем? Мешает торговаться! Шестьсот, так шестьсот. Правда, если доберёмся до них сейчас, ночью, они будут полусонные, как бы заторможенные. Да и застанем мы их врасплох.

– Всё равно – их слишком много.

– Согласен. Так что придётся что-нибудь придумать. Ладно, идём. Сейчас нам нужно для начала преодолеть завал. Или обойти его.

Завал пришлось действительно обойти.

Для этого Конан с правой стороны от завала из пяти могучих брёвен даже срубил мечом несколько тонких деревьев, и избавил от подлеска и зарослей какого-то колючего растения в человеческий рост, и расчистил – не тропинку, а скорее – дорожку. По которой спокойно могла бы проехать и теле-

га,. При этом варвар, потирая локоть, ещё и ворчал: «Чёрт бы подрал эту ежевику!». Резеда кусты в темноте не узнала бы даже за все сокровища мира, но киммериец по каким-то неведомым ей признакам выяснил, кто им мешает проехать.

– Смотрю, у тебя не только дефицит скромности, но ещё и мания величия. Зачем такая широкая просека? Мы что – будем ехать по трое в ряд?

– Нет. Мы спокойно и бесшумно пройдем. А затем и поедем.

Вскоре удалось вывести Красавчика снова на утоптанную тропу-дорогу, и они смогли опять забраться в седло. Резеда вздохнула:

– Хвала Мирте Пресветлому, ехать гораздо приятней, чем ходить. Особенно там.

– Согласен и с этим. – по Конановскому тону как всегда невозможно было понять, говорит ли он серьёзно, или опять иронизирует. Резеда спросила:

– Конан. Как ты думаешь: почему никто не убрал эти трупы? Ведь они... Ну вот неправильно это: убитых людей *вот так* оставлять нельзя! Нужно и по человеческим, и по Божеским законам – похоронить их. Предать тела земле!

– Оно, конечно, верно. Предать земле надо. И по Божеским, и по – вот именно! – человеческим. Боюсь только, что наш маг-монстр – не Бог. И не человек.

– Не человек?

– Ну, возможно, когда-то он и был человеком... Думаю,

что – или его кто-то заставил, или он сам принял такое решение, и однажды испробовал действие того самого зелья на себе. И вот что мне представляется главным: противоядия маг явно не нашёл. Или кто-то это противоядие намеренно уничтожил. Потому что я думаю, что никто добровольно не согласился бы жить в *таком* теле. Хотя бы из-за пальцев. Они же – наши самые точные и тонкие инструменты!

Так что вряд ли он ящер – добровольно. И злится теперь. Особенно, если привык к нормальному, человеческому, облику. Вот поэтому он и ведёт себя сейчас, словно монстр. И пытается и всех остальных мужчин превратить. В таких же тварей, как сам.

– Хм-м... Звучит правдоподобно. Но и – дико. А почему, как ты думаешь, он не превращает тогда в тварей женщин и детей? Ведь тогда эти ящеры могли бы... Плодиться? И очень быстро заселили бы всю землю?

– Да, верно. Заселили бы. Но, похоже, это пока не входит в основные задачи нашего друга.

– А что тогда – входит?

– Захват территории для личного Королевства. Он хочет, похоже, прочно обосноваться на землях вашей Порбессии, и близлежащих. А заодно окружить своё логово как бы буферной зоной. То есть – такой полосой земли, где никто бы ни жил, и его, соответственно, не беспокоил. А что ему для этого нужно в первую очередь? – Резеда открыла было рот, но Конан закончил мысль и сам:

– Вот именно. Армия. Для начала – хотя бы просто более сильная, чем у султана. Поэтому – только мужчины. И желательно – молодые и здоровые. Навыки владения оружием не имеют значения: держать в таких лапах с когтями мечи, луки, или даже копья – нереально. Значит, вот именно они-то и остаются в качестве основного, так сказать, встроенного, оружия: когти и зубы. Ну, а насколько они эффективны, ты уже видела.

– Ты что имеешь в виду? То, как они разделались с жителями моей деревни, или то, как уже *ты* разделался с сорока тварями?

– Собственно, и то, и то. Против неподготовленного и невооружённого контингента ящеры очень даже ничего себе. Поскольку подавляют возможность к адекватному сопротивлению хотя бы ужасным внешним обликом: на некоторых *особо* впечатлительных людей, не-воинов, – тут Конан снова глянул на Резеду, – такое зрелище действует буквально парализующее. Заставляя вот именно – застыть в страхе, думая, что сопротивление магии – бесполезно и бессмысленно.

А вот против сильного и хорошо вооружённого, и – главное! – быстрого! – воина когтистые и зубастые вояки не годятся. Меч и сабля разят с пяти-шести футов – это с учётом длины руки. А зубы и когти – лишь при непосредственном близком контакте. Да и куда медлительней эти монстры. Потому что кровь у ящеров... Холодная. И даже в жаркий солнечный день крупные вараны или ящерицы должны внача-

ле полежать на солнце, и прогреться, чтобы начать нормально двигаться. И всё равно их движения будут медленней по сравнению с нашими. Так что тянущуюся к тебе лапу или морду всегда можно успеть отрубить раньше, чем она дотянется... – Конан кинул короткий взгляд на Резеду, – Я для чего тебе об этом уже второй раз напоминаю – вдруг пригодится!

– Хочется всё же надеяться, что не пригодится... – Резеда поёжилась, – Но почему же он, этот маг-ящер, не превращает людей в... Кого-нибудь другого?

– Это просто. Думаю, у него фактически просто нет выбора. Если то, что я знаю про склянку с зельем – правда, то превращать в своих рабов он может лишь *вот так*. Зельем. Из людей – в ящеров. Таких, как и он сам.

И, думаю, что именно поэтому он и может ими командовать. Они ведь – в его полном подчинении. Мне кажется, здесь всё дело в каком-то особенном гипнозе. Он загипнотизировал их. Поскольку сам уже давно в таком облике, и знает, как это сделать.

– А что такое... гипноз?

– Хм. Трудно объяснить никогда не сталкивавшемуся лично. Собственно, я и сам лично не... Зато видел. В Вендии. Как какой-то тощий и почти чёрный от загара бродячий не то факир, не то – дервиш, пария, по их кастовому подразделению, запросто загипнотизировал одного торговца. Да так, что тот *сам* отдал ему целую золотую рупию, и пошёл

прочь, ещё и благословляя... – Конан снова глянул на Резеду, и пояснил, поняв, что женщина не очень понимает и верит, – Чтоб тебе было понятней – из местных торгашей и богатеев не то что рупию, а и медный обол не вытрясешь, и не вымолишь, даже поминая всех местных Богов, и посыпая голову пылью, и пролив ведро слёз. А уж чтоб подать *парии*...

– А, может, этот дервиш, или там факир, и сам был... Колдуном? Или магом?

– Магического в этом старичке было не больше, чем в твоей заколке с ядом. Просто... Я видел и слышал, *как* он говорил с торговцем. Тот как бы застыл, словно в трансе, и полностью утратил свою волю. А потом – и память. Дервиш приказал ему обо всём забыть! И ведь так и получилось! Я специально прошёл за этим торговцем – мне было интересно. И точно: едва выйдя с базара, он остановился, и встряхнулся – словно проснулся. Стал думать, хмурить брови, чесать затылок. Но на базар не вернулся – пошёл себе дальше, как будто так и надо. Забыл, стало быть. Про рупию.

– И ты думаешь...

– Да. Магия – это магия, но простое внушение, гипноз – это просто... гипноз.

– Конан. Ты так уверенно об этом говоришь... А сам даже никогда этого мага-монстра и не видел!

– Не видел. Но я привык, – Конан постучал по виску пальцем. – пользоваться тем, что находится тут, внутри. Полезно бывает, знаешь. Позволяет избежать, или свести к миниму-

му, массу проблем! То есть, я стараюсь складывать два и два, прикидывать, что да как, и проверять, а иногда и перепроверять. А не кидаться сразу в драку.

– Да-а?! А почему же тогда – спрошу уже в третий раз! – мы так храбро и нагло лезем прямо в самое логово?!

– Да хотя бы потому, что, как я тебе уже только что объяснил, (Или ты, как это обычно и делают все женщины, просто не слушала, и не слышала? А думала в этот момент о чём-то «очень важном» своём? Ничего: я напомним, тоже – в третий раз!) ночью кровь у тварей – холодная, застывшая. И поэтому движутся они куда медленней. Легче будет справиться со стражей этого самого логова, если она там выставлена. А теперь – потише. Закончим этот интересный разговор. Пора переходить к *делу*.

По моим расчётам мы должны уже подъезжать – я что-то слышу.

Резеда только хмыкнула. Но замолчала.

Правда, оказалось, что это ещё не логово. Непонятные и странные звуки, которые чуткое ухо Конана уловило с нескольких сотен шагов, гораздо раньше, чем их различила Резеда, производило не менее странное тело, ползущее, или, точнее, пытающееся ползти по дороге.

Конан некоторое время прислушивался, а затем, покачивая головой, снова двинул коня вперёд. И он, и Резеда уже догадались, кто мог бы производить такие звуки.

Подъехав на несколько шагов, они убедились, что были

правы: пошкрёбывание по земле и пыли дороги производили передние лапы тела-обрубка, а постанывания – приоткрытая пасть, из которой почти до земли вывалился пыльный серый язык. Недобитый ящер старался изо всех сил, но больше чем на пару дюймов за один рывок продвинуться не мог. При каждом таком движении из глотки твари доносилось конвульсивное: «Охх!»

Конан спешил. Подошёл. На действиях ящера это никак не отразилось: с упорством механизма он продолжал попытки продвинуться вперёд, к своей цели. Киммериец вытянул руку, и схватил тело за складки кожи на загривке. Пошкрёбывание прекратилось. Варвар развернул ящера мордой к себе, стараясь, чтоб когти лап оказались подальше от его рук и туловища.

– Ты понимаешь, что я говорю? – Резеда услышала, как Конан по крайней мере на десяти языках задал этот вопрос. Ящер упорно отмалчивался, не оставляя попыток оцарапать или цапнуть киммерийца. Наконец Конан сдался:

– Ладно. Раз в качестве источника информации ты бесполезен, я отрежу тебе голову. Всё одним врагом меньше. Помолись, если ещё умеешь. И попрощайся с жизнью.

Пленник вдруг затих.

Крокодилья пасть закрылась и снова раскрылась, и зазвучал хриплый и еле понятный голос, поскольку дикция была отвратительной, и горло ящера явно пересохло, и не было приспособлено под человеческую речь:

– Не убивать. Твоя моя не убивать.

– Тогда твоя – говорить.

– Нет. Моя не говорить. Хозяин запрещать моя говорить.

– Твоя видать этот меч? Так вот: это – *он* твоя новый Хозяин. Твоя жизнь – принадлежать ему. Если твоя не говорить, моя меч отрубать твоя голова. Твоя понимать?

После весьма продолжительной паузы, когда Резеда уж было подумала, что Конан только зря «тратить» время, пасть изрекла:

– Моя понимать. Моя сказать, что твой меч хотеть. Тогда моя – жить. Договор?

– Договор. – варвар сплюнул, – Тогда твоя моя не кусать и не царапать, и моя отпускать твоя на земля. Согласен?

– Согласен.

Варвар поставил монстра перед собой, но на всякий случай отодвинулся от него на два шага. Затем подумал, и протянул руку к фляге на поясе.

– Твоя открывать рот.

Ящер так и сделал. Конан налил в пересохший рот жидкости, подождал, пока пойманный глотнёт. Налил и второй раз. И третий. Ящер блаженно закатил глаза.

Киммериец убрал флягу. Спросил:

– Давно ползёшь? Домой?

– Два ночь. И один день. Да, домой.

– Так кому ты подчиняешься?

– Хозяин.

– Сколько ещё таких как ты осталось у Хозяина?

– Моя не знать. Не уметь считать.

Конан почесал в затылке. Спросил:

– Почему вы убиваете всех, кроме мужчин?

– Моя не знать. Моя выполнять приказ Хозяин.

– А почему ты вообще выполнять приказ Хозяин?

– Моя не знать. Не спрашивать. Моя только выполнять.

Выполнять – хорошо, еда. Жизнь. Не выполнять – Хозяин наказать. Больно. Или просто убить.

– Как Хозяин тебя наказать?

– Меня – не наказать. Я послушно. Я выполнять. Два слуга Хозяин – не выполнять. Хозяин приказать один слуга убивать. Медленно. Тот кричать, потом умирать. Другой слуга – отрубать нога, рука... Слуга кричать, плакать. Больно. Моя видеть. Моя понимать.

– Но рука и нога – снова вырастать?

– Да. Вырастать. Это тоже больно. И надо много еда. Без еда – быстро не вырастать.

– Что вы – есть? Где Хозяин брать еда?

– Еда – мясо. Хозяин брать плен, приказать убивать и держать кладовая – женщина, ребёнок. Хороший, мягкий мясо. Мы их есть, когда надо.

Конан чертыхнулся. У Резеды сдавило грудь острой болью и отчаянием:

– Так вот что мы для них! Еда!..

– Похоже. Но... Расходуя людские ресурсы так быстро,

этот идиот «Хозяин» рискует обречь своих слуг на голод! Эй, как тебя зовут?

– Моя зовут Саллах, большая человек с меч.

– Скажи, Саллах, что-нибудь ещё вы есть, кроме мяса?

– Да. Мы есть всё, что расти. Трава, фрукты, овощи. Мы есть всё, что ходить и ползать: змея, корова, баран, курица... Мы есть всё!

– А зачем вам тогда мясо?

– Мясо нужно тогда, когда кто-то Саллах, или другой раб, отрубать рука, нога, хвост. Тогда быстро вырастать новая нога, рука, хвост. Не есть мясо – они вырастать медленно.

– Ага, вот оно как... – Конан повернулся к Резеде, – Тогда беру свои слова назад. Весьма экономично, надо признать. Всеядная армия, которая после каждой битвы может легко восстановиться, просто съев поверженных воинов. – киммериец снова взглянул на ящера, – Саллах, а своих – ну, то есть других слуг! – вы тоже есть?

– Да. Когда нет другой мясо. Невкусно, и жёстко, но мы есть.

– Теперь понятно, почему они забрали тела тех ящеров, которых я прошлой ночью... Ладно. Ещё вопрос: Ты раньше быть человек?

– Моя не помнить. Моя помнить – моя сразу быть слуга Хозяин!

– Понятно. – Конан обернулся к Резеде, – Видишь? Я оказался прав. Он их гипнотизирует. Блокируя воспомина-

ния о том, кем они были раньше. И оставляя минимум знаний. Только о том, как ходить – ну, вернее, ползать! – и есть, и сражаться. И наверняка прочно вбил им в головы, что их единственная цель в жизни – выполнять его приказы. Но внушение, гипноз, можно отменить. Или перебить более сильным приказом. Попробовать стоит – чего нам терять-то!

Эй, Саллах! Я, хозяин вот этого меча, твой новый Хозяин, приказываю тебе!

Вспомни, каким ты был до того, как стал ящером! Здесь и сейчас вспомни! Иначе мой меч отнять твоя жизнь!

Монстр заворчал, голова закрутилась, словно ему было очень больно. Пасть поразевалась, и захлопнулась, затем голова просто упала в пыль, к ногам Конана. Варвар было подумал, что ящер умер. Но тот снова зашевелился. Голос, донёсшийся до Конана и Резеды, уже не был хриплым или рыкающим. Так мог бы говорить... человек!

– Нет! Я не верю, что это было! Что это было со мной... Я... вспомнил. Когда ты приказал, я... Я, я...

Я – раньше тоже был человеком! Да! Я раньше жил в деревне, у реки... Я... У меня были жена, сын, дочь... О, Мирта Пресветлый! Как я здесь оказаться?! – ящер с ужасом стал рассматривать свои лапы, и ощупывать ими своё тело и морду. В глазах сверкало неподдельное отчаяние, и слёзы. Конан вздохнул:

– Как ты оказался в этом теле, ты должен знать лучше меня. Твой бывший Хозяин, ящер-маг, дал тебе несколько ка-

пель какого-то зелья. И ты преобразился.

Некоторое время стояла буквально мёртвая тишина: ящер, уставившись в пыль прямо у своей морды, явно пытался что-то не то вспомнить, не то – сообразить.

Затем из глаз снова потекли слёзы. Они же звучали в утробном голосе, сказавшем:

– Ты прав, незнакомец. Так всё и было. Я... Я всё вспомнил. И сейчас, без гнёта сознания Хозяина, я ощущаю себя трусом. Идиотом. Как я мог позволить?!.. Лучше бы я умер!

– Погоди-ка, Саллах. Что ты имел в виду, говоря, что теперь ты – «без гнёта сознания Хозяина»?

– А то и имел. Хозяин... Его мысли я слышал и чувствовал. Всегда. Постоянно.

Верно: когда меня привели к нему в пещеру, я ещё был человеком. Но потом... Как же это случилось... Вот, вспомнил: Его голос, а затем и его мысли, его сознание словно вторглось в мой мозг! Оно грохотало, подобно водопаду, забывая и заглушая того, прежнего, меня, и скоро я себя слышать вообще перестал, и слышал только Хозяина! И я перестал и ощущать себя – как человека. А лишь как слугу! Покорного и принадлежащего лишь Хозяину. Уже не было того, прежнего, меня! А был только раб, чувствующий... Нет, не так: *слышащий*, что Хозяин хочет и приказывает!

– А как? Как ты слышал его приказы?

– Я... Слышал их *здесь*! – Саллах показал одним из когтей себе на череп. – Он говорил со мной. Наверное, он и с

остальными слугами-рабами так говорит. Потому что голос его я слышал только вначале, когда он приказал мне встать на колени, и... И слушать внимательно то, что он мне будет говорить. И после этого я что-то выпил... Ты прав – какого-то зелья из стеклянной бутылки. Всего две капли. Он приказал проглотить их... Но...

Но этого, этих двух капелек, хватило, чтоб моё тело изменилось до неузнаваемости! – Саллах снова посмотрел на свои лапы, и снова потрогал одной из них свою ящеровидную морду, – Нет! Это не я! Проклятье на его голову! Что же мне теперь делать?!

– Не знаю. Но... Ты ничего не слышал о противоядии? Или, может, кого-нибудь маг превращал при тебе обратно – из ящера в человека?

– Нет. Не слышал. И не видел. Точно – нет. *Такое* я бы запомнил даже будучи монстром. Крокодилоподобным уродом. Рабом... Так что же мне теперь делать, незнакомец? Как жить? И...

Кто ты?

– Как тебе жить, Саллах, я не знаю. Нет, я правда – не знаю. Потому что если нет противоядия, остаётся надеяться только на то, что если убить твоего Хозяина, его чёрное колдовство исчезнет, и ты превратишься обратно в человека.

А меня зовут Конан-киммериец.

– Конан-киммериец. Надо же. Всегда мечтал посмотреть на тебя. У нас в Порбессии о тебе ходят легенды. Что ты ни-

кого не боишься: ни монстров, ни людей, ни колдунов. Чем я могу помочь тебе, Конан? Ты ведь идёшь в логово мага, чтоб убить его?

– Да. Потому что обычно это – единственно надёжный способ спасти тех, кого такая сволочь захватила в плен. Или сделала слугой. Рабом. А помочь ты мне можешь...

Информацией.

Сможешь сейчас рассказать всё, что помнишь о маге, его привычках, его распорядке дня, и о том, как устроена пещера логова?

Почти полчаса Саллах добросовестно рассказывал всё, что мог вспомнить.

При этом он, конечно, сбивался и часто повторялся – сознание, по его словам, всё ещё мутилось. Но выяснить Конану удалось, как поняла Резеда, всё, что он хотел: про расположение казарм, огромных залов для получения приказов, холодных пещер, где хранились трупы, личные покои самого колдуна, кухня, склады с оружием, кладовки с зерном, овощами, и другой пищей...

В конце Саллах спросил:

– Конан. Скажи мне честно. Как ты сам-то считаешь: есть у меня шанс?

– Смотря на что ты надеешься, Саллах.

– Я... Хотел бы надеяться вернуться снова в своё, человеческое, тело.

– Насчёт этого должен тебя огорчить, Саллах. Я считаю, что вернуть прежнее тело ни тебе, ни кому-либо ещё из слуг, обращённых в ящеров, не удастся. А вот сохранить жизнь...

Это возможно. Но...

– Но я останусь как сейчас – без ног?

– Да. – Конан говорил коротко и безжалостно. – У тебя перерублено туловище. Оно – не нога или рука. Нет части позвоночника. Скорее всего ничего не восстановится.

– И... Кому я такой калека буду нужен?

– Это не тот вопрос. Вопрос в том, что даже такая жизнь, жизнь инвалида – в сто тысяч раз лучше, чем жизнь на всём готовом, без забот и душераздирающих терзаний и рассуждений, с мгновенно восстанавливающимися конечностями, но – в рабстве!

– Хм-м... Тут ты, пожалуй, прав. Но...

Но если я останусь в виде ящера – меня же могут просто... Убить? Люди.

– Возможно и это. Но пока не попробуешь – не узнаешь. Так ведь?

– Так.

– А кроме того, теперь, когда ты всё вспомнил, ты же – человек! Пусть и в странном обличьи, но – человек. Помнящий. И понимающий. А не управляемый чужой злой волей и сознанием, – Конан постучал себе по виску пальцем, – раб или слуга.

– Точно! Точно.

– Ну что? Попробуешь выжить?

– Попробую, Конан... Ведь если что – прикончить-то меня всегда успеется... С такими-то средствами передвижения. – Саллах вытянул вперёд обе лапы, – Я далеко не уйду.

Конан промолчал – сказанное не нуждалось в подтверждении.

Но Саллах продолжил:

– Знаешь что, Конан? Я хотел бы подумать. Я подожду вас здесь, вон в тех кустах. Есть я могу пока и землянику. И грибы... Потому что ни мышей, ни даже лягушек мне сейчас не поймать. Да и ладно. А когда вы будете ехать обратно – я как раз и решу.

Что со мной сделать!

– Договорились, Саллах. Ну, до встречи!

– До встречи, Конан. И...

Отомсти за нас!

Логово они обнаружили через полчаса, когда на востоке уже начало сереть небо.

Собственно, Конану о приближении логова сказали приметы, отлично описанные Велемиром: вот что значит – профессионал! Могучий холм, скорее, увал, явно когда-то был складкой горного отрога, но по каким-то капризам природы ветра ли, время, или ещё какие факторы сильно потрепали скалу, превратив в холм, и теперь его склоны густо поросли лесом и кустами. Конан увидел «любимую» ежевику, сморо-

дину и малину. Всё верно: как раз их сезон. Неплохо. Если Саллах надумает попробовать выжить в лесах, у него отличные шансы. Если, конечно, не нарвётся на медведя или рысь.

Резеда как-то подозрительно долго молчала – за всё время их поездки до логова только ёрзала в седле перед Конаном, да вздыхала. Конан еле слышно сказал:

– Вон оно, логово мага. Видишь: вон за теми кустами, шагах в двухстах. Я сейчас слезу, и пойду туда. А ты бери Красавчика в повод, заходи вон в те заросли, и жди меня здесь... Ну, скажем, два часа. Это как раз рассветёт. И если я к этому времени не появлюсь, считай всё моё – своим. Садись на коня, и уезжай куда захочешь.

– Конан?! Ты – что?! Что ты такое говоришь? Как это *ты* – и не вернёшься?!

– Как, как... Возможно – конечно не хотелось бы! – и такое. Бессмертных среди людей нет. Если честно, то и среди магов мне до сих пор не попадались, чего бы они там о себе ни мнили. Всех на этом свете можно убить. Тем или иным способом. Просто убить меня куда труднее, чем обычного смертного человека. Я... Очень люблю жизнь. Поэтому, конечно, буду драться за неё зубами и когтями, если до такой крайности дойдёт... Но обычно я всё-таки предпочитаю меч. – Конан повернулся к ней спиной и двинулся в сторону логова.

– Я не об этом, Конан! Как ты можешь вот так, сходу, *доверять*, да ещё завещать всё своё достояние – совершенно

незнакомой женщине? А вдруг я тебя сейчас брошу, да сбегу отсюда к такой-то матери?!

Конан остановился. Неторопливо вернулся, взял Резеду за плечи. Долго смотрел ей в глаза. Потом сказал:

– Ты – не сбежишь. Спасибо твоим родным и близким. И соседям. У вас в роду и в селении не принято бросать своих. А беспокоюсь я на самом деле только об одном. Чтоб ты не сидела здесь слишком уж долго. Чтоб твари, если победят, не накинулись на тебя всей сворой!

Ради меня! Не жди этого.

Ну а сейчас – прощай.

Резеда долго смотрела вслед удалявшейся, бесшумно преодолевающей подлесок, так, чтоб не маячить на открытом пространстве дороги, огромной фигуре. Потом со вздохом отёрла рот. Хотя ощущение нежного и страстного в то же время поцелуя ей хотелось бы оставить навсегда...

С дозорными, охранявшими вход в логово – почти круглую пещеру в человеческий рост – Конан справился просто: одного поразил прямо в центр лба стрелой из своего туранского лука, второго, повернувшего голову к напарнику, когда тот крякнул – убрал метательным ножом, попав точно в висок. После этого стало возможно выйти из-за кустов в двадцати шагах от зева пещеры, под прикрытием которых варвар бесшумно, и воспользовавшись тем, что вокруг ещё сохранялся предрассветный сумрак, и подобрался к этому са-

мому зеву. Ползком.

Подойдя, киммериец заглянул в жерло ведущего вниз тоннеля. Нет, никто коварно и хитро там не прятался.

Отрезать головы ящеров, поражённых в мозг, было, похоже, уже не обязательно, но Конан не хотел рисковать. Трупы и головы оттащил подальше в лес. Теперь осталось только помолиться Крому, его небесному покровителю, да и начинать.

Дело предстояло кровавое и мерзкое, но сделать его было нужно. Земля должна принадлежать людям, а не чёрным магам и их рабам-прихвостням! Конан начал спускаться вниз. Видел он в темноте действительно неплохо – он не хвастал, когда говорил Резеде, что куда там до киммерийцев – как-ким-то кошкам!..

Тоннель выглядел в точности, как описал ему Велемир – всё время петлял, и поворачивал, но спуск вёл всё время вниз – пройдя, как прикинул варвар, шагов пятьсот, он уже шагов на сто углубился под поверхность земли. То, что тоннель один, и других выходов нет, Конана и радовало, и напрягало. А ну – как Велемир и его партнёры по неудавшемуся делу, просто плохо провели разведку, и выходов имеется куда больше? Просто они, например, хорошо замаскированы! Не хотелось бы столкнуться с отрядом, зашедшим ему в тыл – в тесноте тоннеля точно можно тогда получить укус в какую-нибудь часть тела! А это в планы киммерийца никоим образом не входило.

Но вот впереди замаячило что-то более светлое, чем просто очередной поворот. Конан замедлил шаг, осторожно выглянул из-за очередного поворота тоннеля. Точно! Большой зал – судя по-всему, как раз тот, где злосчастный отряд Велемира принял своё «преображение». Огромное круглое пространство абсолютно пусто – нет даже знакомых по другим таким делам, и даже ставших в какой-то степени традиционными, алтарей, колонн, или тронов... Только несколько факелов в держаклах на стенах освещают «парадный зал» логова.

Значит, пора.

Конан вынул из маленького кошелька на поясе кусочек воска. Размял. Разделил на две одинаковых части. Плотнo вдавил в уши. Покачал головой, пооткрывал рот. Вдавил правый комочек чуть поглубже. Порядок. Он, конечно, теперь ничего не услышит, и об опасности, случись таковая сзади, сможет узнать, только если будет почаще крутить головой. Он не любил таких обстоятельств: отличный слух – одно из важнейших условий работы профессионального воина. Но сейчас выбора не было: он знает слишком много языков. И если маг будет говорить на знакомом, никто не даст гарантии, что естество Конана не отреагирует так же, как отреагировали остальные бойцы загипнотизированного отряда – то есть, превратится в послушную и безвольную тряпку. А этого бы не хотелось.

Выглянув в пещеру ещё раз, Конан убедился, что никого

в ней так и не появилось. Странно. Ловушка?

Но ведь если письмо не дошло – маг не может знать, что Конан должен навестить его. Однако рассчитывать на беспечность и гостеприимность чародея не стоит. Исходить нужно из худшего варианта: его ждут, его будут стараться захватить врасплох.

Конан, мягко вынув меч из ножен, двинулся вперёд. Первый коридор, ведущий, если верить Саллаху, вниз, к холодным пещерам. С «мясом». Чисто. Второй – этот ведёт к камерам с зерном и овощами. Тоже – никого. Хм-м... Ладно, на его действиях это никак не скажется – он будет делать, что наметил.

Конан, прихватив из железного держака факел, свернул в третий коридор, ведущий, как он знал, к казармам.

Вот и первая комната. Надо же. Здесь есть даже дверь. Конан отворил, и вошёл.

Неграл его задери! Ну точно: как в казармах! Трёхъярусные лежаки, почти до потолка. Идут сплошным настилом. И на каждом метре длины лежит тело. Ящера. Спящее тело. К Конану тела оказались повёрнуты хвостами – оригинально, конечно.

Но то, что все дрыхнут – странно. Обычно в больших казармах хотя бы два-три «солдата» всегда по каким-нибудь причинам, но – не спят. У кого-то могут болеть зубы, кто-то может захотеть в туалет, ещё кто-то глодает сухую корку – не дотерпев до завтрака... С другой стороны, убивать спящего

врага – подло и бесчестно. Недостойно Конана!

Поэтому он вошёл и прикрыл за собой дверь – на той не оказалось даже засова. Затем приблизился и бросил в обложенный крупными кусками камня очаг, имевшийся посреди квадратной высокой комнаты, и где припорошенные слюем пепла ещё теплились угли, факел, вынутый из одного из державок в центральной пещере. Да ещё и подбросил охапку хвороста из тех запасов, что были огромной горой навалены в углу.

Взметнулось, вероятно загудев, пламя, и дым тут же ушёл в дымоход, узкое отверстие которого располагалось прямо над центром комнаты. (Вот, значит, как ящеры приспособляются к ночной прохладе. Теперь понятно, почему они предпочитают заниматься своими делами днём!) Костёр затрещал, рассыпая искры, и ярко разгораясь, Конан вернулся к двери, и заорал:

– Хватит дрыхнуть! Вставайте, и умрите как мужчины!

Кое-кто заворочался, но большая часть ящеров продолжала мирно поживать, даже не повернув головы в сторону киммерийца. Пришлось быстро обежать по кругу всю комнату, перерубая вертикальные брёвна-стойки, так, что верхние ярусы нар начали валиться на пол, и на нижний ярус, давя и вынуждая проснуться тех, кто там лежал. Конан мысленно усмехнулся: теперь-то продолжать спать стало ну совершенно невозможно!

Однако радоваться пришлось недолго: вот уже на него

ползут, а затем и остервенело кидаются твари, первыми сообразившие, что к ним в логово забрался враг.

Хорошо, что выход из комнаты оказался один. Стоя спиной к двери, Конан, в начале легко, но затем с определёнными трудностями сдерживал натиск, который сорок семь тварей оказывали на него.

Первых десятерых он зарубил десятью могучими ударами: буквально разрубал тела пополам: и вдоль, и поперёк, и по диагонали – варвар не особенно заботился о том, куда и как придутся удары тяжёлого хайбарского меча, а следил лишь за тем, чтоб вложить в эти удары всю свою силу! Перерубленные тела падали вокруг него, словно созревшие яблоки, твари скалились, и даже поверженные, стремились достать до него зубами или когтями! Однако Конан, обутый в тяжёлые походные сапоги и одетый в крепкие штаны из грубо выделанной кожи, отбрасывал таких подползавших прочь прямо ногами, стараясь только не потерять равновесия. Остальных пришлось доставать и мечом, и, рубя обеими руками, огромным кинжалом, зажатым в левой.

Когда убитых и раненных оказалось на полу более половины казармы, двигаться стало тяжело: пол теперь был буквально залит скользкой кровью, и завален телами. Конан нащупал левой рукой дверь, и выскочил в коридор. Здесь всё ещё было пусто. Впрочем, вероятно твари визжали, рычали и верещали – он подумал, что уж сейчас-то его прибытия не заметит только совсем уж глухой.

Заняв удобную позицию в двух шагах от раскрытой двери, он продолжал отбиваться от льющегося из неё потока нападавших, которые уже более-менее пришли в себя – то есть, согрелись, и очнулись от сна, и теперь двигались не замедленно, а весьма резко и опасно. Тем не менее до того, как открылись двери ещё двух, а затем – и остальных тринадцати комнат, где располагались казармы, Конан успел поубивать ещё с дюжину ящеров, и отбросить назад напиравших на него.

Однако в ситуации наступил коренной перелом, когда открылись и двери всех остальных комнат, и на варвара полезло, вначале медленно, а затем – быстро и неумолимо, целое войско, занявшее в ширину все десять шагов широкого третьего коридора. Конан мудрить много не стал: развернулся и ломанул на выход!

Бежать по поднимающемуся коридору было нетрудно: ему иногда даже приходилось специально немного замедлять шаг, чтобы убедиться, что твари успевают! Ну а «подбадривать» их издевательскими ругательствами, и просто криками, нужды не было: щерящиеся зубастые пасти, брызжущие слюной и корчащиеся страшные морды, недвусмысленно сказали ему, что ящеры полны решимости разделаться с чужаком, и отомстить за падших товарищей! Но теперь они, скорее, мешали друг другу: узость прохода не позволяла бежать больше, чем по трое в ряд, а по стенам и потолку лазить твари явно не умели – иначе они без сомнения преследовали

бы его и там!

Конан, убедившись, что его преследуют все, кто способен передвигаться, резко ускорил шаг, оторвавшись, и вскоре выскочил наружу.

Здесь его уже ждали.

Четверо прожжённых и опытных, почти как сам киммериец, ветерана по приключениям на «Вестреле» уже выстроили в ряд не меньше двадцати бочек с вскрытыми верхними крышками. Теперь по команде Конана они принялись быстро эти бочки опрокидывать, и содержимое могучей рекой устремилось вниз – ровный уклон позволял шипящей и маслянистой чёрной жидкости быстро преодолевать расстояние до первых преследователей, и омыть их лапы, а затем и устремляться вниз – по уклону! Киммериец сам орудовал изо всех своих нечеловеческих сил, чтоб быстрее vorочать не менее чем двадцативёдерные ёмкости. И он не успокоился, пока содержимое всех двадцати двух бочек не оказалось вылито в тоннель. И лишь когда морды первых шеренг ящеров оказались всего в десятке шагов от выхода, бросил в тоннель факел, поданный ему одним из корсаров.

Полыхнуло ослепительное пламя, людей обдало нестерпимым жаром: им пришлось даже попятиться от обжигающего «дыхания» пещеры, теперь наполнившейся грозным гулом, и не то – воем и стонами, не то – визгом. Эти страшные душераздирающие звуки было слышно даже сквозь восковые затычки. Конан поспешил вынуть их. И тут же пожалел об

этом: по сердцу, закалённому в тысячах битв, резануло жуткой безысходностью и тоской, казалось, насквозь пропиты- вающих эти крики!

Конан, убедившись, что из жерла так никто и не выбрался, отошёл подальше. Крепко пожал руки верных товарищей. Сказал, перекрикивая рёв пламени и стоны агонии:

– Спасибо! Вы вовремя.

– Не за что, Конан. – это за всех ответил Паннут, одно- глазый коренастый крепыш, которого Конан назначил глав- ным, – Держаться за вами так, чтоб твоя девушка нас не ви- дела, было нетрудно. Проехали тоже легко: ты же сам всё расчистил. Найти пещеру по твоим описания смогли без проблем. Что ты уже внутри – догадались по убитым страж- никам. Довезти на двух телегах и расставить бочки было то- же нетрудно. Особенно вождедея получить ту сумму, что ты посулил нам.

– Отойдём-ка, – киммериец отвёл своих помощников по- дальше от ревушего огня, видя, что наружу не прорвалась и теперь-то уж точно не прорвётся ни одна ящерица. – Могу вас порадовать. Договориться удалось даже лучше, чем мы прикидывали. Только вначале... Во сколько вам обошлись телеги и нефть?

– Значит так... За двадцать две бочки сторговались на со- рока динариях. Телеги и кони-тяжеловозы – ещё шесть ди- нариев. Плюс запас еды и напитков... Ещё десять. И ночлеги – пять. Кое-какая амуниция ещё... На круг, считай, наклад-

ных расходов на семьдесят золотых.

– Отлично. Если от пятиста золотых отнять семьдесят, да поделить на пятерых...

– Восемьдесят пять золотых. – это влез Рнего, всегда считавший быстрее всех, – Клянусь кишками Эрлиха, отлично! Куда лучше, чем пятьдесят!

– Да, неплохо. – это подтвердил удовлетворение от сделки Калед, крепкий ветеран средних лет, слегка прихрамывающий на правую ногу.

Борисс, последний из соратников Конана по похождениям на «Вестреле», никогда не отличавшийся разговорчивостью, что, впрочем, отлично компенсировалось огромной силой и отменными навыками владения любым оружием, только кивнул.

– Ладно. Работа ещё не закончена. – Конан повернул голову к зеву пещеры, где пламя уже стихало, явно догорая. – Все помнят? Добивать – только отрубая голову. Каждую ящерицу. И... Воск есть у всех?

– У всех.

– Отлично. Через десять минут, когда остынет, двинемся.

Двинуться, правда, удалось только через полчаса – раньше жерло почерневшего от жирной копоти тоннеля не остыло настолько, чтоб туда можно было хотя бы сунуться, не рискуя обжечься о стены и своды, а то и просто – задохнуться.

Потеющий так, что капало с подбородка и текло по спине, Конан с очередным зажжённым факелом в левой руке и мечом в правой, шёл первым. Он пинал наиболее подозрительно выглядящие обгоревшие практически до костей трупы, и отрубал головы тем, кто проявлял хотя бы намёки на шевеление. Остальные разгорячённые и с трудом дышащие всё ещё обжигающим воздухом корсары, идущие за ним, просто отрубали головы всем подряд. Укушенным никому быть не хотелось.

– Мерзко. – как ни странно, это сказал обычно молчаливый Борисс.

– Мерзко. – подтвердил кивком обернувшийся к нему Конан. – Но – нужно. Напоминаю: Велемиру пришлось самому отрубить себе полкисти, чтоб зараза не пошла дальше в тело. А самое главное – мы же не хотим, чтоб «воскресшие» ударили нам в тыл в самый неподходящий момент.

– Я не об этом. – буркнул Борисс.

– А-а... Да, мерзко и это. Я и сам напоминаю себе мясника. Или палача. Мы обычно не добиваем. Людей. Но это – уже не люди. Абсолютно никаких шансов превратить их назад нет. Так что это – монстры. В них не осталось ничего человеческого. И пока они были живы, они были лишь слепыми и безропотными исполнителями. Рабами. Кстати.

Мы подходим к главной пещере. Пора затыкать.

На плотное затыкание ушей ушло меньше полминуты. Для проверки все похлопали в ладоши, и полязгали оружи-

ем. Тишина в ушах сказала Конану, что затычки действуют. Вот и хорошо: значит, никого не заговорят для «преображения».

Дальше спускались уже в полной тишине, переговариваясь по необходимости только жестами и знаками – такой способ был корсарам вполне привычен, и система жестов отработана ещё по операциям на «Вестреле». Конан не забывал считать. Сгоревших ящеров в тоннеле набралось триста семьдесят три.

Значит, впереди ждут ещё по-меньшей мере двести двадцать семь.

Правда, неизвестно, в каком они состоянии, и затянулись ли уже травмы, полученные в лесу, и сейчас – от огня, и меча Конана. Но в том, что твари не сдадутся, и окажут нападающим самое жестокое сопротивление, никто из корсаров не сомневался. Рассказу Велемира Конан доверял, а остальные доверяли Конану: если он сказал, что будет вот *так – так* оно и будет.

Сопротивление им и правда – оказали. Ну, вернее, пытались.

Потому что когда двести с чем-то действительно оставшихся в живых ящеров, на телах некоторых из которых ещё зияли незажившие полностью раны, или краснели полосами и пятнами вспухшей кожи ожоги, кинулись на пятёрку корсаров, битвой это назвать ну никак было нельзя. Уж слыш-

ком неравными оказались силы, и слишком явно стали и мастерство переигрывали зубы, когти, и слепое безрассудное стремление исполнить во что бы то ни стало приказ Хозяина...

Очень многих ящеров Рнего и Калед уложили ещё на подступах к выходу из жерла тоннеля, в котором пятёрка заняла оборону, оберегая таким образом свои фланги и тыл, стрелами: в голову! Похоже, поражение мозга вызывало у ящеров почти мгновенную и гарантированную смерть: такие ящеры больше не поднимались, и не шевелились. Остальные двое корсаров с Конаном во главе в это время прикрывали стрелков с фронта и флангов, не позволяя ящерам приблизиться на расстояние укуса.

Но когда закончились стрелы, за меч и саблю пришлось взяться и Каледу и Рнего. Теперь корсары чуть выбрались из зёва тоннеля, чтоб можно было сражаться плечом к плечу, прикрывая товарища, но и не мешая ему.

Возможно, что в пещере стоял невыносимый гвалт и рёв, но к счастью никто из людей этого не слышал – восковые затычки надёжно перекрывали слуховые проходы ушей. Как сказал ещё в тоннеле Конан:

– Выковырять слишком глубоко затолканный воск легко. Не стесняйтесь засунуть поглубже и понадёжней. Лучше перестараться. Потому что если недостараться – можно просто стать очередным безвольным рабом нашего друга. А что тогда будет – вы знаете.

Действительно, они знали: Конан просил и его самого убить, если они заметят в его поведении хоть что-то подозрительное...

Скоро, буквально через десять минут, вал из нападающих стал словно откатываться назад, и напор на соратников Конана ослаб: задние ряды тварей больше не напирали на передние, поскольку не осталось больше этих самых задних рядов – все они оказались перемолоты в мясорубке под названием профессиональные корсары.

Конан сделал жест, означавший: «приканчиваем всех!». И теперь уже корсары, неудержимой лавиной ринулись вперёд, на явно деморализованного и перепуганного противника, стараясь только не наступать на скользкие от крови тела, и держаться подальше от разверстых пастей.

Буквально за минуту всё было кончено. Ящеров, желавших бы померяться силами с людьми, вооружёнными не персональными зубами и когтями, а доброй сталью, больше не имелось.

– Никто не ранен? – он вспомнил, что спрашивать бесполезно, и показал жестом.

К счастью, ран не оказалось: Конан предупредил всех заранее и на корсарах были толстые сапоги из грубой сыромятной кожи, кожаные же плотные штаны и свободные, и не стеснявшие движений, кожаные рубахи.

– Тогда – закончим с этими. – он сделал жест, словно отрубает головы от туловищ.

На добивание и отрубание голов ушло времени гораздо больше, чем на сам бой: почти полчаса. Но уж отрубили все: Конан лично проверил все закоулки и завалы из тел.

Обезглавленных тел набралось двести девять.

Конан почесал в затылке: то ли он неправильно определил изначальную численность войска мага-монстра, то ли несколько десятков тварей где-то затаились, опасаясь неминуемой смерти. Или, что более вероятно, служат сейчас личной охраной мага. Потому что «своих» желаний, или опасений за собственную жизнь у рабов быть не может!

Жестом Конан пригласил товарищей следовать за собой. И они двинулись в широкий третий коридор, в стенах которого были распахнутые сейчас настежь двери казарм. Попутно проверяли эти самые казармы – но нет: никто нигде коварно не затаился. В торце коридора оказалась дверь помощней: окованная крепкими железными полосами, из толстых дубовых досок. Всё верно: проход в покои мага-хозяина должен быть защищён и слугами, и препятствиями.

Конан дверь внимательно осмотрел. Хмыкнул. Ставил её явно непрофессионал. Вот и хорошо. Варвар посмотрел на Борисса, и глазами и жестом показал тому, что нужно. Борисс вынул из чехла за спиной и подал киммерийцу огромный двуручный топор. Варвар поплевал на ладони, развернул топор обухом вперёд, и с пяти ударов выломал крепления, которыми косяк двери крепился к скале: огромные куски породы выпали вместе с железными штырями, что их

там удерживали. После этого всем пришлось посторониться: дверь вместе с косяком, подняв тучу пыли, и чуть не загасив факелы, рухнула к ногам пиратов. Конан сделал жест: «Прикрывать!», сам же осторожно, и пригнувшись, двинулся в полумрак, чуть рассеиваемый лишь далёким факелом, торчавшем в держаке впереди шагах в ста.

Однако коридор, стены которого даже не были выровнены, оказался пуст. И никаких «коварных» ловушек ни в стенах, ни в каменном же полу не оказалось. Как не было приготовлено и глыб, что попадали бы на них с потолка... Странно. Конан привык к подлым ловушкам чёрных магов, расставленным на пути к покоям таких «Повелителей Вселенной и её окрестностей», и сейчас недоумевал: когда же чёртов чародей начнёт пытаться их убить или перехитрить?

Так, во главе своих людей, оцетинившихся стрелами на полунатянутых тетивах, и мечами, он и вошёл в круг света от факела. Коридор кончался словно тупиком. Однако прощупав эту стену, и поведив вокруг новым, поданным ему Бориссом, факелом, киммериец обнаружил приличный сквозняк по краям огромного камня, перекрывавшего проход. Отдав факел Рнего, он снова взялся за топор: собственно, он и не выпускал его из правой руки.

Однако теперь, даже сменяясь с Бориссом и Паннотом, чтобы справиться с камнем пришлось основательно потеть почти полчаса. Конана бесила мысль, что за это время маг может свалить из чёртова логова к матери Ишшагетт, если у

него имеется запасной выход в личных апартаментах, которым такие предусмотрительные гады обычно и обзаводятся в первую очередь. Имея в виду как раз вот такой случай.

Но вот скала пала, развалившись на крупные, но не мешающие проходу, обломки.

Конан снова взял факел, и переполз через завал. Большая пещера. Из которой снова ведёт коридор, начинающийся в дальнем её конце. Похоже, дальше Саллах никогда не бывал: здесь его описание заканчивалось. Да и ладно: всё равно нужно двигаться вперёд!

Этот коридор, правда, оказался куда короче: шагов десять, но он два раза поворачивал – чтоб, вероятно, устраивать за углами засаду... Только вот не было никаких засад.

И вот они снова перед очередной дверью из дубовых досок. Эта оказалась вмурована на совесть, и Конану пришлось потерять ещё с десяток драгоценных секунд, прежде чем удалось прорубить на этот раз в её досках проход. Щепки так и летели, и тяжёлые удары снова отдавались в ногах, но треска слышно не было – восковые затычки работали.

Комнату, оказавшуюся за дверью, Конан при всём желании не смог бы назвать шикарно обставленной, хотя сомнения в том, что перед ними личные апартаменты мага, не было. Широкая и длинная низкая лежанка, застеленная толстым слоем шкур, сказала ему и его товарищам о том, что маг предпочитает спать на мягком, и развалиясь привольно.

Стояли здесь и шкафы с какими-то склянками и инстру-

ментами, и сундуки – с одеждой. Только вот никакого мага в комнате, разумеется, не обнаружилось. А пройдя в угол, куда ветром тянуло огонь и дым от факелов, Конан понял почему.

В скале имелся узкий вертикальный лаз, вырубленный явно недавно: кое-где сколы от инструментов ещё даже не утратили блеска.

Конан заинтересовался лазом. Жестом попросил Борисса и Рнего подтащить к нему простой и заваленный какими-то бумагами и пергаменатами стол, стоявший в одном из углов прямоугольной комнаты. Смёл рукой всё барахло на пол. Влез на стол.

Пристальное изучение стен лаза примерно двух футов в диаметре много сказало киммерийцу. Он слез, и жестом дал указания своим людям.

Калед и Борисс заняли позицию у двери, прикрыв её, Рнего и Паннут взяли под охрану лаз колодца. Конан подошёл к ложу, и могучим рывком перевернул его.

Разумеется, мага под лежаком не оказалось.

Зато оказался там ещё один лаз-колодец, ведущий на этот раз вниз. Конан почесал в затылке. Похоже, от лазанья по колодцам сегодня-таки не отвертеться...

Лаз шёл не строго вертикально, а с наклоном. Но лезть вниз, придерживаясь за верёвку, что была припасена в рюкзаке Рнего, было нетрудно. Конан испытывал проблемы только со стороны факела: на сквозняке, имевшимся в лазе,

тот сильно чадил, и постоянно норовил обдать лицо варвара очередной порцией жирной копоти. К счастью, это продлилось недолго: весь лаз оказался не длиннее двадцати шагов. Окончился он очередным тоннелем, тоже, правда, коротким, и извилистым, и новой дверью. На этот раз, для разнообразия, простой и обычной, не окованной. Конан подёргал верёвку, уходящую наверх, и вскоре вся пятёрка оказалась в сборе, и стояла перед дверью. Конан толкнул её.

Дверь оказалась и правда – не заперта. Значит, он правильно разглядел, что на её торце даже нет болтов или заклёпок от засовов... Конан как всегда вошёл первым.

Эта комната оказалась ещё меньше, чем та, верхняя, с двумя колодцами.

Прямо напротив входа стояла ещё одна дверь, она вот именно – стояла, просто прислонённая к стене. На ней мелом, по-зингарски, было написано: «Пощадите! Я не колдун! Обещаю никого не заговаривать!». Конан покачал головой. Снова сделал знаки товарищам: прикрывать его тыл, и охранять вход. Затем громко, тоже по-зингарски, сказал:

– Вылезай. Обещаю не трогать тебя, пока не объяснишь, в чём дело.

Из-под очередного лежака, занимавшего дальний угол, выбрался ящер. На взгляд киммерийца, он, если и отличался от остальных монстров, так только размером: был примерно раза в полтора крупнее, весил фунтов триста, и в длину от кончика носа до кончика хвоста имел четыре шага – футов

двенадцать. Чешуя, покрывавшая тело, тоже выглядела более ухоженной: была и правда, словно намазана маслом, от которого всё тело блестело и лоснилось.

Конан жестом показал, чтоб ящер ушёл в пустой угол комнаты, где не имелось ничего, что можно было бы использовать, как оружие. После чего показал своим товарищам, что намерен «побеседовать». Борисс сразу сообразивший, что от них потребуется, сразу встал рядом с Конаном и чуть позади него, сняв с пояса окованную железом дубинку, и держа её наготове, чтоб треснуть варвара, если он поведёт себя «подозрительно», словно околдованный, по голове. Конан жестом показал, что именно этого и ждал.

Не торопясь он выковырял из ушей затычки, и держал во время последовавшей беседы в ладони, готовый при малейшей опасности сразу воткнуть их назад.

Маг сказал:

– Ты умён. И хитёр. И подготовился отлично. Эффективность владения вашим примитивным оружием – просто потрясает. И ты ведь не боялся, что я вас заколдую – и так знал, что я не колдун. Когда догадался?

– После рассказа одного моего старого коллеги. Который выжил после встречи с тобой.

– А-а, пять месяцев назад... Один спасшийся. Верно. Мы так и не догнали его.

– Меня интересует пара вещей. Только из-за этого ты и жив до сих пор. Ответь на несколько вопросов, и я отвечу

тебе взаимной любезностью: ты умрёшь быстро. И без мучений.

– Хорошо. Умереть мне так и так пришлось бы. Лет через десять. Ведь вы добились всех моих слуг? – это был полувопрос-полуутверждение. Конан подтвердил:

– Всех, кого встретили, и кто не попрятался по щелям.

– Никто не прятался. Да и не мог. Я приказал убить вас во что бы то ни стало, и все слепо повиновались. Я это... Вижу. И слышу.

– Вот-вот. Об этом и первый вопрос. Как тебе это удаётся? Чтоб все повиновались?

– Это просто. Я долго учился. В специальной школе. Владею приёмами внушения. И мои способности к телепатии... ну, к способности передавать свои мысли на расстояние – развиты тренировками. Специальными.

– В Стигии, что ли, ты этому учился?

– Нет, не в Стигии. Я учился... Как бы это сказать, чтоб тебе было понятно... Я учился не здесь. Я вообще из другого мира. А сюда к вам попал в результате чудовищной ошибки. Катастрофы.

Конан сразу уцепился за самый существенный момент этого странного заявления:

– И что сейчас с этим миром? Много там ещё есть желающих попасть сюда, к нам?

– Нет. Никого там больше нет. Ни желающих, ни вообще живых. Мой мир погиб. – ящер сглотнул, словно упомина-

ние о гибели родины и правда, сильно печалило его, – Этот мир... Мой мир... назовём его параллельным. Там есть – вернее, было! – такое устройство. Машина. Она открывала двери в другие миры – ну, такие, как твой.

– И какого же ... вам нужно было в моём мире?

– О, вовсе не захватить его, как ты мог бы подумать. А всего лишь кое-какие ваши природные богатства. Ведь здесь, у вас, девственно нетронутые залежи урана. Про который вы и слыхом не слыхали, и не подозреваете, *что* он может делать... Как раз под вот этой горой. Мы, вернее, наши специалисты-геологи, как раз и планировали начать добычу, но в нашем... э-э... Устройстве, которое питало нашу машину и всю Станцию энергией, случилась авария. Её-то я и исправлял. А когда закончил, и машина заработала...

– Да-да. Я тебя внимательно слушаю.

– Началась бомбёжка. Станцию уничтожили. Я вынужден был бежать через окно, портал, который машина открывает, успев прихватить только склянку с модификатором.

– Модификатор – это то зелье, которым ты превращаешь?

– Да. Меня и самого так превратили. Преобразовали. Я же говорю: я должен был кое-что починить. Там, в моём мире. Кое-что такое, чего не позволяло сделать человеческое тело. Забраться через трубы охлаждения в коллектор реактора, чтоб исправить... Для этого и нужны были эти чешуйки – чтоб при этом не получить смертельную дозу ра...

А сейчас эти самые, облучённые чешуйки, и убивают ме-

ня. Медленно но верно.

Впрочем, не важно. Важно то, что когда я всё, что нужно было, сделал, и уже вернулся, прозвучал сигнал воздушной тревоги. Я только и успел, что схватить склянку с противоядием, ну, то есть, жидкостью, которая превратила бы меня назад, в человека, и прыгнуть в окно портала. Оглянувшись, я успел заметить, как это окно словно озарилось ослепительным светом, а затем почернело и исчезло. В голове словно вскипел мозг: это там, в моём мире, взорвалась каптосовая бомба. Но к счастью я уже был достаточно далеко, чтоб не умереть – я оказался полностью в вашем мире. Вот только оказалось, к сожалению, что второпях я перепутал колбы, и схватил не противоядие, а сам модификатор.

– И ты решил... – Конан покачал головой, понимая теперь связь событий.

– Да. Поскольку жить в таком виде, – ящер провёл взглядом по своему телу, – в вашем мире проблематично, и никто не поймёт и всё равно не поверит, что я – тоже человек, только преобразованный, я и решил. Устроить себе небольшие каникулы перед смертью... Создать, так сказать, Государство под моим чутким руководством. И насладиться властью и заслуженным за годы работы отдыхом... Ведь я считал, да и сейчас считаю, что ваш мир сильно отстаёт от нашего. В плане науки, и вообще. У вас даже не каждый умеет читать! И уж я, с моими знаниями, и армией преобразённых, смогу легко и быстро...

– Ага. Понятно. То есть ты посчитал всех здесь тупыми и ничтожными баранами, достойными лишь твоего презрения, и годными лишь на то, чтоб ублажать тебя всяческими услугами и почестями.

– Ну... Примерно так. Впрочем, насчёт того, что я уж точно умней, и знаю куда больше всех местных так называемых учёных вместе взятых – это абсолютная правда. Только вот воспользоваться этими моими знаниями я не могу! Для этого у вас нет ни промышленной базы, ни машин, ни даже многих материалов – они пока не изобретены!

– Но как же ты выучил местный язык?

– Без проблем: говорю же, я – телепат. *Вижу* мысли в головах других людей.

– Понятно. Стало быть, ты решил объявить себя местным колдуном.

– Да. Чтоб боялись. И уважали. А позже – и дань платили. Преимущественно продуктами. Чтоб уж совсем ничего не делать. Вот для этого я и наклепал себе клонов-рабов, и загипнотизировал всех их на беспрекословное и слепое подчинение.

– Хм. Деловой, конечно подход. Практичный. Трезвый, циничный и жестокий. Меня, как человека, не может не бесить твоё отношение к детям и женщинам.

– А-а, вот ты о чём... Да, они не имели для меня значения как слуги – слабы и глупы. Поэтому я и скармливал их раненым. Но сейчас их тел не осталось – после битвы с вой-

ском султана пришлось очень много тел моих слуг... Восстанавливать.

Конан задвигал желваками на скулах, но сдержался. Спросил:

– Стало быть, такие понятия как честь или совесть тебе незнакомы?

– Да, мой разум не стеснён такими понятиями, как честь, совесть или долг. В нашем мире, собственно, никто такими устаревшими нравственными нормами не стеснён. У нас всё проще. Понятия хорошо-плохо заменены понятиями рационально-нерационально.

– Ладно, с этим ясно. Теперь такой вопрос: есть ли всё-таки шансы, что кто-нибудь ещё из твоего мира придёт сюда?

– Ни единого. Потому что после каптосовой бомбы не то что всё живое, но и сама планета оказывается как бы... Превращена в водород. Ну, вернее, чтоб тебе было понятней, в мельчайшую пыль. Разумеется, и машина, и все её настройки, оказались уничтожены. И в ближайшие десять тысяч лет никто там, у меня, не сможет создать снова что-либо техническое. Не говоря уж – о найти тот уникальный код, что ведёт сюда, и в миллионы других обитаемых миров... Если кто и выжил на других планетах нашей системы, то они быстро скатятся к варварству.

– Куда?

– Ну, к тому состоянию, в котором пребывает сейчас ваш мир. Ноль техники и науки, сто процентов – магии. И слепой

веры в неё. Ты – первый, кто понял, что я не колдун, а только прикидываюсь. Чтоб так внушить к себе побольше ужаса и уважения.

– Понятно. – хотя Конану и не всё было понятно, но, похоже, смысла врать у ящера не было никакого, – Последний вопрос. Как тебе удалось завербовать Бетани-бека?

– Это было просто. Он сам пришёл ко мне. Сказал, что готов служить, если я оставлю ему номинальное место султана этого султаната. Поклялся в вечной преданности. И действительно – выполнял все мои приказы, и сообщал важнейшие сведения.

– Сам, говоришь? – Конан сурово смотрел в глаза ящера, поглаживая рукоять меча. Ящер угрозу оценил:

– Нет, не совсем сам. Ты, вижу, и сам догадался. Да, его подговорила его любовница. Как я легко вычислил, и прочёл в его мозге, она-то и была в их тандеме главной! И командовала и вертела своим любовником как хотела. Поскольку с мужем-султаном, хоть тот и был стариком, этого не получалось.

Вот теперь все фрагменты Порбесской мозаики легли так, как положено.

– Мне всё ясно. – Конан покивал, решив, что и правда – он узнал всё, что хотел, – Где колба-то?

– Она – вон там, в стенной нише. Думаю, ты прекрасно понимаешь, что это – самое страшное и могучее оружие, что сейчас есть на вашей пла... В вашем мире.

– Нет, я не думаю, что это так. – Конан показал меч в своей руке, – Вот. *Это* сейчас самое страшное и могучее оружие в моём мире. И не обольщайся: не все люди так уж прямо боятся и уважают магов. Вот эта самая рука, – Конан поднял её ладонью к ящеру. – отняла жизни доброго десятка других таких как ты. Желаящих стать «повелителями Вселенной» или небольшого «личного султаната». Я убью и тебя. И уж постараюсь сделать так, чтоб особо изошрённые смертоносные машины и «изобретения», и чёрное колдовство исчезли из моего мира как можно быстрее. А ещё я хочу, чтоб понятия «честь» и «совесть» из моего мира не исчезали никогда.

Ладно, мы поговорили достаточно. Мои друзья уже начинают проявлять беспокойство, что ты заговоришь-таки и меня. Твой час пришёл. Скажешь, когда будешь готов.

Ящер, нужно признать, повёл себя, как подобает настоящему мужчине. Покивал, затем чуть подал тело вперёд, и склонил голову пониже:

– Я готов. Прощай, Конан.

– Прощай.

Голова пришельца из другого мира откатилась к лежаку, окропляя пол странной чёрно-фиолетовой кровью. Конан невольно сделал шаг назад – чтоб не испачкать обувь.

Затем он подошёл к нише в стене, убедившись, что тело, из которого словно выпустили воздух, грузно осело на брюхо, и больше не движется.

Варвар взял склянку, в которой оставалось ещё боль-

ше половины тёмно-сиреневой вязкой жидкости. Горловина оказалась перекрыта чем-то вроде пробки с хитрым приспособлением: как понял варвар, для того, чтоб отмерять дозу по каплям.

Конан, долго не думая, со всего размаха хватил колбой о дальнюю стену, так, что безобразное пятно разбрызгалось по ней во все стороны, и медленно стекло на пол. Несколько брызг попало и на спину мага, забывшись тем, что они теперь резко контрастировали по цвету с побелевшей вдруг шкурой. Похоже, монстр после смерти потерял защитную окраску...

Убедившись, что брызги ни на кого из напарников не попали, киммериец сделал жест своим: «Уходим!»

Когда все они вышли наружу, на свежий воздух, Конан вернулся чуть назад по тоннелю. Посмотрел наверх: всё верно. Именно здесь это и было.

Он начал работать топором как ломом, и вскоре его работа сказалась: несколько небольших камней, а затем и целые валуны поползли и покатались вниз... Ну а затем Конан еле успел выскочить из жерла, так как чуть ли не половина потолка тоннеля с грозным грохотом и в клубах пыли рухнула вниз, навсегда запечатав вход в логово мага-«преобразателя». И залежи чего-то там, что так ценилось в его погибшем мире. И того, что совершенно не нужно в мире Конана-киммерийцам, где добрая и честная битва всегда будет цениться выше, чем подлые удары исподтишка, интриги, и всякие

«бомбы»...

Конан показал жестом, что можно пробки извлекать. Все его товарищи с видимым облегчением поспешили так и сделать. Рнего потряс головой:

– Ф-фу... словно заново родился на свет. Так трудно ничего не слышать. И ничего не говорить!..

– Ага. Особенно тебе. Ты, по-моему, вообще молчишь только когда спишь. – Калед, как подумал Конан, если и преувеличил, так самую малость, потому что любовь Рнего к пространному словоизвержению знали все. Паннут хохотнул. Рнего обиделся:

– Это неправда! Я и во сне говорю. Ну, правда, только сам с собой...

– А что? Это, наверное, очень интересно – вдоволь поговорить с самим собой?

– Ну уж нет! Тот, другой я – он же такой зануда! Никогда меня не слушает, а всё время чего-то своё талдычит и талдычит – не заткнёшь!

На этот раз заржали все. Хохот даже выгнал стаю ворон из чащобы, окружавшей бывшее логово, и птицы с возмущёнными криками улетели прочь.

– Ладно, идёте за телегами. Пора отправляться за честно заработанным гонораром. Здесь нам делать больше нечего. Потому что ни пленников, ни даже тел людей, которые можно было бы предать земле, не осталось. Их съели. – Конан взглянул ещё раз на солнце. Оно стояло почти в зените, и он

не сомневался, что Резеды с Красавчиком давно и след простыл. Однако он не позволил себе расстраиваться по этому поводу: он – наёмник!

А наёмникам нельзя обзаводиться собственностью. И уж тем более – привыкать или привязываться к кому-нибудь... Особенно из особ противоположного пола.

Однако когда они с обозом из двух телег проезжали мимо того места, где он оставил свою недавнюю напарницу, из кустов донёсся возмущённый возглас:

– Сколько можно тебя ждать?! Жду, понимаешь, жду его – а он как в воду канул! Конан! Ты мог бы и побыстрее разделаться с чёртовым ящером-магом!

Конан, краснея, и ощущая на себе заинтересованные взгляды напарников, поспешил слезть с телеги, и вломиться в самую гущу подлеска:

– Я тоже рад тебя слышать, дорогая! А уж видеть... – Резеда, переставшая изображать вид и тон обиженной жены, кинулась прямо ему на шею, заливая грудь Конана горячими слезами. На ушко ему прошептала:

– Я так рада тебя видеть! Живым! Я уж вся извелась – думала, что даже поседела от волнений! Познакомишь со своими друзьями?

– Конечно. А... Откуда ты знаешь, что они мои друзья?

– Ну так! Они же проехали почти сразу после того, как ты уехал. Один слез, потрогал след от копыта, затем залез вон в

те кусты, сквозь которые ты начал подкрадываться, вернулся и сказал: «Не больше получаса! Поспешим!» После чего они погнали лошадей, которые везли две телеги с бочками. А что там было? В бочках-то?

– Зелье там было. Заколдованное.

Резеда надулась:

– Опять обманываешь бедную девушку?!

– Нет. Там и правда было зелье. От него войску чародея стало совсем худо. И половина сразу погибла, отведав его. Ладно. Хватит о плохом. Идём уже, а то мои могут про нас плохо подумать.

– Ну и пусть думают! – она очень мило надула губки и топнула крохотной ножкой, – Я и правда – согласна! Прямо здесь и сейчас!..

Конан, почувствовав, как краска смущения заливает шею и лицо, просто поднял Резеду на руки, и вынес из кустов.

– Познакомьтесь, друзья. Это – Резеда. Моя... Напарница и помощница.

Так любопытно оказалось наблюдать, как Рнего, у которого челюсть отвалилась чуть не до пупка, утратил свою обычную красноречивость, а Паннут и молчаливый Борисс покраснели, словно мальчишки, которых поймали с ворованными яблоками в чужом саду... И только Калед догадался:

– Здравствуйте, о прекрасная Резеда! Очень рады познакомиться!

Дорогу обратно скучной уж точно никто бы не назвал.

Конан ехал на Красавчике, явно чувствовавшим себя без лишнего груза веселей и свободней, Резеда перебралась в переднюю телегу, и сидела рядом с Бориссом. Которого всё время пыталась разговорить, и ежеминутно задавала вопросы:

– А сколько раз вы плавали в другие страны? А правда, что вы убили Пожирателя? А как выглядит король Вездигдет? А почему он назначил за ваши головы награды? Сколько-сколько?! Чего ж вы такого успели натворить, что он так расщедрился?!.. А правда, что любой храбрый человек может стать наёмником?

На это, последнее, высказывание, Борисс нашёл нужным ответить, коротко зыркнув на соседку:

– Нет! Не каждый. *Это* должно быть в крови!

– Что – это?!

– Тяга к битвам, и любовь к оружию.

– А-а, понятно. А как ты сам попал к Конану на «Вестрел»?..

Допрос с пристрастием начался вновь. Конан, ехавший рядом с Каледом впереди, иногда оглядывался через плечо, и переглядывался с товарищем. Калед усмехался в усы. Рнего, управлявший битюгом, везшим вторую телегу, изнывал: поговорить бы! Но Резеда предпочла гиганта Борисса, сев сразу к нему. Паннут, замыкавший процессию, в разговорах и переглядываниях не участвовал: следуя на коне за телегой

Рнего в двадцати шагах, он добросовестно охранял их тыл.

На том месте, где они оставили Саллаха, Конана ждал неприятный сюрприз: ящер явно обкусал челюстями острый короткий кол, чтоб заострить кончик, и кинулся со всего размаха на него – так, чтоб тот пронзил сердце.

Пришлось остановиться, чтоб предать тело мужественного человека земле. Конан, стоя над могилой, сказал:

– Покойся с миром, Саллах, мужественный человек, сам избравший свою судьбу. Да примет Мирта Пресветлый твою душу в свои чертоги!

После этого некоторое время ехали молча, оставаясь под впечатлением от рассказа Конана и трагедии Саллаха. Но затем Резеда вновь принялась за своего соседа, а корсары вновь принялись ухмыляться: вот уж женщина – всегда останется Женщиной!..

До Порбессии доехали засветло.

Начальник стражи в воротах приветствовал их, как старых знакомых:

– Добро пожаловать, Конан! Добро пожаловать, уважаемые странники! Приветствую вас в Порбессии от своего лица и лица всех жителей! Мы никогда не забудем тех услуг, что ты, киммериец, оказал нашей маленькой стране. А друзья Конана – наши друзья!

– Ого! Конан! Чего ты тут уже успел наворотить?

– Сам не знаю. Но можно спросить. – Конан и правда, по-

вернул голову от Каледа снова к начальнику стражи, и спросил, – Что у вас тут было? Днём или ночью?

– Ну – как, что?! Вскрылась, наконец, коварная измена!

Сегодня ночью отряд личной стражи султана нашего, дородого Мехмет-оглы Шестого, внезапно ворвавшись в покои его приближённого вельможи, облечённого высочайшим доверием, Бетани-бека, застал в постели с ним любимую жену нашего султана – Джайсуну-хоним! Так что спасибо тебе, Конан! Это ведь ты выяснил всё про коварного заговорщика и подлого предателя, и гнусную интриганку и изменницу! И не побоялся вчера ночью открыть правду нашему Повелителю!

– И... Что там сейчас с предателем и изменницей?

– Ну как – что?! Наш повелитель всякие суды да разбирательства не любит! Попались на месте, голубчики – так получите своё! Как положено по Адату!

Так что казнили их уже. В полдень, как обычно, на центральной базарной площади. Вазира оскостили, четвертовали. Джайсуну-хоним посадили на кол. Да она, кажется, до сих пор жива – вон, слышите, орёт?

Действительно, дикие, полные боли и страдания крики, не услышал бы только совсем уж глухой. Или человек с восковыми пробками в ушах. Конан однако, нисколько ими не тронутый – по заслугам получила, подлая предательница! – покивал головой:

– Я рад, что смог быть полезен его Величеству, мудрей-

шему Мехмет-оглы Шестому! И желаю всяческого процветания и ему и вашей милой стране.

Про себя Конан подумал, что после такого прецедента, с «любимой» женой самого султана, в Порбессии некоторое время будет очень мало... Рогоносцев.

Да и хорошо.

В караван-сараяе Конана ждал неприятный сюрприз: разделиться с предателем-хозяином лично, как он планировал, не удалось. На его месте работала, утирая слёзы, вся буквально позеленевшая от страха, жена. На Конана и его друзей она бросала такие взгляды... Любая змея позавидовала бы.

Впрочем, Конан этим зрелищем тоже не смутился, а сразу повёл своё маленькое войско в соседний караван-сарай. Не хватало ещё быть отравленным мстительной женщиной! Ей-то он не смог бы адекватно ответить!..

Поскольку непорядочно оставлять круглыми сиротами семерых детишек.

Пока его напарники и как-то естественно вписавшаяся в их общество Резеда ужинали в общем зале, Конан решил нанести визит вежливости.

На этот раз ему даже не пришлось ждать: и стража на входе, и доверенный евнух мгновенно обеспечили ему допуск пред светлы очи.

На лице восседавшего на троне Мехмета Шестого блуждала загадочная улыбка.

Да и сам он – даже словно помолодел и стал выше ростом: расправились по-старчески сторбленные плечи, и даже морщины на лице стали как будто не такими глубокими! Конан поторопился приветствовать владыку Порбессии со всей подобающей торжественностью и почтением.

А что: человек реально доказал, что сохранил ещё хватку и трезвый расчётливый ум! Значит – достоин занимать этот самый трон!

– Приветствую и тебя, Конан-киммериец. И тебе – здоровья и процветания. Надеюсь, приготовленные вот в этом мешке пятьсот динариев помогут тебе в этом вопросе. – султан нежно похлопал по боку весьма вожделенно позвенькивающего пузатенького мешка у своего бока. – А не желаешь ли теперь немного...

Подышать свежим воздухом?

Беседа в саду затянулась почти до полуночи. Уже выплыла из-за высокой стены дворца яркая восточная луна, серебрявшая интерьер сада таинственным волшебным сиянием, а Мехмет Шестой всё спрашивал, и спрашивал. Особенно его поразил клочок бумаги, который Конан так легко и просто расшифровал.

– Мы ещё не разобрали переписку и документы, оставшиеся после предателя. Да, собственно, они и не понадобились: факт измены и предательства оказался настолько вопиющим... Что мне даже не пришлось подготавливать так

называемое «общественное мнение» через своих агентов – все люди и так всё видели, и оказались на моей стороне.

– Да уж, Ваше Величество. – Конан покивал, – В такой ситуации все – всегда на стороне обманутого и подло преданного мужа и повелителя! Хорошо получилось.

– Точно. Но до того, как здесь появился ты, эти мерзавцы не позволяли себе быть столь неосмотрительными. И неосторожными. А тут просто этому хитро...опому, но глуповатому подонку, очевидно, понадобились конкретные инструкции и советы. А мою драгоценную так и распирало от желания поскорей убить тебя. Вот и поспешила, даже почти не прячась, в покои моего доверенного и «многомудрого». Посланец отбыл. Я подождал. Ну а я-то точно знал, сколько времени нужно, чтоб они оставались ещё... Друг в друге!

Ведь этот много о своей мужской силе мнящий засранец сам похвастал перед своим доверенным евнухом, что может ... почти час!

Ну вот и до...ахался.

– Рад за вас, Ваше Величество. Всегда приятно, когда правда торжествует. Теперь можете спать спокойно: с «внутренним» врагом вы прекрасно управились и сами.

– Но вот от внешнего врага, Конан... Я не обольщаюсь: только благодаря тебе!

Никто другой просто не осмелился бы! «Колдовство» же!..

Конан в очередной раз вежливо поклонился, пряча хит-

рую улыбку в усы.

Ужин в караван-сараяе прошёл для Конана, как ни странно, почти спокойно: его напарники постарались.

Решение было до крайности простым: они рассказами и шутками так «уходили» раскрасневшуюся на радостях Резеду, что она слегка... Перебрала. Потому что старалась не отставать от бравых и профессиональных «потребителей веселящих напитков».

Ну вот и отключилась ещё до полуночи.

Засиделись, вспоминая старые дела, и обсуждая сделанную «работу», почти до рассвета. Но вскоре усталость и вино сделали своё дело, и Конан, видя, что его люди держатся на ногах лишь из уважения к нему, и из последних сил, приказал всем идти отдыхать.

И теперь, стоя на пороге своей комнаты, Конан с интересом, и опять улыбаясь в усы, смотрел на расслабившееся в беспамятстве забытья, но такое милое и стройное тело, разметавшееся по его постели в тщетном ожидании прибытия вожака мужчины...

Он очень нежно сдвинул её из центра постели, и забрался туда и сам.

Но если он надеялся, что женщина мирно спит, и ему удастся отвертеться от выполнения основных обязанностей, он сильно ошибся.

Потому что на его груди тут же оказалось нечто гибкое, и

мягкое там, где полагалось быть мягким, а пухлые чувственные губки буквально впились в его губы! А нежные поглаживания маленьких ладошек очень быстро вызвали ответную реакцию у того, у кого она должна была быть вызвана.

Отдохнуть и попытаться выспаться Конан смог только ближе к завтраку.

Но спал он спокойно: знал, что на этот раз его сон охраняют верные друзья.

И вся стража Порбессии.